

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 13 | 2013 | ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
Выпуск 4 | Декабрь | АФРИКАНИСТИКА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С АВГУСТА 1946 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ И ВОСТОК

- Дьяков Н. Н.* Россия и Марокко: основные этапы и черты эволюции двусторонних связей в XX веке..... 3

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Аврутина А. С.* О специфике морфологии как особой подсистемы языка (на материале современного турецкого языка)..... 12

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Гизбулаев М. А.* Источниковедческий анализ сочинения «*И'лам ат-тилмиз би ах-кам ан-набиз*» 18
- Зеленев Е. И.* «Жемчужное дерево» и «Повелитель луны»: возникновение государства мамлюков..... 25
- Илюшина М. Ю.* Борьба за власть в Мамлюкском султанате в первый период правления Баркука (1382–1389) 32
- Яфарова З. Г.* Место журнала «Хаят» (1926–1929) в истории турецкой периодической печати 46

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОСНОВАН В 1724 ГОДУ
1824 – ГОД ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

© Авторы статей, 2013

© Издательство

Санкт-Петербургского университета, 2013

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Маяцкая Е. Л.</i> Мифологические мотивы как средство постмодернистской иронии в романе Меира Шалева «Фонтанелла»	52
<i>Никитина А. А.</i> Особенности изображения героев в китайской романистике 50-х годов XX века.....	61
<i>Суворов М. Н.</i> Новые романы из Йемена: между откровением и эпатажем.....	68
<i>Тептюк П. С.</i> Некоторые особенности классической макамы.....	79

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

<i>Карташян А. З.</i> Некоторые аспекты формирования системы миллетов в Османской империи.....	85
<i>Котин И. Ю.</i> Быть британцем / быть «азиатом» — дилемма британских «азиатов» в поэзии Далджита Награ	94

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

<i>Пугачева Е. В.</i> Таиланд и Бирма (Мьянма): будущее иммигрантов из Бирмы в Таиланде	108
---	-----

IN MEMORIAM

<i>Сторожук А. Г.</i> Профессор Е. А. Серебряков (1928–2013). Памяти Учителя	116
Аннотации	120
Abstracts	124
Перечень статей.....	129
Contents.....	132

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 94

Н. Н. Дьяков

РОССИЯ И МАРОККО: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ЧЕРТЫ ЭВОЛЮЦИИ ДВУСТОРОННИХ СВЯЗЕЙ В XX ВЕКЕ

Уходящий 2013 год в числе прочих знаменательных дат был отмечен 115-летием установления официальных дипломатических отношений между Россией и Марокко.

Конечно, двусторонние связи между нашими народами не ограничиваются этим не очень продолжительным по меркам истории периодом на стыке Нового и Новейшего времени. Истоки отношений России со странами Магриба уходят в далекое прошлое, хотя, как известно, арабский Запад никогда не мог сравниться для нас по своему значению со Святой Землей, паломничество в которую в течение тысячи лет играло несравненно большую роль в жизни российских христиан и мусульман.

Начало прямых контактов России со странами Магриба относится к Новому времени — к эпохе новой «восточной политики» и связанных с ней колониальных споров и войн. Не имея притязаний на столь удаленную от ее границ область мусульманского мира, Россия как великая держава с XVIII в. стремилась к обеспечению стабильности в данном регионе, устанавливая первые политические контакты с его властителями¹.

После наметившегося еще в XVIII в. по инициативе императрицы Екатерины II и султана Мухаммада III б. Абдаллаха сближения между Россией и Марокко решение вопроса об установлении дипломатических отношений долго откладывалось и встало в реальную плоскость лишь к середине XIX в. К сожалению, и тогда возникла пресловутая проблема финансирования: Россия не располагала достаточными средствами для учреждения своего представительства в Марокко.

Ситуация изменилась, наконец, после победы России в войне с Турцией (1877–1878), захвата англичанами Египта (1882), а Францией — Туниса (1881–1883). Заметно изменился расклад сил в Средиземноморье, возросла и активность России у бе-

Дьяков Николай Николаевич — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: nick-d@mail.ru

¹ В июле 1778 г. султан Мухаммад б. Абдаллах (1757–1790) обратился к Екатерине Великой с предложением развивать торговлю и заключить мирный договор, заверяя императрицу, что ее подданным «оказаны будут наивеличайшие знаки дружбы, предпочитая их всем прочим народам», находящимся в мире с Марокко. В ответ на это послание султана Екатерина предоставила такие же права марокканским судам в портах России.

© Н. Н. Дьяков, 2013

регов Северной Африки. На рубеже 1880-х годов резко обострился так называемый марокканский вопрос. Вслед за Францией и Испанией, добившимися от Марокко капитуляций еще в 1767 г., к освоению этой пока еще суверенной страны устремились и другие державы.

Для урегулирования противоречий по «марокканскому вопросу» в 1880 г. была созвана Мадридская конференция с участием Франции, Испании, Англии, Германии и других заинтересованных стран. В ответ на приглашение испанского премьера российский посланник в Мадриде М. А. Горчаков заявил, что Россия не имеет особых интересов в Марокко. Конференция, завершившаяся 3 июля 1880 г., приняла конвенцию о режиме капитуляций в Марокко, подписанную 14 государствами и провозгласившую равенство прав иностранных держав. Мадридская конвенция способствовала развитию официальных контактов России с Марокко, султан которого Мулай Хасан (1873–1894) высказывал пожелание, чтобы российский представитель был направлен в Танжер.

На пороге XX в. Россия поддержала принцип сохранения самостоятельности и целостности Марокко, чем заслужила признательность как шерифского правительства-*махзена*, так и широкой общественности. Позиция России стала в значительной мере стабилизирующим фактором Средиземноморской политики того времени [1, с. 4–5].

В марте 1894 г. М. А. Горчаков писал министру иностранных дел: «Марокко призвано представлять собою часть восточного вопроса», и для усиления роли, «которая принадлежит нам в Средиземном море», абсолютно необходимо «наше эффективное представительство в Марокко», где даже Бельгия имеет своего представителя, а Германия «произвела своего чрезвычайного и полномочного посланника в ранг министра...»²

На фоне обострения «марокканского вопроса» 20 октября 1897 г. Государственный Совет Российской империи принял решение учредить российское консульство в Танжере. Данное решение получило высочайшее утверждение Николая II, и в декабре 1897 г. первым генеральным консулом в Марокко был назначен Василий Романович Бахерахт (1851–1916), получивший подробные инструкции о приоритетах российской политики, в частности об отсутствии у России каких-либо захватнических планов в Марокко. Прибывший «к месту служения» в мае 1898 г. статский советник В. Р. Бахерахт был принят, по его словам, с «обычными здесь для приема иностранных представителей почестями...»³

Начало XX в. принесло суровые испытания как для России, так и для Марокко. В первые годы нового столетия «марокканский вопрос», вызванный новым всплеском противоборства держав на пороге Дальнего Магриба, оказался в фокусе мировой политики. Санкт-Петербург не намеревался ввязываться в разгоравшийся спор Англии, Франции, а затем Германии, Италии за влияние в этом регионе.

В июле 1901 г. в Петербург прибыло чрезвычайное посольство марокканского султана во главе с министром иностранных дел Сид Абд аль-Каримом Бен Слима-

² Письмо российского посланника в Мадриде М. А. Горчакова министру иностранных дел Н. К. Гирсу с сообщением о целесообразности учреждения дипломатического представительства в Марокко. Мадрид 12/24 марта 1894 г. [цит. по: 1, с. 170].

³ Из донесения В. Р. Бахерахта министру иностранных дел М. Н. Муравьеву. Танжер 4/16 мая 1898 г. [цит. по: 1, с. 195–196].

ном. Во время аудиенции, устроенной Николаем II в Большом Петергофском дворце, Бен Слиман вручил послание султана Мулай Абд аль-Азиза русскому императору — «блистательному величеству царственной империи, жемчужине в короне его славных предков; величеству нашего друга Николая II, благодарение Аллаху, императору всех россиян...» [1, с. 256].

В ответном письме султану Николай II писал: «Мы усмотрели в решении отправить означенную первую официальную миссию в Россию новый залог искреннего желания Вашего Величества еще теснее закрепить дружественные отношения, столь счастливо установившиеся между Нашими империями, особенно со времени учреждения дипломатического представительства Нашего в Марокко...» [2, с. 140].

Осенью 1904 г. в порт Танжера вошли российские корабли 2-й Тихоокеанской эскадры, направлявшиеся на войну с Японией. Их командиры нанесли визит наместнику султана, который отметил, что Марокко связано с Россией узами дружбы, и для русских судов «нет препятствий к стоянке и снабжению необходимым в портах султаната...» [1, с. 11]. Последствия войны на Дальнем Востоке ослабили влияние России в Средиземноморье. В итоге европейские державы пошли на окончательный раздел Северной Африки.

В январе 1906 г. на юге Испании, в Альхесирасе, собрались представители 10 держав (Австро-Венгрия, Великобритания, Германия, Бельгия, Голландия, Испания, Италия, Португалия, Франция, Швеция), а также России, Соединенных Штатов и Марокко. Генеральный акт Альхесирасской конференции признал особые интересы Испании и Франции в Марокко, что фактически означало крах германской стратегии⁴.

Конференция в Альхесирасе показала, что к 1906 г. ситуация в Марокко заметно изменилась в связи с введением нового международного режима эксплуатации его ресурсов. Сохраняя де-юре суверенитет, Марокко де-факто превратилось в протекторат под прямым контролем двух европейских держав — Франции и Испании⁵.

Россия в этих условиях приняла решение о преобразовании своего генерального консульства в полномочную дипломатическую миссию. Как отмечал в мае 1906 г. в послании в МИД А. П. Извольскому поверенный в делах России в Танжере Е. В. Саблин, «вся деятельность наша в Марокко, где мы не имеем прямых интересов, была проникнута духом примирения, вполне отвечающим нашим миролюбивым целям»⁶.

⁴ Задачей российской дипломатии в этом кризисе было не дать какой-либо из держав укрепиться в Марокко за счет других. В своем качестве министра-резидента В. Р. Бахерахт был в 1906 г. представителем России на Альхесирасской конференции, призванной разрешить международные противоречия по поводу влияния в Марокко. За успешное исполнение своих обязанностей на конференции В. Р. Бахерахт был удостоен Высочайшей благодарности [3].

⁵ Примечательно, что на смену В. Р. Бахерахту, покинувшему в 1906 г. Марокко и продолжившему дипломатическую службу в Швейцарии в качестве Императорского Российского Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра в Берне, был направлен в должности представителя в Марокко Петр Сергеевич Боткин, сын известного врача Сергея Петровича и родной брат Евгения Сергеевича, погибшего в 1918 г. Ипатьевском доме вместе с Царской семьей. Два дипломата — Бахерахт и Боткин, не раз пересекавшиеся по службе в Европе и Африке, обрели место упокоения на одном швейцарском кладбище Сен-Мартен (Вевер) [3].

⁶ Между тем, за восемь лет существования российского генерального консульства в Танжере многое «в мароккском вопросе изменилось»... На политическом горизонте наряду с португальцами и испанцами появились такие крупные соперники, как Англия, Франция, а в последнее время и Германия... В Танжере располагались дипломатические миссии десяти держав, причем «все представители — чрезвычайные посланники и полномочные министры». Лишь Россия имела генеральное консульство с министром-резидентом во главе. «Положение сие не соответствует ни интересам

В 1912 г. Франция и Испания установили в Марокко режим протектората, определив международный статус Танжера; Италия в результате прямой агрессии захватила бывшие османские провинции в Ливии, установив там в 1912 г. колониальное правление.

В декабре 1912 г., с учетом новой международной обстановки, Россия пошла на передачу своих консульских полномочий в Марокко, «соответственно по зонам, во французские и испанские консульские учреждения». В феврале 1913 г. министр иностранных дел России С. Д. Сазонов уведомил Париж об упразднении, «ввиду объявления Марокко под французским протекторатом, российской миссии... с учреждением взамен российского генерального консульства» [1, с. 473].

Первая мировая война внесла свои жесткие коррективы в международные отношения первых десятилетий XX в. Как ни парадоксально, и в этот тяжелый период можно было проследить нити, соединявшие Россию с Магрибом. Во многих городах Алжира, Туниса и Марокко, в 1912 г. почти на полвека перешедшего под протекторат Франции и Испании, проживали выходцы из России, которых война застала на этой земле и по тем или иным причинам не дала вернуться домой. Русские в Магрибе по крохам собирали просачивавшиеся к ним, в основном из французской прессы, сведения о родине⁷.

Революционные события 1917 г. в России, как известно, оказали огромное влияние на общественно-политическую ситуацию в мире. Рассуждая о роли ислама в международной жизни после первой мировой войны, А. Тойнби отмечал, что в результате происшедших перемен Россия по существу оказалась в антизападном лагере [4, с. 31]. Многие патриотические лидеры стран Азии и Африки видели в новом режиме в России потенциального союзника в их борьбе за независимость. Идеи социального и национального освобождения, которые были сформулированы в первых же документах Советской власти, обращенных к мусульманам Востока, встретили поддержку антиколониальных сил Магриба. Известия о событиях в России распространялись по разным каналам, в том числе благодаря присутствию североафриканцев на фронтах мировой войны, действиям французских войск в России, Венгрии и Германии.

Ярким примером общей позиции Советской России и патриотов Магриба стала война в Рифе (1920–1926), в зоне испанского протектората на севере Марокко, вызвавшая широкое движение солидарности в мире. Анализу хода этой «войны на истребление» посвящена одна из теоретических работ видного полководца гражданской войны М. В. Фрунзе, отметившего, что в результате военных успехов под руководством вождя рифов Абд аль-Карима «образовалось централизованное мусуль-

России, ни ее дипломатическому престижу в общеевропейском концерте, ни той роли, каковую она... волею своего миролюбивого монарха призвана играть в Европе вообще и при нынешних политических обстоятельствах в Марокко в частности...» (из послания российского поверенного в Танжере Е. В. Саблина министру иностранных дел А. П. Извольскому по поводу преобразования генконсульства в Марокко в дипломатическую миссию. Танжер, 2/15 мая 1906 г.) [цит по.: 1, с. 347–350].

⁷ В годы первой мировой войны и в межвоенный период в Марокко обосновались сотни русских эмигрантов, в том числе представители известных семей (Толстые, Шереметьевы и пр.) Во время работы в Марокко в 1980-х годах автору этих строк довелось увидеть немало русских могил на христианских кладбищах Рабата и Касабланки. В своих воспоминаниях почтенного возраста жители Танжера рассказывали о местной русской колонии, многие представители которой в свое время не без энтузиазма встретили известия о Февральской революции 1917 г. и падении монархии в России.

манское государство, располагающее более чем 20 тыс. кв. км территории с полу-миллионом жителей». Это государство получило огромные военные и технические ресурсы и «возможность противопоставить завоевателям порядочную вооруженную силу», которую сам Абд аль-Карим определяет в 50 тыс. воинов [5, с. 214].

Примечательно, что одновременно с актами солидарности с борьбой рифов в СССР, комитеты поддержки их, правда, по иным причинам, возникли на Западе⁸.

Имелись и другие точки соприкосновения российской и марокканской истории в годы Рифской войны. Решающая роль в подавлении рифских повстанцев принадлежала французскому генеральному резиденту в Марокко маршалу Ю. Лиотэ (1912–1925). Столкнувшись с необходимостью «умиротворения туземных племен» еще в период французского вторжения в Марокко с территории Алжира, Лиотэ, назначенный в 1908 г. верховным комиссаром по «улучшению алжиро-марокканской границы», высоко отзывался об успехах русского правительства в Туркестане. «Метод, применяемый русскими — вот, к чему я призываю, — писал он. — Это будет и не дорого, и не трудно...» [7, с. 273].

В новых исторических условиях опыт России был взят на вооружение и «туземцами» Магриба. Сформированные повстанцами органы власти Республики Риф имели следы влияния конституции РСФСР. Один из помощников Абд аль-Карима открыто заявлял: «Россия освободилась от угнетателей, и мы идем по ее пути... пока не добьемся полного освобождения...» [6, с. 449].

Послеоктябрьский период дал рождение новой, советской литературе о Магрибе. Как и работы о других колониальных странах Азии и Африки, эта литература отмечена идеологией «триумфального шествия» власти рабочих и крестьян. В условиях жесткого контроля и цензуры, регламентированных органами партии и государства, выходили в свет работы М. П. Павловича, П. Китайгородского, Б. Пурецкого, П. П. Ионова⁹, посвященные борьбе народов Алжира, Марокко, Туниса против колониализма. В рамках антиимпериалистической пропаганды Коминтерна были переведены на русский язык и опубликованы также работы ряда зарубежных авторов о странах Магриба¹⁰.

Накануне и в годы второй мировой войны отношение советской политической верхушки к Марокко в целом определялось его сохранявшимся зависимым положением в условиях колониального режима. Гражданская война в Испании (1936–1939) продемонстрировала новую роль марокканцев в военно-политических событиях на Пиренейском полуострове. С середины 1930-х годов испанская зона Марокко по сути превратилась в «прибежище немецко-фашистской агентуры». С началом войны в Испании Берлин и Рим взяли под свой контроль север Марокко, направив туда свои миссии, фактически ставшие прообразом итало-германских комиссий, действовавших на территории арабских стран, перешедших с капитуляцией Франции под власть вишистской администрации.

⁸ В 1925 г. «Рифский комитет» был организован офицером королевских вооруженных сил Каннингом при поддержке английского правительства, не упускавшего случая ослабить позиции Франции в Марокко. Многие исследователи полагали даже, что именно последующий отказ Лондона от военных поставок Абд аль-Кариму и стал одной из причин его конечного поражения [6, с. 450].

⁹ См., напр.: [8–11]. «Заидеологизированность» ранней советской магрибистики, как и других областей востоковедения, в известной мере сохранилась и в последующие десятилетия.

¹⁰ См.: [12–15] и др.

Суля марокканцам скорую автономию и политические свободы, Франко смог привлечь на борьбу с республиканцами до 100 тыс. марокканских воинов, в основном из горских племен Рифа и Джбалы, что во многом определило исход первого этапа войны. В дальнейшем марокканские отряды сыграли важную роль в поражении республиканской Испании, «действуя, как правило, на направлениях главных ударов» [16, с. 103–105].

Марокко вписало заметную страницу и в историю второй мировой войны как важный участок североафриканского театра действий англо-американских союзников. Касабланка, главные морские ворота Магриба, в январе 1943 г. стала главной площадкой для переговоров лидеров антигитлеровской коалиции по итогам первого этапа войны и по планам военно-политических мероприятий на ее завершающей стадии.

В связи с напряженной ситуацией на Восточном фронте на конференцию в Касабланку не смог прибыть глава СССР И. В. Сталин, тем не менее, участие в ней приняли президент США Ф. Д. Рузвельт, премьер-министр Великобритании У. Черчилль и руководитель «Сражающейся Франции» генерал Ш. де Голль. К переговорам и консультациям о взаимодействии в регионе в конце и после окончания войны был привлечен и султан Мухаммед б. Юсуф — 34-й потомок Пророка, 20-й представитель правящей династии Алаутских шерифов Марокко.

Именно здесь, на конференции в Касабланке, лидеры антигитлеровской коалиции определили рамки «безоговорочной капитуляции», акт о которой был подписан в мае 1945 г. в предместье Берлина уже с участием представителей СССР — державы-победительницы, полноправного члена антигитлеровской коалиции, внесшего, к тому же, решающий вклад в разгром фашизма.

В послевоенные годы СССР сыграл немалую роль в защите национальных интересов арабских стран, в том числе народов Магриба, прежде всего в решении главного для них вопроса о деколонизации и ликвидации колониальных режимов.

Развернувшаяся после войны острая полемика в ООН о судьбе французских и британских владений на Ближнем Востоке и на севере Африки привела к свертыванию колониальной администрации и выводу оккупационных сил из Сирии, Ливана, Иордании. 1950-е годы отмечены в новейшей истории Северной Африки завоеванием независимости Ливии, Судана, Марокко, Туниса.

В числе первых Советский Союз признал в 1956 г. независимость Марокко и его суверенитет над зоной Танжера, в 1958 г. установив дипломатические отношения¹¹. В июне 1956 г. были установлены дипломатические отношения между Москвой и Тунисом. СССР продолжал оказывать поддержку сражавшемуся Алжиру и в 1958 г. вместе с другими социалистическими и независимыми афро-азиатскими странами признал Временное правительство Алжирской республики (ВПАР), вынужденное пока работать за границей. Весной 1962 г., с окончанием освободительной войны в Алжире — старейшей колонии Франции, ставшей в 1830 г. фундаментом ее трансконтинентальной империи, завершилась и колониальная история Магриба¹².

¹¹ В 1961 г. состоялся визит в Марокко Л. И. Брежнева, которого незадолго до своей кончины лично принял Мухаммед V. В октябре 1966 г. Москву посетил Хасан II, имевший встречи с Л. И. Брежневым и с председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, которого марокканский монарх назвал одним из наиболее ярких людей, с кем ему когда-либо приходилось встречаться [16, с. 241].

¹² На фоне общего подъема антиколониальных выступлений на севере Африки в 1950-е годы, выхода североафриканской проблематики на авансцену мировой политики и науки, отечественная магрибистика была отмечена новыми яркими достижениями не только в разработке тематики, свя-

В целом, последующие десятилетия независимого развития, вплоть до начала 1990-х гг., были наполнены плодотворными контактами стран Магриба с СССР в области экономического, научно-технического и культурного сотрудничества. Достаточно вспомнить участие советских специалистов в разработке нефтегазовых и фосфатных месторождений, в сооружении гидроэнергетических объектов в Алжире, Тунисе и Марокко, в строительстве и реконструкции металлургических и машиностроительных предприятий, объектов коммунального хозяйства и т. д.

Важной сферой сотрудничества стала подготовка в СССР профессиональных кадров для стран Магриба. В 1960–1980-е годы тысячи их граждан получили высшее и среднее специальное образование в советских вузах и техникумах. И сегодня наших выпускников можно встретить в правительственных кабинетах и на университетской кафедре, в больничных палатах и лабораториях во всех концах Северной Африки.

Итогом такого сотрудничества стало распространение русского языка. Об интересе к языку и культуре России говорит тот факт, что на многих гуманитарных факультетах в странах Магриба — от Касабланки и Рабата до Туниса — по-прежнему работают отделения русского языка и литературы, что автор может лично подтвердить, благодаря своим поездкам и встречам в университетах Марокко, Алжира и Туниса.

Во второй половине XX в. Советский Союз активно развивал политические и торгово-экономические связи на севере Африки. Москва укрепляла свои позиции в Средиземноморье — на стратегическом пространстве (от Суэцкого канала до Гибралтара). В целом отношения СССР со странами Магриба носили дружественный характер. Правда, с завершением «холодной войны» и распадом СССР российско-арабские отношения в экономической сфере пошли на спад, однако политические связи сохранялись. Так, Россия и Марокко продолжали занимать в целом близкую позицию по вопросам ближневосточного урегулирования, укрепления безопасности и сотрудничества в регионе.

На рубеже 1950–1960-х годов в Марокко, как и в ряде других недавно освободившихся арабских стран, были приняты пятилетние планы социально-экономического развития, укреплялся государственный сектор. Несмотря на не всегда ровные политические отношения с СССР и социалистическим лагерем, планирование экономического развития было признано Хасаном II, особенно на начальном этапе его правления (1961–1999), эффективным инструментом подъема национальной экономики. В стране развернулась «марокканизация» иностранных банков и других предприятий.

В постсоветский период партнерство Марокко и РФ не только сохраняло традиционные формы, но и обрели новые черты. Во многом оно было связано с эксплуатацией уже имевшихся промышленных и энергетических объектов (гидроэнергокомплекс «Уахда», ТЭС «Джарада», гидроузел «Мансур ад-Дахби», ГЭС «Мулай Юсеф»). В 1998 г. объекты гидроэнергетического комплекса (ГЭК), построенного с помощью России, обеспечивали до 30% выработки электроэнергии в Марокко.

Благодаря поставкам нефти из РФ, Марокко вышло в число главных партнеров РФ на севере Африки. Правда, проведенная в 1990-х годах нефтеразведка показала

занной борьбой народов Алжира, Марокко и Туниса за независимость. Широкий отклик получили вышедшие уже во 2-й половине XX в. труды Н. А. Иванова, Н. С. Луцкой, В. В. Матвеева, А. Б. Куделина, Р. Г. Ланды, М. Ф. Видясовой, В. В. Орлова, С. В. Прожогиной и др., посвященные разным аспектам истории и культуры арабского Запада.

возможность значительных нефте- и газовых ресурсов на шельфе и на пороге Сахары и, соответственно, ограничения импорта сырья из РФ.

На пороге XXI столетия стремительно возрастал товарооборот между нашими странами: в 2001 г. — 380 млн долл.; в 2003 г. — 700 млн долл.; в 2005 г. — 1,2 млрд долл., в 2006 г. — до 1,5 млрд долл.¹³

15 октября 2002 г. состоялся исторический визит короля Мухаммада VI в Москву, где он подписал с президентом РФ В. В. Путиным Декларацию о стратегическом партнерстве, а также: 1) соглашение о сотрудничестве двух торгово-промышленных палат; 2) о сотрудничестве в авиакосмической сфере; 3) о рыболовстве и т. п. В ноябре 2005 г. Марокко посетил м.и.д. РФ С. Б. Лавров. Состоявшиеся переговоры, в том числе с Мухаммедом VI, подтвердили, что Марокко остается одним из главных партнеров РФ не только в арабском Магрибе, но и в Африке.

По итогам переговоров с главой марокканского министерства иностранных дел г-ном Фаси Фихри, состоявшихся в июне 2010 г., С. Б. Лавров заявил, что Россия и Марокко выступают за скорейшее и справедливое урегулирование ближневосточной проблемы, снятие блокады с сектора Газа.

Российско-марокканские отношения на современном этапе были обсуждены на состоявшейся в Касабланке в конце мая 2011 г. 10-й юбилейной сессии Российско-Арабского Делового Совета. По мнению участников этой встречи, начало XXI столетия было отмечено поступательным развитием двусторонних экономических связей. Марокко заняло ведущее место в торговле РФ со странами Африки. При этом Россия вошла в тройку стран, обеспечивающих энергетическую безопасность Марокко. Поставки нефти и угля из РФ Марокко в 2005–2009 гг. составили соответственно 8 и 3,3 млн т.¹⁴

Перспективы российско-марокканского торгово-экономического сотрудничества во многом зависят от связей отдельных субъектов РФ с Королевством Марокко. Наибольшую активность в продвижении своей продукции в Марокко в последние годы проявили российские партнеры из Центрального, Северо-Западного, Приволжского, Уральского, Сибирского и Южного федеральных округов РФ.

15–16 июня 2010 г. в Москве состоялось 4-е заседание Межправительственной российско-марокканской комиссии (МПК) по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Марокканскую часть МПК возглавлял министр иностранных дел и сотрудничества Королевства Марокко Т. Фаси Фихри, российскую — министр юстиции Российской Федерации А. В. Коновалов. Стороны обсудили основные вопросы российско-марокканского экономического сотрудничества, в том числе в таких приоритетных областях, как торговля, промышленность, энергетика, финансы, сельское хозяйство, горнодобывающая промышленность, а также сотрудничество в области космоса, транспорта, образования, здравоохранения. Большое значение приобретает сегодня взаимодействие двух стран в сфере туризма, научных и культурных связей [19].

Итоги двустороннего сотрудничества между РФ и КМ в начале XXI столетия были вновь проанализированы в ходе российско-марокканского семинара «Марок-

¹³ РФ к тому же вышла на 2-е место после ЕС по импорту сельскохозяйственной продукции из Марокко — до 25% общего объема марокканского экспорта [17, с. 63].

¹⁴ По данным национальной статистики внешнеторговый оборот России с Марокко только в первом квартале 2010 г. составил 299,5 млн долл., (1-й квартал 2009 г. — 297,3 млн долл.), в том числе российский экспорт — 252,8 млн долл., импорт — 46,7 млн долл. [18].

ко и Россия: стратегическое партнерство», посвященного 10-летию визита в Москву Его Величества Мухаммеда VI и проходившего в октябре 2012 го в стенах Рабатского университета им. Мухаммеда V. Участие российских представителей, в том числе автора этих строк и представлявшего также петербургское востоковедение доцента кафедры истории стран Ближнего Востока И. В. Герасимова, позволило, в частности, обсудить общие итоги и перспективы сотрудничества между нашими странами в области образования и культуры.

Несмотря на географическую отдаленность, а подчас и на отсутствие близости подходов по ряду политических проблем, Россия и Королевство Марокко с первых дипломатических контактов в конце XIX в. и вплоть до начала XXI в. сумели сохранить в целом дружественные связи по широкому спектру сотрудничества.

115-летняя летопись официальных российско-марокканских отношений показала, что и накануне первой мировой войны, в условиях разгоравшегося вокруг Марокко международного кризиса, разрешившегося с установлением иностранного протектората (Франции и Испании), и в годы гражданской войны в России и освободительной войны в марокканском Рифе, в течение и после окончания второй мировой войны, узы взаимодействия между нашими странами практически не прерывались, обретая новые источники и черты развития на каждом новом историческом этапе.

Литература

1. Россия и Марокко: история связей двух стран в документах и материалах / авт.-сост. Н. П. Подгорнова. М.: Наука, 1999. 624 с.
2. Мусатова Т. Л. Россия-Марокко: далекое и близкое прошлое. М.: Наука, 1990. 208 с.
3. Грезин И. Василий Бахерахт: Последний Императорский Посланник // Наша газета. 09.02.2011. URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/11275>
4. Иванов Н. А. Кризис французского протектората в Тунисе. М.: Наука, 1971. 330 с.
5. Фрунзе М. В. Европейские цивилизаторы и Марокко // Фрунзе М. В. Избранные сочинения. М., 1940. 214 с.
6. Liautey (Marechal). Choix des lettres (1882–1919). P., 1947. 373 p.
7. Луцкая Н. С. Очерки новейшей истории Марокко. М.: Наука, 1973. 478 с.
8. Павлович М. П. Борьба за Азию и Африку. М.: Государственное издательство, 1924. 254 с.
9. Павлович М. П. Французский империализм. М.; Л.: Государственное издательство, 1926. 260 с.
10. Китайгородский П., Пурецкий Б. Алжир, Тунис, Марокко в борьбе за независимость. М.: Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР, 1925. 102 с.
11. Пурецкий Б. Марокко. М., 1925.
12. Бласко Ибаньес В. Разоблаченный Альфонс XIII. М.; Л., 1925. 94 с.
13. Дюваль Г. Французский империализм в колониях. М.: Московский рабочий, 1929. 128 с.
14. Морель Э. Десять лет секретной дипломатии. М.: Госиздат, 1924. 204 с.
15. Семар П. Война в Марокко. Л.: Госиздат, 1925. 80 с.
16. Сергеев М. С. История Марокко — XX век. М.: ИВ РАН, 2001. 360 с.
17. Лузянин С. Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). М.: Восток-Запад, 2007. 448 с.
18. Российско-марокканские отношения на современном этапе. Десятая юбилейная сессия Российско-Арабского Делового Совета в Касабланке. 24–26 мая 2011 г. URL: <http://10session.russarabbc.ru/ru/rusmorocco/>
19. Дьяков Н. Н. Россия и страны Магриба: историко-культурные контакты в Новое время // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время / под ред. Н. Н. Дьякова и Н. А. Самойлова. СПб.: Студия НП-Принт, 2011. С. 176–203.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2013 г.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.161

А. С. Аврутина

О СПЕЦИФИКЕ МОРФОНОЛОГИИ КАК ОСОБОЙ ПОДСИСТЕМЫ ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА)

На лингвистической секции XXVII Международной научной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Локальное наследие и глобальная перспектива», прошедшей 24–26 апреля 2013 г. на Восточном факультете СПбГУ, прозвучали два доклада, которые, на взгляд автора настоящей статьи, стали знаковыми, так как авторы поставили под сомнение существование в некоторых восточных языках явлений, присутствие которых прежде ни у кого сомнений не вызывало. Речь идет о докладе В. Б. Касевича «Существуют ли восточные языки?» [1] (это был пленарный доклад) и докладе О. В. Лукина «Есть ли части речи в китайском языке? (Размышления о типологии и лингвистической историографии)» [2].

Автор первого доклада, В. Б. Касевич, усомнился в правомочности употребления термина «восточные языки», если этот термин имеет лишь географический смысл: в таком случае следовало бы ожидать появления таких терминов, как южные и северные, западные и восточные языки. Однако подобной классификации не существует. В то же время автор выявил ряд характеристик, присущих исключительно языкам Востока, среди которых (характеристик), на наш взгляд, выделяются три: 1) особое фонологическое устройство (существование слоговых языков); 2) достаточно неопределенная структура слова: его отграниченность от словосочетания во многом условна, а материал некоторых языков дает основания говорить об особой единице языка, *слогоморфеме*; 3) факультативность грамматических показателей. Это продемонстрировало: употребление термина «восточные языки» имеет типологический смысл [1, с. 294].

Автор второго доклада, О. В. Лукин, усомнился в существовании в китайском языке частей речи, интерес к которым возник в китайском языкознании только в XIX в. под влиянием европейской грамматической традиции [2, с. 299].

Аврутина Аполлиария Сергеевна — канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: apollinaria1@yandex.ru

© А. С. Аврутина, 2013

Таким образом, мы видим, что материал восточных языков нередко дает возможность усомниться в существовании единиц и элементов системы, наличие которых, казалось бы, не вызывало никаких сомнений. Что касается самой языковой системы, хотелось бы дать некоторые пояснения, которые бы представили понятийно-терминологический аппарат, используемый автором настоящей статьи.

Под *системой*, как известно, понимается замкнутое множество взаимодействующих элементов, иными словами, совокупность элементов, находящихся в определенных отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, единство [3, с. 408]. Для системы характерно не только наличие связей и отношений между образующими ее элементами, но и неразрывное единство со средой, во взаимоотношениях с которой система проявляет свою целостность. В результате любая система может быть рассмотрена как элемент системы более высокого порядка, т. е. *надсистемы*, а ее элементы могут выступать в качестве систем более низкого порядка, или *подсистем* [3, с. 408, 437, 511].

Ф. де Соссюр дает следующее определение *языку*: «Это грамматическая система, потенциально существующая в каждом мозгу или, лучше сказать, в мозгах целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в массе» [4, с. 19]. Итак, *язык*, существующий «в сознании всех членов данной языковой общности» [5, с. 9], следует рассматривать как систему знаний, состоящую из приспособленных для коммуникации единиц. Соссюр характеризует язык как определенную, важнейшую часть речевой деятельности (*langage*). С одной стороны, язык — социальный продукт речевой способности, с другой — совокупность необходимых условий, усвоенных общественным коллективом для осуществления этой способности у отдельных лиц. Язык есть «замкнутое целое, нечто усвоенное и условное, следовательно, язык зависит от природного инстинкта, а не предопределяет его» [4, с. 15].

В отличие от понятия *язык*, *речь* — это знак или цепочки знаков, введенные в акт коммуникации и представляющие какое-либо мыслительное содержание, т. е. информацию, смысл [6, с. 276]. Под *знаком* здесь понимается физическое образование, производимое человеком физиологическим или физическим путем, воспринимаемое органами чувств и несущее информацию.

Любая языковая система/подсистема обладает аппаратом инвентарных и правилами порождения конструктивных единиц. Например, в морфологической подсистеме языка *инвентарными единицами* следует считать морфемы, слова, речевые реализации которых становятся высказываниями либо служат строительным материалом, из которого строятся высказывания. А под *конструктивными единицами* следует понимать *модели*, отвлекаемые от структур *конкретных морфологических конструкций (словоформ)* в речи; схемы, программы построения этих моделей при порождении речевых единиц.

Варьирование размытой, как уже было сказано выше, структуры слова в восточных языках подчас позволяет говорить об отсутствии в языке тех или иных подсистем и, как следствие, их инвентарных и конструктивных единиц: например, во вьетнамском языке практически нет морфологии, что, соответственно, ставит под вопрос существование морфемы [7, с. 86].

За звуковую организацию речи ответственными оправданно считать две подсистемы языка — *фонологическую* и *морфонологическую*. Именно работа этих двух

подсистем ведет к звуковой реализации речи, осуществляемой в соответствии с фонологическими качествами фонем, а также фонологическими и морфонологическими правилами того или иного языка.

В научной литературе существует множество определений термина *фонология*. Представляется целесообразным привести некоторые из них. По Н. С. Трубецкому фонология представляет собой учение о звуках языка, или, иными словами, о том, «что в составе звука несет определенную функцию в системе языка» [5, с. 18]. Согласно В. Б. Касевичу и другим авторам, фонология существует как относительно автономная система языка [8, с. 5]. Звуками же, точнее звуковой реализацией человеческой речи [9, с. 4–5], как принято считать в современной науке, занимается *фонетика*, которую иногда еще именуют «физиологией звуков человеческой речи» [10, с. 110].

Под *морфонологией* исследователи часто понимают раздел фонологии, изучающий фонемное строение словоформ [11]. По мнению А. Мартине, от термина «морфонология» вообще следует отказаться, так как наблюдаемые изменения в фонологическом облике слов, относимые к морфонологии, в действительности не имеют ничего общего с фонологией, потому что они обусловлены чисто морфологически [12, р. 96]. Похожего мнения придерживался и А. А. Реформатский, который определял морфонологию как особую область языка, которая изучает нефонологические чередования. В агглютинирующих языках, где имеется сингармонизм, состав гласных корней и аффиксов разный, речь может идти об отсутствии фонологических позиций и в целом фонологических условий — и именно подобные вещи и являются прямой задачей морфонологии, важной функцией которой является изучение фонемного состава морфем, их возможных сочетаний в морфемах, а также их количества в морфемах разного типа [13, с. 286]. В. Б. Касевич определяет морфонологию как «фонологию в действии, фонологию значимых единиц», с одной стороны, и озвученные «морфологию, словообразование, синтаксис» — с другой. Морфонологией при этом называется дисциплина, которая занимается установлением основных вариантов морфем и правил перехода от основного варианта ко всем остальным алломорфам [14, с. 54]. Н. С. Трубецкой, разрабатывая теорию альтернатив И. А. Бодуэна де Куртенэ, посвященную регулярному чередованию фонем в разных вариантах одной и той же морфемы, и предложил термин «морфонология» [15, с. 226]. По Трубецкому, под морфонологией, или *морфофонологией*, понимается исследование морфологического использования фонологических средств языка [16, с. 115]. По его мнению, морфонология является связующим звеном между морфологией и фонологией, и теория морфонологии состоит из трех разделов:

- 1) теории фонологической структуры морфем;
- 2) теории комбинаторных звуковых изменений, которым подвергаются отдельные морфемы в морфемных сочетаниях;
- 3) теории звуковых чередований, выполняющих морфологическую функцию [16, с. 116–117].

Д. Вормом был разработан так называемый «динамический» или «синтезирующий» подход в морфонологии, важнейшие принципы которого перечислены ниже.

- 1) Каждая морфема за исключением супплетивных (типа *кот* — *кош(ка)*) и вариантных (типа *галош(а)* ~ *калош(а)*) имеет ровно одно основное (исходное) морфо-

нологическое представление, которое строится путем «снятия» наблюдаемых в данной морфеме чередований.

2) Единицей морфонологического описания является морфонема, понимаемая как единица морфонологического, или глубинного уровня представления словоформ, принципиально отличного от фонологического, или поверхностного уровня, основной единицей которого является фонема.

3) Все морфонологические правила чередований действуют раньше всех фонологических (автоматических); смешение двух этих групп правил недопустимо [17].

Хорошо известно, что, согласно представлениям Н. С. Трубецкого и Пражской лингвистической школы, инвентарной единицей морфонологической подсистемы языка является *морфонема* — «сложный образ» либо, точнее, «сложный комплекс» двух или нескольких фонем, способных замещать друг друга в пределах одной и той же морфемы в зависимости от условий морфонологической структуры [18, с. 124]. Позднее не всегда удачные попытки определить *морфофонема* в терминах дифференциальных признаков привели к тому, что этот термин в настоящее время был переосмыслен и обозначает совокупность фонем, чередующихся в одной морфеме [15, с. 227].

Однако фактическое существование данной единицы, а также принципы ее анализа, изложенные выше, вызывают ряд сомнений, как минимум, когда речь идет об агглютинирующих, тюркских языках.

Не вполне ясными оказываются и принципы выбора основного варианта морфемы. Рассмотрим пример: чередование фонем /r/ ~ /z/ ~ /Ø/ в формоизменении настоящего-будущего времени с показателем /Ar/¹ в современном турецком языке (хотелось бы особо подчеркнуть тот факт, что в качестве примеров мы будем использовать исконно тюркскую лексику, не принимая во внимание пласт арабо-персидских заимствований, функционирующий в языке практически по самостоятельным правилам):

giderim ‘я пойду’, *gitmem* ‘я не пойду’;
gideriz ‘мы пойдем’, *gitmeyiz* ‘мы не пойдем’;
alırım ‘я возьму’, *almam* ‘я не возьму’;
alırız ‘мы возьмем’, *almayız* ‘мы не возьмем’.

Другой пример, с формой исходного и местного падежей:

Ev ‘дом’ — *evden* ‘из дома’ — *evde* ‘в доме’;
Av ‘охота’ — *avdan* ‘с охоты’ — *avda* ‘на охоте’.

Анализируя примеры, предлагаемые лексиконом современного турецкого языка, трудно определить, какой именно вариант является основным для соответствующих морфем — с огласовкой /Ar/ или /Er/.

Иным примером может послужить аффикс категории принадлежности, где вокализм аффикса представлен уже не двумя, а четырьмя вариантами с огласовкой /İ/ — /I/ — /U/ — /Ü/ [19, с. 74]:

Baba ‘отец’ — *kardeş* ‘брат’ — *su* ‘вода’ — *öykü* ‘рассказ’
Babası ‘его отец’ — *kardeşi* ‘его брат’ — *suyu* ‘его вода’ — *öyküsü* ‘его рассказ’

¹ Заглавная буква для обозначения гласной фонемы используется, чтобы показать варьирующий вокализм аффикса.

Babamız ‘наш отец’ — *kardeşimiz* ‘наш брат’ — *suyumuz* ‘наша вода’ — *öykümüz* ‘наш рассказ’.

Babamız ‘ваш отец’ — *kardeşiniz* ‘ваш брат’ — *suyunuz* ‘ваша вода’ — *öykünüz* ‘ваш рассказ’

Для решения этого вопроса можно попытаться обратиться, во-первых, к статистике, а во-вторых, к истории тюркских языков.

Дело в том, что основной вариант естественно считать немаркированным, а для немаркированных членов оппозиции характерна большая частотность употребления [20]. Предварительные материалы статистического обследования показывают, что, например, в турецком языке аффиксы с огласовкой /A/ по своей частотности превосходят аффиксы с огласовкой /E/, а аффиксы с огласовкой /İ/ — /I/ превосходят аффиксы с огласовкой /U/ — /Ü/, таким образом, как будто бы можно сделать вывод, что аффиксы с огласовкой /A/ и /İ/ — /I/, соответственно, могут быть основными.

В некоторых тюркологических трудах 2-й половины XX в. неявным образом именно аффиксы с указанной огласовкой считались исходными [21, с. 406]. Это вырождалось в том, что в парадигмах приводились лишь словоформы с подобной огласовкой, а остальные словоформы показывались как производные от них.

Любопытен в этом отношении материал рунических памятников, где можно увидеть, что в грамматике древнего языка, демонстрирующей становление множества фонологических и морфонологических процессов, которые найдут свое отражение позднее в тюркских языках в новое и новейшее время, широко используются именно те аффиксы, которые для современного языка могут быть сочтены основными (см. материал рунических памятников в классическом издании С. Е. Малова, а также «Граматику языка тюркских рунических памятников VII–IX вв.» А. Н. Кононова). Разумеется, обращения к диахронии не являются законными при решении проблем синхронной грамматики, но не стоит забывать и о том, что губная гармония гласных появилась в тюркских языках не сразу, намного позже небной (и, в частности, в языке древнетюркских рунических памятников многие категории не имели губных вариантов аффиксов, например, категория принадлежности). Аффиксы рассмотренных выше падежей в материале языка рунических памятников демонстрируют по два варианта огласовки аффиксов — переднерядный и заднерядный.

Материал тофаларского языка, который считают одним из наиболее близких к древним языкам, демонстрирует еще более интересную картину: в этом языке в рамках одной категории (например категории принадлежности) могут употребляться как аффиксы с двойным вариантом огласовки, так и аффиксы с четырьмя вариантами огласовки [21, с. 382; 22, с. 241–243].

Г. П. Мельников писал, что постпозитивные аффиксы в урало-алтайских языках, основывающиеся на прогрессивной ассимиляции, определяют разнообразие сингармонистических окрасок слова лишь в случае достаточно большого числа звукотипов в системе вокализма аффиксов, и что подобный процесс определяет именно богатство состава гласных в вокалических системах урало-алтайских языков [23, с. 346–347], варьирование которых определяется функциональным значением, коммуникативной необходимостью агглютинативных языков [23, с. 347], а не просто «традицией», «которая не имеет ни смысловой необходимости, ни фонетической

вынужденности» [13, с.279], как писал А.А.Реформатский об индоевропейских, флективных языках.

Возвращаясь к современному состоянию тюркской морфонологии, подчеркнем еще раз, что одна и та же проблема для языков разного строя — проблема определения основного варианта морфемы — решается в этих языках с опорой на разные признаки. Если во флективных языках это эмпирические свидетельства большей/меньшей «естественности» вывода всех «неосновных» вариантов из основного (частотность выступает, скорее, как следствие), то в агглютинативных языках именно сингармонические условия выступают на первый план.

С этим хорошо согласуются и диахронические свидетельства.

Литература

1. *Касевич В.Б.* Существуют ли восточные языки? // Локальное наследие и глобальная перспектива. «Традиционализм» и «революционизм» на Востоке: тез. докл. XXVII Междунар. науч. конф. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 24–26 апреля 2013 г. СПб.: ВФ СПбГУ, 2013. С. 294–295.
2. *Лукин О.В.* Есть ли части речи в китайском языке? (Размышления о типологии и лингвоисториографии) // Локальное наследие и глобальная перспектива. «Традиционализм» и «революционизм» на Востоке: тез. докл. XXVII Междунар. науч. конф. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 24–26 апреля 2013 г. СПб.: ВФ СПбГУ, 2013. С. 298–299.
3. *Философский словарь* / под ред. И.Т.Фролова. М.: Политиздат, 1991. 559 с.
4. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики / пер. с фр. А.М.Сухотина. М.: Логос, 1998. XXIX, 235, XXII с.
5. *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. М.: Аспект-Пресс, 2000. 352 с.
6. *Мельников Г.П.* Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Советское Радио, 1978. 368 с.
7. *Панфилов В.С.* Грамматический строй вьетнамского языка. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1993. 412 с.
8. *Касевич В.Б.* Морфонология. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 160 с.
9. *Зиндер Л.Р.* Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 312 с.
10. *Щерба Л.В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. 182 с.
11. *Кубрякова Е.С.* Морфонология // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. Т. 16. М.: Советская энциклопедия, 1974. С. 607.
12. *Martinet A.* Éléments de linguistique générale. Paris: Librairie Armand Colin, 1960. 223 p.
13. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М.: Аспект-Пресс, 2000. 536 с.
14. *Касевич В.Б.* Элементы общей лингвистики. М.: Наука, 1977. 177 с.
15. *Березин Ф.М.* История лингвистических учений. М.: Высшая школа, 1975. 303 с.
16. *Трубецкой Н.С.* Некоторые соображения относительно морфонологии // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 115–119.
17. *Ворт Д.* «Морфонология». URL: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/9d347d95-b8c5-6d53-7889-417c3b122689/1006968A.htm> (дата обращения: 22.04.2013).
18. *Вахек Й.* Лингвистический словарь Пражской школы. М.: Прогресс, 1964. 350 с.
19. *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 569 с.
20. *Гринберг Дж.* Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. III. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. С. 60–94.
21. *Языки мира. Тюркские языки* / под ред. Э.Р.Тенишева. М.: Индрик, 1997. 544 с.
22. *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-удэ: Бурятское книжное издательство, 1971. 252 с.
23. *Мельников Г.П.* Системная типология языков. Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 395 с.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2013 г.

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94

М. А. Гизбулаев

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЧИНЕНИЯ «И'ЛАМ АТ-ТИЛМИЗ БИ АХКАМ АН-НАБИЗ»¹

Наука в Дагестане развивалась и обогащалась в тесном взаимодействии между жителями Дагестана и мусульманским миром.

Ввиду того, что в подавляющем большинстве мусульманских стран научным языком был арабский, существовала возможность для всех этих стран поддерживать друг с другом самые близкие культурные контакты. Там в оригинале знакомились с научными трудами и литературными произведениями, написанными в любой из этих стран. Назир ад-Дургели пишет: «Исламская культура дошла на территорию Дагестана, благодаря муджахедам, миссионерам и переселенцам в период аббасидского правления. Далее, дагестанцы начали странствовать в поисках знаний в Багдад, где получали знания по различным дисциплинам арабоязычных наук. Среди самых усидчивых и старательных были выходцы из территории Аварии и те, которые относятся к ней» [1].

Так, большую известность в XVIII в. получил выходец из Дагестана — поэт, юрист, филолог: Абу Бакр (ум. 1791). Он родился в 1711 г. в с. Аймаки² в семье знатного происхождения. Как пишет один из исследователей и собирателей местного арабо-мусульманского культурного наследия Мансур Гайдарбеков «род Абу Бакра берет начало в известном арабском племени Курайш» [2]. Отец Абу Бакра Муавийа с раннего детства привил сыну вкус к знанию, научил арабской грамматике и другим предметам арабоязычных наук и отправил его в соседнее с. Аракани для дальнейшего совершенствования знаний к кадию и известному преподавателю Дибиру Старшему из Карата. Получив от араканских учителей все, что можно, Абу Бакр возвращается в родное селение Аймаки [3, с. 40]. Ему предлагали преподавать в нескольких

Гизбулаев Магомед Андалавмагомедович — канд. ист. наук, мл. науч. сотр., Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Махачкала); e-mail: awariyav@gmail.com

¹ Данная статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта РГНФ № 13-01-00248а «Антология северокавказских правовых сочинений на арабском языке XVIII в.».

² Селение Аймаки — ныне в Гергебельском р-не Дагестана.

© М. А. Гизбулаев, 2013

дагестанских обществах. Так, он занимался преподавательской и научной деятельностью в медресе (школах) Акуша, Кубачи, Аракани. Арабоязычное литературное наследие Абу Бакра тематически разнообразно, он активно участвовал в научных диспутах, завоевывая репутацию знатока во многих областях науки. В 1791 г., в возрасте 80 лет, Абу Бакр скончался в с. Аракани.

Абу Бакр — автор сочинений исторической, правовой, этико-моральной и стихотворной тематики. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что одним из главных направлений творческой деятельности ученого было создание сочинений по мусульманскому праву или комментариев к ним.

Мусульманское право (*фикх*) получило в исследуемый период широкое развитие. Почти все ученые того времени занимались фикхом. Фикх преподавался во всех медресе Дагестана [4, с. 111]. В фикхе разрабатывается примерно одинаковый круг вопросов: ритуал и молитва, налог и милостыня, пост, война и торговля, взаимоотношение мусульман с неверными и т. д. По числу копий сочинения по фикху всегда принадлежало одно из первых мест.

Анализ «И'лам ат-тилмиз би ахкам ан-набиз» (Уведомление ученика по вопросам вина) основан на рукописи, хранящейся в Рукописном фонде ИИАЭ. Прежде всего следует коснуться вопроса датировки произведения. «И'лам ат-тилмиз би ахкам ан-набиз» был создан Абу Бакром в 1777 г. [5, с. 211]. Автограф не удалось найти. В настоящее время это сочинение представлено одной копией, переписанной Мухаммадом б. Багуджи из Мачады. Сочинение Абу Бакра написано на плотной фабричной бумаге размером 22–16 см, работа состоит из девяти страниц, чернила черные, дагестанский насх [6].

Разнообразен круг людских пороков, рассматриваемых в правовых произведениях Абу Бакра.

В произведении «И'лам ат-тилмиз би ахкам ан-набиз» Абу Бакра основное место отведено вопросам набиза (алкоголь). Употребление набиза — один из распространенных пороков в дагестанском обществе, в частности, и среди некоторых ученых.

Сочинение «И'лам ат-тилмиз би ахкам ан-набиз» имеет традиционную форму. Оно начинается с предисловия, содержащего восхваление Аллаха, пророка Мухаммада, а также освещение главных ценностей ислама:

Хвала Аллаху, Который своей милостью к людям сделал ясным дозволенное [*халал*] и запретное [*харам*] ниспосланием Мухаммада, лучшего из людей, а также руководства [*Корана*] для всего человечества, которое защищает неприкосновенность пяти заповестей (*хурумат*) — это религии, жизни, разума, продолжения потомства и собственности. Да приветствует Аллах пророка Мухаммада, который пришел с повелением и возвеличением роли разума, через которого человек познает Творца вселенной. Да приветствует Аллах его семейство и сподвижников, которые соблюдали Его [*Аллаха*] руководство и донесли его к другим [6, с.1].

Любой серьезный проступок рассматривается как наказуемое нарушение мусульманских заповестей, смысл которых заключается в общей направленности ислама, в частности, его правовых принципов, на защиту пяти вышеуказанных основных ценностей ислама.

Далее Абу Бакр объясняет причины и цели написания данного произведения, выражает серьезную озабоченность разрушением традиционных мусульманских

ценностей, забвением сунны, распространившимся в среде верующих употреблением алкоголя:

Я вижу ученых Дагестана и их учеников, не говоря уже в целом о дагестанцах, безразлично относящихся к повелениям [ислама]. В частности, к запрещению употребления набиза [любой алкогольный напиток, изготовленный без винограда] — отвратительного, сбивающего от поминания Аллаха и молитв [6].

Далее правовед сообщает о цели произведения:

Я собрал цитаты из Корана и сунны, а также доводы, несмотря на свои ограниченные возможности в данной работе. И назвал я его «Уведомление ученика по вопросам набиза (буза)». Цель сочинения — практическая: очищение сердца ученика от тьмы невежества, так как сердце является источником благородного знания и готово к восприятию разливов сильного дождя от Доброго Аллаха [6].

Как известно, употребление алкоголя несовместимо с требованиями шарията. В «И'лам ат-тилмиз би ахкам ан-набиз» Абу Бакр ставил целью четко показать ученикам проблематичные вопросы, в частности, о расхождении взглядов некоторых ученых по вопросам набиза, поэтому любой читатель найдет для себя много полезного в данном произведении.

Абу Бакр убеждает читателя, в частности ученика, в необходимости учитывать и исполнять изложенные в сочинении нормы, касающиеся набиза:

Знай, мой брат по вере, что население Дагестана уже находится на территории, где не царит власть великого имама и наиба, справедливо следующего за ним. Среди них [дагестанцев] нет запрещающего от порицаемых поступков, ибо суть ислама и веры заключается в убеждении и следовании предписаниям религии, подчиняясь и повинуюсь ее [религии] повелениям и запретам [6, с. 2].

Абу Бакр обращается к ученикам: он вводит их в предмет, называет и раскрывает им конкретные цели, которые преследует составлением данного сочинения. Приведенные выше отрывки демонстрируют, что население Дагестана пренебрегало предписаниями ислама в изучаемый период. Порочные поступки людей неизлечимы, их дурные помыслы и интриги непостижимы. Однако один из самых худших и низких поступков дагестанцев — это увлечение употреблением набиза гнусного. Абу Бакр с осуждением отмечает, что «они не принимают гостя, не предложив ему набиз, пока он не опьянеет, вызывая насмешки людей. Это все то, что не приемлемо разумом, не говоря уже о Шариате».

Всякое опьяняющее — запрещено. В Коране имеется четкое выражение, отрицательного отношения: «Спрашивают они [верующие] тебя [Пророка] о вине и майсире [азартные игры]. Отвечай: И то, и другое — средоточие греха великого, хотя и несут они для людей пользу некую, но греха в них больше, чем пользы» [7, с. 47]. Толкователи айатов говорят, что данный аят был ниспослан, когда сподвижники спросили Пророка о вине и азартных играх. Автор тафсира «Васит» [8, с. 731] сказал, что «вино есть брожение разума, а азартные игры есть грабеж имущества» [6, с. 3].

Абу Бакр считает грехом не только употребление алкоголя, но даже присутствие на пьяном застолье. По шарияту запрет на употребление спиртных напитков — это один из основных принципов правоверного мусульманина, наряду с запретом азартных игр.

Один из айатов Корана гласит: «О вы, которые уверовали. Опьяняющий напиток, майсир, [жертвоприношения] на жертвенниках каменных [и гадание] по стре-

лам — скверные деяния, [внушаемые] Шайтаном. Сторонитесь же этого — быть может, преуспеете вы» [7, с. 136]. Ибн Аббас в своем толковании айата говорит: «под вином подразумевается все алкогольное вместе взятое. Желание шайтана [сатаны] — это ввергать человека в ненависть, вражду между собой и сбивать его от упоминания Аллаха и молитвы» [6, с. 3].

Абу Бакр выступает, приводя хадисы пророка Мухаммада, против любых видов алкогольных напитков:

Один из хадисов гласит: «Однажды Пророка спросили о дозволенности табаа [медовуха], Мухаммад сказал: “Любой напиток, который опьяняет, является запрещенным”». Другой хадис гласит: «Однажды прибыл человек из Йемена и спросил Пророка о дозволенности напитка, который они употребляют у себя на родине, изготовленный из злаков, и называют его “мизр”. Пророк спросил: “Напиток опьяняет или нет?” Йеменец ответил “да”. Пророк сказал: “Любой опьяняющий напиток является запрещенным. Поистине Аллах обещал тому, кто употребит алкогольные напитки, что напоит его в потусторонней жизни по́том обитателей ада”» [6].

Здесь речь идет о важных вопросах мусульманского права. Употребление алкоголя посягает на интеллект, одну из пяти охраняемых исламом ценностей. Поэтому оно относится к категории *хадд* (фиксированное наказание Корана и сунны). Сунна фиксирует точную меру наказания за него — сорок ударов плетью или палкой. Поэтому Пророк ясно сказал: «То, что, употребив много опьяняет, того и малое употребление является запрещенным». Нужно также особо отметить и перечень источников вина, указанных еще пророком Мухаммадом, который сказал: «Напиток перегонный из пшеницы, ячменя, фиников, изюма, винограда, меда — есть вино, и я запрещаю все опьяняющее» [6].

Если же опьянение стало результатом случайного употребления спиртного по причине добровольного заблуждения или было вынужденным, например в результате насилия, то употребивший освобождается от вышеуказанного наказания.

Абу Бакр, затрагивая проблемы дагестанского общества, в частности употребления набиза, стремился решить их именно основополагающими источниками мусульманского права (Коран, сунна, *иджма* и *кияс*). Наряду с Кораном и сунной, нормативной основой для решения дел судьями служили и правила поведения, введенные сподвижниками Мухаммада, а затем ведущими правоведами (*иджма*).

Как сообщает Абу Бакр, *иджма* (единодушное мнение) бывает двух типов: *иджма* сподвижников и имамов. Что касается *иджма* сподвижников, то Абу Бакр приводит предание халифа Умара (ум. 644), который сказал: «Ниспослан аят, запрещающий употребление вина, существует пять видов получения вина: это виноград, финики, пшеница, ячмень и мед, вино есть то, от чего бродит разум, все сподвижники единодушны в запрещении опьяняющих напитков» [6, с. 4].

А понятие «*иджма* имамов» Абу Бакр понимает, в частности, как изречения имама Малика (ум. 795), аш-Шафии (ум. 822) и имама Ахмада (ум. 855), а также аш-Шарани (ум. 1565) [9, с. 331], которые единодушны в наказании каждого пьющего алкоголь: «...много или мало, разницы нет, ибо алкоголь есть вино, получаемое из винограда, пшеницы, ячменя и т.д.» [6, с. 5]. «Исключением является, — продолжает Абу Бакр, — изречение имама Абу Ханифы, который все же дозволил употребить напиток, полученный не из винограда, ссылаясь на хадис [пророка Мухаммада]:

“Вино получают из этих двух деревьев — пальмы и винограда”, где он [Абу Ханифа] ограничивает понятие “вино” двумя деревьями» [6].

Следует отметить, пишет Абу Бакр, что «вышеуказанное пояснение пророка Мухаммада адресовано именно населению, которое употребляло вино только из этих двух видов. И нет довода у Абу Ханифы, который ограничил решение о запрещении вина двумя видами деревьев. Очевидно, что до имама не дошел хадис [Мухаммада] который гласит: “Напиток, перегонный из пшеницы, ячменя, фиников, изюма, винограда, меда есть вино”, — раньше трех имамов, которые единодушны в недозволённости набиза» [6].

Далее Абу Бакр в «И’лам ат-тилмиз» приводит для подтверждения своего тезиса изречение имама Шафии, который полагает, «что Абу Ханифа не слышал хадис [Мухаммада]: “То, что употребив много — опьяняет, того и малое употребление является запрещенным”. Он [имам аш-Шафи] сказал в своем сочинении “Мизан” то же самое, что и сказал Абу Ханифа: “если подтверждается достоверность хадиса, то это является нашим мазхабом [направлением]”. Поэтому он [Абу Ханифа] в данном вопросе просчитался по незнанию, что ученому и дозволено согласно Корану и сунне» [6, с. 6].

И, наконец, Абу Бакр приводит четвертый источник мусульманского права — *кийас*. Более конкретно он дает в «И’лам ат-тилмиз» определение набиза, согласно кийасу [суждение по аналогии], как с лингвистической, так и с правовой стороны.

Согласно лингвистическому значению, «набиз — это вино, от которого бродит разум». Первые имамы — основоположники фикха, такие как Абу Хурайра, Ибн Сарих, Ибн Исхак, Ширази, Рази и др., сказали: «...лингвистический смысл вещи — то, что соответствует ее описанию. Например, “вино — это алкоголь, изготовленный из винограда”» [6].

Правовое же значение заключается в запрещении всех видов алкоголя, поскольку с их помощью шайтан пытается ввергнуть человека во вражду и ненависть.

Обращает на себя внимание тот факт, что мусульманская правовая доктрина требует от мусульман следования за одним толком из четырех правовых школ. «Мы говорим, — пишет Абу Бакр, — «упаси нас Аллах, претендовать на личные мнения по тем или иным задачам, не говоря уже о самостоятельных исследованиях. Однако, толпа ученых [недоученных] и необразованных учеников, которые ведут разговоры по данной теме [набиз] аргументируют свои тезисы так: кто-то что-то сказал» [6, с. 8].

Между тем, Абу Бакр выступает против тех, которые заявляют: «Мы употребляем немного алкоголя, следуя тому, что дозволил Абу Ханифа: употреблять не до опьянения, если напиток не из винограда» [6]. Нет запрета в следовании за одним из четырех имамов, заявляет Абу Бакр в своем произведении, но правоведы обусловили порядок следования за мазхабом, если приверженец мазхаба не противоречит решению кадия и кийасу.

Абу Бакр обращается к именам крупных ученых — таких как Ибн Кайим (ум. 1350), который сказал в своей книге «Ми’радж» [8, II, 105, №4]: «Если кто желает употребить напиток из посуды, похожей на сосуд из которого употребляют вино пьяницы, то он совершит порицаемый поступок». Согласно хадису (пророка Мухаммада): «Тот, кто уподобляет себя народу [немусульман], то он из них. Если бы присутствовали, — продолжает Абу Бакр, — в данный момент [1777] благочестивые

предшественники и имамы, и увидели бы наше общественное положение, то они привели бы аят из Корана, соответствующий положению нашего общества» [6, с. 8]: «Унаследовали им потомки, которые перестали творить молитву и покорились страстям низменным, и скоро пожнут [они плоды] грехов [своих]» [7, с. 322].

Абу Бакр критикует тогдашних ученых за их неспособность руководствоваться общими принципами мусульманского права, возлагая на таких ученых ответственность за разноречивость и низвержение сунны. «И нет удивительного в том, что невежественные не знают сущность заповедей Корана, но больше всего, — пишет Абу Бакр, — «удивительно, когда ученые мужи не обращают внимания на такой мерзкий поступок как употребление набиза, но и сами употребляют его. Воистину, я [Абубакар-хаджи] своими глазами видел человека, которого считают большим ученым, — пьяным, пропускающим молитвы. Ведь это большое несчастье и искушение, воистину, в конце мы возвращаемся к Аллаху. Более того, они (*ученые*) находят для порочных людей широкий путь, используя различные наименования, избегая термина “хамр” [вино]. Один из хадисов гласит, что Мухаммад сказал: “Люди из моей уммы [мусульманская община] будут употреблять вино, называя его другими именами”» [6, с. 8].

Между тем, мусульманская правовая теория не признает правила, в соответствии с которым незнание нормы не освобождает от ответственности за ее нарушение. Если некоторые говорят, что «мы пьем спиртное из-за того, что мы люди, у которых работа очень тяжелая, а земля наша очень иссохшая летом, и мы боимся чумы, а зимой стужи, боимся проказы, поэтому, благодаря употреблению алкоголя, мы осиливаем свою работу. Но мы [правоведы] утверждаем, что работа или доход не оправдывают повод употребление спиртного, запрещенного» [6, с. 9].

Отличительный элемент стиля правового сочинения «И’лам ат-тилмиз» Абу Баkra — это изложение идей, решений в форме многочисленных примеров. Например, если «говорят, что мы привыкли употреблять алкоголь, и мы не в силах бросить эту привычку, то это выражение то же самое, что говорить мое тело привыкло к воровству и прелюбодеянию». Для подтверждения своего тезиса ученый приводит стих Корана: «Видел ли ты того, кто избрал себе идола предметом поклонения? Разве ответчик ты за него [за язычника этого]» [7, с. 376].

Большое значение для читателя имеет определение дозволенного набиза. Ибн Хаджар ал-Хайтами (ум. 1567) в своих комментариях приводит достоверный хадис пророка о набизе: «Набиз — это сладкая вода с добавленными финиками. Пророку готовили набиз в первую ночь, далее он пил его утром, вечером [второй ночи] и в следующее утро, до послеобеденного намаза [третий день], а если что-то оставалось, то приказывал выливать, боясь изменения его вкуса [брожения]» [6, с. 9].

Как мы видим, набиз, о котором упоминается в хадисе, очень полезен для здоровья. Пророк не пил набиз после послеобеденной молитвы третьего дня, боясь превращения его в опьяняющее средство.

Что касается степени греховности употребления алкоголя, в частности набиза, то ученый правовед ас-Субки (ум. 1370) в своем произведении «Джами’ ал-Джавами’» [8, II, 89, №13, I, 15] считает, что «употребление набиза является одним из *кабаир* [больших грехов]. Тот, кто участвует в компаниях, где употребляют алкоголь, лишает себя благ и увеличивает свои неприятности» [6, с. 9].

Вообще, Абу Бакр доказывает свои взгляды и доводы, опираясь на соответствующие хадисы, что придает надежность его утверждениям. Например, один из хадисов

сов пророка гласит: «Не сидите рядом с пьющими спиртное, не сопровождайте их похороны, не выдавайте замуж за них и не женитесь на их дочерях» [6].

Таким образом, значение творческого наследия Абу Бакра в научной и общественной жизни дагестанского общества XVIII в. огромно. Приведенный выше анализ трактата дает общее представление о правовом развитии Дагестана в указанный период, когда происходило становление многих ученых, пропаганда и изучение арабоязычной литературы. К тому же данные высказывания и доводы по вопросам *шубухат* (в частности — набиза), обобщенные в «И'лам ат-тилмиз би ахкам ан-набиз», могут и не найтись в других сочинениях.

Литература

1. *Назир ад-Дургили*. Нузхат ал-азхан фи тараджим ал-улама Дагистан // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 30. Оп. 2. Д. 108. Л. 9.
2. *Гайдарбеков М. Саид* из Аракани. Антология дагестанских ученых // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 129. Л. 125.
3. *Тагирова Н. А.* Из истории арабоязычной традиции в Дагестане. Мусульманское право (на материалах фонда восточных рукописей ИИАЭ ДНЦ РАН) // Вестник ДНЦ РАН. 2001. № 9. С. 111.
4. *Гизбулаев М. А.* Саид Араканский. Научное наследие // Материалы юбилейной научно-практической конференции, посвященной ученому Саиду из Аракани. ИЯЛИ ДНЦ РАН. Махачкала, 2004. С. 145.
5. *Абдурахман из Газикумуха*. Книга воспоминаний / пер. с араб. М.-С. Саидов; ред. и подготовка к изданию А. Р. Шихсаидова и Х. А. Омарова. Махачкала, 1997. С. 211.
6. *Абу Бакр ал-Муавийа*. И'лам ат-тилмиз би ахкам ан-набиз // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 88.
7. Коран / пер. с араб. М.-Н. О. Османова. М., 1999. С. 47.
8. ал-Вахида ал-Нишабури / GAL, I, 411. № 4, 4; SB I, 731.
9. *Al-zereky*. Biographical Dictionary. Beirut, 1969. Vol. 4. P. 331.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2013 г.

Е. И. Зеленов

«ЖЕМЧУЖНОЕ ДЕРЕВО» И «ПОВЕЛИТЕЛЬ ЛУНЫ»: ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА МАМЛЮКОВ

История не наука, если она самообман, когда исследователь тщится описать прошлое точно таким, каким оно было на самом деле. История — наука, если исследователь критически прочитывает источники и извлекает из них факты, неся профессиональную ответственность за их достоверность и объективность интерпретации. Австрийский писатель Франц Верфель говорил: «Жажда — лучшее доказательство существования воды». Обращение к прошлому рождается жаждой правды о настоящем, которое, мы верим, обладает спасительной двойственностью: если есть зло, должно быть и добро, а если есть тьма, должен быть и свет.

Рядом с каирской цитаделью, в районе Саййид Нафис, на старинном Южном кладбище в «Городе мертвых», что вблизи улицы Аль-Халифа, расположено обветшавшее от времени и людского небрежения, ушедшее в землю сооружение - усыпальница. Когда-то в нем находилось надгробие, которое украшала надпись, сохраненная в хрониках. Она гласила: «О вы, стоящие у моей могилы, не удивляйтесь моему состоянию. Вчера я была как вы, завтра вы станете как я».

Это гробница женщины-правительницы, правившей «из-за машрабийи»¹, т. е. маскируя свою власть политическим браком, и трагически ушедшей из жизни в 1257 г. Ее имя Шаджарат ад-Дурр, что в переводе с арабского означает «Дерево жемчуга» или «Жемчужное дерево». С ее именем связана целая эпоха в истории многих стран Северной Африки и Ближнего Востока, которых коснулось влияние империи мамлюков — уникального по форме и неповторимого по историческому содержанию периода правления воинов-рабов в Египте (с 1250 до середины XIX в.) [1, с. 127–280; 2, с. 19].

Изначально под мамлюками понимали тех невольников, которых использовали в качестве солдат и телохранителей и в прошлом которых имелся хотя бы единственный факт их личной купли-продажи. Термин «мамлюк» распространялся на всех белых военных рабов, а также на тех из них, кто уже получил освобождение и, по существу, являлся наемником мамлюкского происхождения. Статус мамлюков имели и мамлюкские дети, если они не порывали с отцовской традицией военной службы, однако, по-видимому, также при условии формальной утраты «личной свободы». Свободные же мамлюки становились крупными землевладельцами, занимали высокие административные должности, достигали титула «бея» и даже султана — высшего в мамлюкской иерархии самоуправления [3, с. 137–138]. Мамлюк-раб зависел от вышестоящего мамлюка-господина, а тот в свою очередь повиновался более стар-

Зеленов Евгений Ильич — д-р ист. наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; e-mail: evzelenev@gmail.com

¹ Окно-вуаль, элемент ближневосточной архитектуры, представляющий собой ажурное, как правило, из дерева, ограждение балкона или просто окна, позволяющее видеть, то, что происходит снаружи, скрывая того, кто внутри.

© Е. И. Зеленов, 2013

шему мамлюку-хозяину, и так до самой вершины корпоративной пирамиды, которую занимал мамлюк-султан. Даже этот, казалось бы, запредельно высокий титул не обеспечивал полной свободы, поскольку не избавлял носившего его мамлюка от необходимости прислушиваться к мнению товарищей по корпоративному сообществу, бороться с несогласными и беспощадно уничтожать конкурентов.

Институт мамлюков прошел несколько этапов исторического развития, позволяющих определить его как частный случай более общего явления — формирования военно-теократического типа государственности в мусульманских странах. Первый этап — зарождение института мамлюков (XI–XIII вв.). Второй этап — существование в Египте независимых мамлюкских султанатов во главе с «династией» Бахри (1250–1290) и «династией» Бурджи (1382–1517), а также разделяющий их период острой политической борьбы за власть между различными фракциями мамлюкской элиты. Термин «династия» употребляется в данном случае условно, поскольку мамлюкские правители, как правило, не были кровными родственниками, но принадлежали к одной из ветвей мамлюкской корпорации. Третий этап — 1517–1711 гг., когда мамлюки сохраняются как военно-политическая элита Египта под османским контролем и в османских административных рамках. Четвертый этап (1711–1801) — существование фактически независимого от Стамбула мамлюкского государства в форме бейликата, завершившего свое существование в результате столкновения мамлюкской и наполеоновской военной и политической организаций (1798–1801). Пятый — угасание и полное исчезновение института мамлюков под влиянием реформ Мухаммада 'Али и его наследников (1801–1881).

Начало же этой грандиозной исторической саге положили события, порой совершенно незаслуженно относимые к категории случайностей, хотя на самом деле случайностей в истории не больше, чем в жизни. Там же, где их становится избыточно много, следует задуматься о Боге, вспоминая мысль, высказанную когда-то Леоном Фейхтвангером в «Испанской балладе», о том, что Бог и есть сумма всех случайностей. Так или иначе, но именно в 1250 г. в столице Египта Каире произошли события, последствия которых повлияли на судьбу многих стран и их народов. Можно ли назвать эти события случайными? Почему бы нет, но при условии, что мы признаем, что именно такие «случайности» меняют наше будущее, а потому заслуживают научного изучения.

В разгар шестого крестового похода (1248–1254), возглавляемого французским королем Людовиком IX, который главный удар наносил по Египту, скончался предпоследний султан египетской династии Аййубидов ас-Салих Наджм ад-Дин Аййуб (1249). Этот султан был болезненно подозрительным. Опасаясь военного заговора, в противовес официальной армии он создал новое воинское формирование — личную гвардию воинов-рабов тюркского происхождения, ввезенных в страну по его распоряжению (1240). Именно эти рабы, традиционно именовавшиеся мамлюками («находящимися в собственности»), вскоре после его смерти захватили власть и основали империю [1, с. 127–166].

Итак, в 1249 г., когда приготовления к отражению нападения крестоносцев были в самом разгаре, султан ас-Салих Аййуб заболел и умер в своем шатре в районе современного египетского города Мансуры. Его вдова, женщина с сильным волевым характером, по одним данным, дочь тюрка Абдуллы, по другим — армянка по происхождению, Шаджарат ад-Дурр договорилась с предводителями мамлюков —

эмирами Фахр ад-Дин Юнисом и Таваши Джамал ад-Дин Мухсином (они отвечали за безопасность и неприкосновенность царствующей семьи) во избежание паники и деморализации войск во время крестоносной интервенции сохранить смерть мужа в тайне. Фактически она доверила мамлюкам судьбу трона и свою собственную.

Полагавшаяся поминальная процедура была совершена в присутствии лишь нескольких ближайших к покойному султану лиц, после чего его останки были доставлены в Каир и тайно погребены в крепости Джазира. Целый месяц после этого смерть верховного правителя сохранялась в тайне от страны. Все это было осуществлено благодаря помощи верных мамлюкских гвардейцев. По настоянию Шаджарат ад-Дурр мамлюкские эмиры присягнули на верность ее пасынку, сыну умершего халифа ас-Салиха — Туран-шаху, который в это время находился далеко от места событий — в Сирии. Верность этих мамлюков своему слову дала возможность nasledнику вернуться в Египет и занять египетский трон [4, с. 41; 5, р. 671].

Отметим, что молодому монарху катастрофически не хватало мудрости сохранять хорошие отношения с мачехой и преданными ей мамлюками. Заносчивый и высокомерный, он унижал мачеху, которая приложила столько стараний и мужества, чтобы возвести его на престол, позволял себе оскорбительные поступки в отношении присягнувших ему гвардейцев, избивал их, наносил им увечья и в пьяном угаре грозил их всех уничтожить. Постепенно в среде мамлюков сложилось мнение, что Туран-шах должен быть смещен. Заговор против халифа составили эмиры Фарис Актай, Бейбарс (Бибарс), Айбек и Калаун, занимавшие ведущее положение в мамлюкских полках Салихийа и Бахрийа. Успеху заговора содействовало безрассудное поведение Туран-шаха, спровоцировавшее заговорщиков на бунт [1, с. 120].

Во время одной из неприглядных пирушек Туран-шах, выпив вина, стал размахивать саблей и порезал себе пальцы. Это вызвало смех у виртуозно владевших холодным оружием мамлюков. Охваченный гневом и досадой, Туран-шах приказал убить смеявшихся, а заодно и всех присутствовавших мамлюков. Те, в свою очередь, увидев, что он не шутит, набросились на него, но Туран-шаху удалось ускользнуть и укрыться в построенной по его приказу деревянной башне. Мамлюки окружили башню, обстреляли и подожгли ее. Туран-шах, понимая, что может сгореть заживо, выпрыгнул из башни в Нил, но был пойман и убит Бейбарсом, которого поддерживали другие мамлюкские предводители, такие как Актай, Айбек и Калаун (1250). Ряд средневековых авторов иначе описывают гибель Туран-шаха: одни утверждают, что он заживо сгорел, другие — что утонул, третьи — что погиб от стрелы. Он пробыл султаном всего 70 дней [4, с. 43].

Со смертью Туран-шаха закончилось длившееся 81 год правление египетской династии Аййубидов (1171–1250). Армия избрала Шаджарат ад-Дурр правительницей Египта на время, пока ее сын не станет достаточно взрослым для самостоятельного правления. Однако этому не суждено было случиться. Абу-ль-Фида (1273–1331) пишет, что единственный сын Шаджарат ад-Дурр умер еще в младенчестве, что лишило женщину-правительницу возможности передать свою власть наследнику из рода Аййубидов [6, р. 220]. Верховным главнокомандующим мамлюкской армии (атабеком) стал выдвигенец из мамлюков эмир ал-Му'изз 'Изз ад-Дин Айбек, туркмен из Малой Азии — один из инициаторов устранения Туран-шаха². Его кан-

² Имя Айбека, как утверждает авторитетный мамлюкский историк Ибн Тагри Барди, — тюркского происхождения и состоит из двух слов — ай, что значит «луна», и бек, что значит «эмир»

дидатуру одобрила Шаджарат ад-Дурр, которая фактически и допустила мамлюков к управлению Египтом [4, с. 45; 6, р. 220].

Узнав об избрании на султанский пост женщины, багдадский халиф ал-Мустансир направил египтянам письмо, в котором, в частности, говорилось, что если в Египте нет достойных мужчин, чтобы управлять страной, то он, халиф, может прислать им такого человека из Багдада. «Разве вы не знаете, — говорилось далее, — священные слова Пророка, что племя, передавшее государственные дела в руки женщины, спасения не обретет?» [8, р. 258–260]. Это послание багдадского халифа имело большое политическое значение для мамлюков. Фактически в нем халиф-Аббасид предлагал освятить власть мамлюкского предводителя, если таковой будет избран. Часть мамлюков, не желая упускать шанс узаконить свою политическую власть, выступила за избрание султана-мужчины. В стране начались беспорядки, в Сирии активизировались Аййубиды во главе с потомком Салах ад-Дина, главой аййубидского дома, Насиром Юсуфом, которого поддержали сирийские мамлюки Дамаска и других городов. Вскоре после этого, возможно и в связи с этим посланием, Шаджарат ад-Дурр вышла замуж за Айбека, мамлюкского предводителя, который стал ее соправителем (1250–1257), и формально отреклась от престола в его пользу. Провозглашенный таким образом султаном Египта Айбек стал первым правителем Египта из мамлюков. Теперь на монетах чеканилось его имя, его же провозглашали и во время пятничной молитвы [6, р. 220, 229; 8, р. 258–260; 9, s. 179].

Это был чрезвычайно важный момент для судьбы мамлюкского султаната, поскольку дальнейшие события могли развиваться по двум принципиально разным сценариям. Первый — продолжение правления представителей аййубидской династии под эгидой и патронажем мамлюков. Второй — замена аййубидской султанской власти мамлюкским правлением. Обе возможности имели примерно равные шансы на реализацию. Складывалась ситуация, которую именуют точкой бифуркации, т. е. моментом, когда историческое развитие могло сохранить прежнюю траекторию своего движения или пойти по качественно новому направлению. Важнейшую роль в том, что реализовался второй сценарий, сыграла военно-политическая борьба между мамлюками, Аййубидами и крестоносцами. Дело в том, что Насир Юсуф не смирился с потерей его семьей власти над Египтом и начал подготовку к войне. Под его знамена встали все сирийские правители, он заключил перемирие с находившимся в Акке предводителем крестоносцев Людовиком IX и начал наступление на мамлюкский Египет.

Сражение между войсками Насира и мамлюками Айбека произошло 19 января 1252 г. недалеко от Каира. Численное превосходство было на стороне сирийцев, и вначале казалось, что они выигрывают битву. Во время сражения был даже такой эпизод: когда аййубидские войска приблизились к стенам Каира, в некоторых мечетях их сторонники поспешили объявить, что Айбек низложен, а вся власть возвращается к Аййубидам [10, s. 18]. Однако исход сражения решила смелая до безрассудности атака группы мамлюков во главе с Фарисом Актаем, фактически решивших пожертвовать собой ради победы: они сумели пробиться через сирийскую оборону, захватили в плен нескольких высших военачальников и тут же их обезглавили. Это вызвало панику в рядах сирийцев. Часть из них, узнав о гибели своих командиров,

(1409/1411–1469/1470), т. е. повелитель. Ибн Тагри Барди переводит это имя на арабский язык как эмир камр, т. е. повелитель луны [7, s. 17].

обратилась в бегство, увлекая за собой остальных. Сирийские боевые порядки оказались нарушены, и вся армия Насира побежала.

Печальна была и участь жителей Каира, поспешивших объявить о конце правления Айбека. Победившие мамлюки расценили поведение каирцев как измену, и город был отдан на разграбление воинам, как если бы это была вражеская столица, взятая штурмом. По городу прокатились дикие погромы, было убито множество людей, многие проданы в рабство. Нужно отметить, что жестокость и беспощадность, с которой мамлюки карали любое проявление оппозиционности со стороны населения, глубоко запало в память каирцев, которые, как правило, остерегались восставать против власти мамлюкских султанов.

Эта первая победа мамлюков уже фактически в качестве правителей страны имела неоднозначные последствия для них самих. Между двумя мамлюкскими лидерами — Айбеком и Актаем — вспыхнула конкурентная борьба за власть. Опорой Айбека в этой борьбе были мамлюки полка Бахрийа, а Актая поддерживал мамлюкский полк Салихийа. Трое приближенных к Айбеку мамлюкских эмира, в числе которых был и будущий султан Кутуз, организовали засаду и убили Актая³. Мамлюки Салихийа, полагая, что их предводитель арестован и находится в замке Айбека, окружили крепость, требуя освободить своего командира. В ответ с крепостной стены в толпу салихийских мамлюков была брошена голова Актая. Стронники Актая были деморализованы и бежали из Египта в Сирию под опеку Насира Юсуфа⁴ [10, с. 36].

С этого времени Айбек мог спокойно править страной, так как сильной оппозиции его власти уже не существовало⁵. Единственное, что омрачало его триумф, это постоянное вмешательство в дела управления государством его супруги, энергичной Шаджарат ад-Дурр [10, с. 31]. Айбек не желал быть соправителем при супруге и начал готовить почву для ее устранения от власти.

Уникальность положения Шаджарат ад-Дурр состояла в том, она, будучи женщиной, по праву заняла престол и некоторое время чеканила свое имя на монетах⁶. В мусульманской истории подобные примеры были редкостью. Сознвая свое

³ Шамс-ад-Дин Мухаммад б. 'Ахмад б. 'Усман аз-Захаби (1274–1348), собравший для своей «Истории ислама» («تاريخ الإسلام») богатейший биографический материал, отмечает, что именно Шаджарат ад-Дурр указала Айбеку на необходимость устранения Актая для окончательной узурпации власти [11, с. 199].

⁴ Согласно договору, заключенному в 1255–56 г., граница между владениями аль-Малика ан-Насира и аль-Му'изза Айбека проходила по Синайскому полуострову у населенного пункта аль-'Ариш [6, с. 229]. Некоторые источники относят к территориям, находившимся под контролем Айбека Иерусалим и Газу [12, с. 58].

⁵ Историк и богослов из Дамаска Кутб-ад-Дин аль-Йунини (ум. в 1325/1326 г.) указывает, что только после смерти Актая Айбек стал султаном, так как ранее по настоянию сирийских мамлюков из полка Салихийа султаном был провозглашен один из юных представителей рода Аййубидов — аль-Малик аль-'Ашраф Муса, сын аль-Малика ан-Насира Юсуфа [12, с. 55, 59]. Факт провозглашения султаном аль-Малика аль-'Ашрафа Мусы подтверждают и другие источники. В частности, Сайф ад-Дин Абу Бакр ибн ад-Даудари (ум. после 1335 г.) отмечает, что десятилетнего Мусу усадили на трон в тот критический момент, когда войска ан-Насира Юсуфа подходили к Каиру, и положение египетских мамлюков стало крайне опасным [10, с. 13–14]. 'Имад-ад-Дин 'Исмаил б. Касир (1301–1373/1374), автор пространной истории под названием «Начало и конец...» («البداية والنهاية في التاريخ»), пишет, что сначала мамлюки выбрали своим предводителем Айбека, но через пять дней решили сделать султаном аль-Малика аль-'Ашрафа Мусу, а Айбека — атабеком, т. е. фактически регентом при этом мальчике [9, с. 178].

⁶ Надпись на монетах гласила: «Владычица мусульман, мать аль-Малика аль-Мансура Халиля» (ملكة المسلمين والدة الملك المنصور خليل). Аль-Малик аль-Мансур Халиль — скончавшийся во младенчестве сын Шаджарат ад-Дурр и аль-Малика ас-Салиха Наджм-ад-Дина Аййуба [6, р. 220].

моральное право быть соправительницей, Шаджарат ад-Дурр ни за что не хотела расстаться с законной, как она считала, привилегией распоряжаться казной страны. Ссора с мужем⁷ из-за ее отказа выдать ему египетскую казну привела к гибели Айбека (1257). Особую напряженность в конфликт внесло ставшее известным при дворе намерение Айбека взять в качестве еще одной жены дочь могущественного правителя Мосула. Ни сердцем, ни разумом Шаджарат ад-Дурр не могла смириться с соперничеством женщины. Уже дважды, сначала пасынок, а теперь муж, получив из ее рук султанский трон, предавали ее, не желая признать за ней первенства и смириться с твердым характером прирожденной правительницы. Обычно мудрая и осмотрительная, на этот раз она поддалась чувству мести и страха за собственную жизнь. Мало кто сомневался, что Айбек был отравлен собственной властолюбивой супругой. По другой версии Шаджарат ад-Дурр подготовила убийство своего мужа и сама в нем участвовала⁸. Пять нанятых для этого мамлюков задушили Айбека в день его шестидесятилетия в бане, куда он после игры в поло отправился вместе с супругой отпраздновать свой юбилей [6, p. 231; 12, s. 45–46; 13, s. 680].

Стремясь спасти свою жизнь, Шаджарат ад-Дурр предлагала султанский трон нескольким мамлюкским эмирам и даже лидеру Аййубидов — Насиру Юсуфу, но все они отказались, опасаясь мести мамлюков Айбека. Тем временем мамлюки Айбека пришли в себя после гибели своего господина и поддержали в качестве кандидата на султанский престол его юношу-сына. Затем они расправились с непосредственными убийцами своего командира, а потом отомстили и самой Шаджарат ад-Дурр. В марте 1257 г. мамлюки заточили Шаджарат ад-Дурр в крепость⁹, объявив султаном с почетным именем «аль-Малик аль-Мансур» («Победоносный владыка») 15-летнего сына Айбека от первого брака. Атабеком (главнокомандующим) войска стал эмир Кутуз [6, p. 231; 10, s. 32].

Первая жена Айбека, которой при жизни мужа было запрещено даже переступить порог султанского дворца, став матерью султана, spolна рассчиталась со своей соперницей за многолетнее унижение. По ее приказу 28 апреля 1257 г. Шаджарат ад-Дурр была доставлена к ней во дворец и передана в руки наложниц, которые избивали ее, пока она не умерла [11, s. 199]. Считается, что орудием убийства служили тяжелые деревянные банные башмаки (налин), которыми наложницы и забили Шаджарат насмерть. Затем ее почти голое тело было сброшено в ров перед цитаделью, где каирские бродяги стянули с нее даже ее расшитые золотом шаровары. Только спустя несколько дней близкие Шаджарат ад-Дурр опознали ее тело и захоронили в усыпальнице во дворе мечети, которую с тех пор называют «Мечеть Шаджарат ад-Дурр» или «Мечеть Халифа» [4, с. 48].

История прихода мамлюков к власти замечательна своей лаконичностью. Десять лет отделяет основание мамлюкского гвардейского корпуса в 1240 г. от при-

⁷ Ад-Давадари отмечает, что после убийства Актая Айбек перестал советоваться с Шаджарат ад-Дурр, когда речь шла о государственных делах, и посещал ее ночью лишь три раза в неделю [10, s. 31].

⁸ Один из хронистов пишет, что Шаджарат ад-Дурр колотила деревянным башмаком своего мужа, не вникая мольбам о пощаде [10, s. 32]. Сегодня трудно сказать, является ли приведенный факт оправданием последующего жестокого убийства самой Шаджарат ад-Дурр именно таким способом, или напротив, указывает на то, что ее убийство носило ритуальный характер кровной мести.

⁹ Когда Шаджарат ад-Дурр поняла, что ей не избежать ареста и возмездия за смерть Айбека, она истолкла в ступке свои драгоценности и жемчуга, не желая, чтобы они достались кому-нибудь кроме нее, как не хотела она, чтобы ее муж достался другой женщине [9, s. 199].

хода его представителя к власти в 1250 г. А еще через восемь лет произошло первое в истории избрание сына убитого мамлюкского султана на должность правителя. Пройдет еще несколько десятилетий, и на Ближнем Востоке не окажется никого, кто смог бы составить мамлюкам политическую или военную конкуренцию, возникнет могущественная империя мамлюков, чья политическая и экономическая деятельность распространится от Индии и Китая, до стран Магриба и Европы. Правдивая же история о том, как благодаря женщине воины-мамлюки пришли к власти, и, более того, как они избрали ее своей правительницей, незаметно забудется. Ее сменят красивые поэтические вымыслы [14], увы, далекие от реальности, во всяком случае, в них уже не будут упомянуты ни Жемчужное дерево, ни Повелитель луны.

Литература

1. Зеленов Е. И. Мусульманский Египет. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 373 с.
2. Зеленов Е. И. Государственное управление, судебная система и армия в Египте и Сирии (XVI — начало XIX века). СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. 420 с.
3. Хотко С. Х. Очерки истории черкесов. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. 432 с.
4. Учок Б. Женщины-правительницы мусульманских государств. М.: Наука, 1982. 176 с.
5. Hitti P. History of the Arabs. Macmillan, 1946. 767 p.
6. Abu al-Fida, al-Malik al-Mu'ayyad 'Imad al-Din 'Isma'il Ibn 'Ali. Al-Mukhtasar fi 'akhbar al-bashar. 4 ajza'. Vol. 3. Cairo: Dar al-Ma'arif. 271 p.
7. Ibn Tagri Bardi, Jamal al-Din 'Abu al-Muhasin Jusuf al-'Atabaki. Al-Nujum Al-Zahira fi Muluk Misr wa-l-Qahira. Beirut: Dar al-Kutub al-'Ilmiya, 1992. 16 j. Al-juz' al-Sabi'. 359 s.
8. Lane-Poole S. M. A. History of Egypt in the Middle Ages. London: METHUEN & CO., 1901. 382 p.
9. Ibn Kathir, al-Dimashqi. Al-Bidaya wa-l-nihaya. 14 juz'. Al-juz' 13. Beirut: Maqtabaal-Ma'arif, 1990. 371 s.
10. Al-Dawadari, 'Abu Bakr b. 'Abdallah b. 'Aybak. Kanz al-Durar wa jami'al-gurar. 9 Ajza'. Al-Juz' 8. Al-Qahira: Qism al-Dirasat al-Islamiya bi-l-Ma'had al-Almani l-l-'Athar bi-l-Qahira, 1971.
11. Al-Dhahabi, Sams al-Din Muhammad b. 'Ahmad b. 'Uthman. Ta'rikh al-islam wa wafayat al-masha-hir wa-l-'alam. 53 juz'. Al-Juz' 48. Beirut: Dar al-Kitab al-'Arabi, 1999. 597 s.
12. Al-Yunini, al-Shaikh Qutb al-Din Musa b. Muhammad. Dhail mir'at al-Zaman. 3 ajza'. Vol. 1. Hyderabad — Dacca: Dairatu'l-Ma'arif-il-Osmania, 1954. 557 s.
13. Husain 'Ahmad. Mawsu'a Ta'rikh Misr. Cairo: Dar al-Sha'ab. 3 Ajza'.
14. Илюшина М. Ю. О родословной мамлюков Египта по материалам рукописи «Нисаб алджаракиса» из коллекции восточного отдела научной библиотеки СПбГУ // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 9. 2008. Вып. 2, ч. 1. С. 111–116.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2013 г.

М. Ю. Илюшина

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В МАМЛЮКСКОМ СУЛТАНАТЕ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ БАРКУКА (1382–1389)

Период правления *Бурджитов*¹ (1382–1389) составляет второй, завершающий этап истории независимых мамлюкских султанов в Египте. Политическую элиту страны в это время составляли в основном выходцы с Кавказа, преимущественно черкесы [1, с. 139–140; 3, с. 108]. Основателем *Бурджитского*, или *Черкесского* султаната по праву считается султан Баркук (1382–1399). Баркук начал военную карьеру, когда ему было, по-видимому, чуть больше двадцати лет. В юности он попал в рабство (возможно, был захвачен пиратами), приблизительно в 1362–1363 г. известный в мамлюкской среде перекупщик невольников ‘Усман б. Мусафир продал его в Каире *атабеку* Йалбуте аль-‘Умари аль-Хассаки ан-Насири. В известном смысле Баркуку повезло, поскольку его новый хозяин был одним из самых влиятельных людей в султанате [4, j. 11, s. 20].

Баркук выделялся среди своих сверстников необычной выносливостью, силой и прекрасной памятью. Он в совершенстве овладел верховой ездой и техникой боя с применением различных видов оружия. Успехи в обучении могли обеспечить Баркуку блестящее начало карьеры, однако произошло непредвиденное: в 1366–67 г. Йалбуга пал жертвой заговора, а его мамлюки, которых подозревали в нападении на своего хозяина — и в их числе оказался и Баркук, — были брошены в тюрьму. После освобождения Баркук несколько лет служил у наместника Сирии, эмира Манджака аль-Йусуфи, затем, по требованию аль-Малика аль-‘Ашрафа Ша‘бана (1364–1376), вместе со своими однополчанами прибыл в Каир и получил назначение в отряд, находившийся на службе у султанских сыновей.

Он принял участие в мятеже, результатом которого стало убийство султана аль-‘Ашрафа Ша‘бана. Айнабек, предводитель восставших мамлюков, повысил Баркука от рядового до эмира с оркестром². Новое вооруженное выступление, на этот раз направленное против Айнабека, принесло Баркуку звание командира тысячи, в его личном распоряжении было уже сто мамлюков. Позже он возглавил отборные воинские конные отряды, которые должны были охранять султана. Через год Баркук и его товарищ по военной школе, Барака, фактически управляли всеми делами в государстве, лишь формально признавая султаном малолетнего сына аль-‘Ашрафа.

Баркук с присущей ему серьезностью стал укреплять свое влияние в придворных кругах (согласно одному из источников он женился на вдове аль-‘Ашрафа), строился праздности и забав, тогда как его побратим Барака без устали предавался охоте и развлечениям. Конфликт между бывшими союзниками постепенно нарастал. В 1380 г. Баркук начал подготовку к единоличному захвату власти. Он добился

Илюшина Милана Юрьевна — канд. ист. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: aspirant_vf@mail.ru

¹ О названии *Бурджиты* см. [1, с. 128; 2, с. 185–186].

² На службе у эмира с оркестром, шествие которого сопровождалось барабанным боем и игрой на музыкальных инструментах, состояло, как правило, от 40 до 80 рядовых мамлюков [5, s. 106].

© М. Ю. Илюшина, 2013

заклучения Бараки в тюрьму, организовал его убийство и под видом защиты порядка перебил почти всех его мамлюков, требовавших возмездия за смерть своего командира [4, j. 11, s. 183–184; 6, p. 391].

В 1382 г. второй сын аль-'Ашрафа, Хаджи, сменивший на троне своего брата ал-Малика Мансура (1376–1382), был отстранен от власти. Обязанности султана принял на себя Баркук. Он возобновил проведение торжественной церемонии присяги, которой пренебрегали его предшественники. Причем форма этой присяги претерпела существенные изменения. Если в прежние времена это был некий договор между султаном и халифом об их взаимных обязательствах³, то в случае с Баркуком речь шла об одностороннем признании халифом права Баркука на власть. В арабских хрониках сохранилось подробное описание того, как это происходило:

В среду, 26 ноября 1382 г. в Каире прошел сильный дождь. После полуденной молитвы повелитель правоверных аль-Мутаваккиль 'Аля-л-Лах в присутствии четырех судей и шейх-уль-ислама Сирадж ад-Дина аль-Балкини принес присягу новому султану — Баркуку. По завершении этого великого дела шейх аль-Балкини наградил султана именем аль-Малик аз-Захир. Аль-Малик аз-Захир Баркук надел знаки царского отличия — черную расшитую джуббу, черную же чалму и бедуинский меч в португее, затем он вышел из крепости через Цепные ворота. Эмиры выступали впереди, а аль-Макарр ас-Сайфи Айтамыш аль-Баджаси нес над головой султана расшитый золотом шелковый балдахин, который был увенчан фигурой серебряной позолоченной птицы⁴. Так процессия поднялась к Большому Дворцу, султан взшел на трон, а эмиры целовали перед ним землю. В крепости ударили барабаны в честь нового правителя, по всему городу провозглашали его имя. Люди — и простые, и знатные — шумно радовались, Каир был украшен целых семь дней [10, л. 2 а; 11, j. 1, s. 223].

Баркук стал основателем и первым правителем Султаната черкесских мамлюков (1382–1517). Значительное число мамлюков черкесского происхождения появилось в Египте при Калауне (1280–1290), который создал новое армейское подразделение, состоявшее из рабов, вывезенных преимущественно с Кавказа [1, с. 139–140; 3, с. 108]. Первым султаном-черкесом, как утверждают арабские историки, был, возможно, Бейбарс Джашангир (1309–1309), однако его черкесское происхождение не является бесспорным [12, s. 8; 4, j. 11, s. 181], а краткий период правления не внес существенных изменений в политическое устройство мамлюкского султаната.

Вопрос о роли черкесов в истории султаната мамлюков, о том, кого, собственно, арабские источники называли черкесами, был подробно рассмотрен Д. Айалоном [13]. Некоторые детали относительно происхождения Баркука раскрывает хроника авторитетного историка, выходца из мамлюкской среды 'Абу аль-Мухасина Йусуфа ибн Тагри Барди (1409/1411–1469/1470). Ибн Тагри Барди пишет, что Баркук

³ Бейбарс (1260–1277) сам давал присягу халифу; при его преемниках присяга стала постепенно приобретать характер взаимности. Возможно, слово *договор* точнее передаст в данном контексте смысл субстантивированной формы (*мубайа'а*) арабского глагола *байа'*, которое имеет два словарных значения — давать присягу, и заключать торговую сделку (что подразумевает выполнение обязательств по отношению друг к другу). В этом значении, по-видимому, употреблено слово *мубайа'а* в «Истории халифов» в главе, посвященной аль-Хакиму II: когда к власти пришел султан Шихаб-ад-Дин 'Ахмад (1342–1342), пишет ас-Суйути, «ему дали почетное имя ан-Насир, клятвенный договор (мубайа'а) между ним и халифом скрепил верховный судья шейх Таки-ад-Дин ас-Субки» [7, s. 391].

⁴ Обычай нести над головой султана такой балдахин (обычно желтого цвета) сохранился со времен Фатимидов. Балдахин имел форму купола и назывался по-арабски *аль-кубба ва-т-тир* (القبة والطيير) — «купол и птица» [8, s. 136; 9, j. 4, s. 7–8].

был из рода Каса⁵ (Киса, Кука — كسا — особенности арабского письма не позволяют определить краткий гласный, следующий за согласным к) [4, j. 11, s. 183]. Существует легенда, в которой сделана попытка связать имя, сходное по написанию с упомянутым названием Каса, и этноним «черкесы». В генеалогии, составленной в XVII в. анонимным автором для мамлюкского эмира Ридван-бея, рассказано о легендарном появлении черкесов на арене истории, а Ридван-бей объявлен прямым потомком ал-'Ашрафа Барсбая (1422–1438), который, в свою очередь, приходится племянником аз-Захиру Сайф-ад-дину Баркуку. Как сообщает автор сочинения, названного в одном из списков «Кахр ал-вуджух ал-'абиса би-зикр насаб 'умара' ал-джаракиса ва 'иттисалих би-курайш» («Покорение лиц, хмурящихся при упоминании родословной черкесских эмиров и связи ее с курейшитами»), все началось с неудачного удара пальмовой веткой: на каком-то празднике, во время состязания Киса (написание имени полностью совпадает с данным Ибн Тагри Барди — كسا, но наличие огласовки в рукописи указывает на прочтение этого слова как «Киса», т.е. с гласным *и* после согласного *к*), глава курейшитского рода Бану 'Амир, случайно ранил араба по имени Фухайд, и тот лишился глаза. Об этом стало известно халифу 'Омару. Чтобы уйти от законного наказания Киса б. 'Икрима б. 'Амр б. Вадд ал-'Амири ночью бежал — سری «сара». С тех пор он и его люди назывались Саракиса, что близко к арабскому «джаракиса» — черкесы. Как отмечает автор «Покорения лиц...», это название стало известно повсюду — в Хиджазе, Йемене, Ираке, Египте. Киса странствовал со своей армией, которая насчитывала 30 тысяч человек, и расправлялся со всеми, кто оказывал ему сопротивление. Он дошел до Византии, и напуганный правитель Константинополя предоставил Саракиса право выбрать для себя любую землю. Воинственные потомки курейшитов поселились в некоей области 'Алф Райик, «а был этот край богат и многоводен» [14, с. 111]. Похожую историю о происхождении черкесов передает Эвлия Челеби в описании своего второго путешествия в Азов. В ней фигурирует арабский вождь Кису, бежавший по одной версии из Мекки, по другой — из Египта [15, с. 58–59]. Отголоски упомянутой выше легенды заметны в кабардинском предании о трех братьях, от которых произошли черкесы, албанцы и курды: «Один из этих братьев каким-то образом лишил одного человека глаза, и последний отказался от всякого другого удовлетворения, кроме “око за око”. Дело было представлено на суд Камефа (т.е. халифа. — М. И.) Омара, который решил, что потерпевший имеет право требовать соблюдение закона возмездия — “око за око”. Вследствие такого решения все братья бежали из своей страны в Кара-Хисса (Малая Азия)» [16]. В адыго-кабардинских родословных упоминается князь Кес, имя которого, возможно, связано с этнонимом «касоги» (в арабоязычных источниках — каса, касак, кашак). Касоги считаются предками современных адыгов (черкесов). Их страна — согласно Ибн Тагри Барди, историческая родина Баркука, или, по крайней мере, его предков, — располагалась, вероятнее всего, в Западном и Центральном Закубанье [4, j. 11, s. 183; 17]. Родным языком Баркука арабские источники называют черкесский. Ибн Тагри Барди, например, в деталях описывает встречу Баркука с отцом и упоминает о том, что

⁵ С. Х. Хотко, на протяжении многих лет занимавшийся исследованием истории черкесов, отмечает, что в еврейско-хазарской переписке упоминается «страна Каса», а термин «Каса» «покрывал все адыгские и абазинские племена Западного Кавказа» [2, с. 72]. Относительно указания Ибн Тагри Барди С. Х. Хотко пишет следующее: «Каса здесь видимо означает касак-кашек — обычное для арабов и персов наименование зихов» [2, с. 155].

они говорили на черкесском, причем «отец Баркука не знал ни одного слова из тюркского языка»⁶ [4, j. 11, s. 185].

Приход к власти Баркука, который дерзнул положить конец почти столетней традиции правления калаунидов, вызвал недовольство и открытый протест представителей тюркско-татарской группировки, сторонников прежней системы, при которой трон занимали потомки Калауна независимо от их способности править, что открывало простор для своеволия эмиров (в том числе и в финансовой сфере). Основную часть оппозиции составили представители тюркско-татарской группировки, хотя размежевание по этническому признаку не было явно выражено в начале правления нового султана. Баркук, вероятно, осознавал, что резкие перемены могут привести к катастрофе, и, вступив на престол, оставил мамлюков высшего звена в их прежних должностях [4, j. 11, s. 186]. В первый период своего правления (с 1382 по 1389 г.) он неоднократно демонстрировал приверженность исконным мамлюкским традициям и обычаям⁷, которых придерживался прославленный султан Бейбарс⁸, предпочитал привлекать на свою сторону потенциальных противников, а не уничтожать их, хотя сдерживать свой решительный характер и горячий нрав⁹ ему было нелегко.

В 1383 г. халиф аль-Мутаваккиль (1362–1377; 1377–1383; 1389–1406) вступил в переговоры с двумя эмирами — Куртом и Ибн Кутлуктамуrom, на стороне которых находилось около восьмисот мятежников. Они планировали убить Баркука во время субботней игры в поло и передать власть аль-Мутаваккилю. О заговоре стало известно султану. Ибн Тагри Барди подробно сообщает о том, как проходил допрос виновных:

Отрицали обвинение все, кроме Курта. Он испугался угроз султана и сообщил следующее: «Халиф вызвал меня и сказал: “Эти тираны правят страной без моего благоволения. Только по принуждению я облачил властью Баркука...”. Затем халиф потребовал от меня, чтобы я был с ним заодно и встал на защиту Истины. Я согласился и пообещал ему, что помогу и соберу восемьсот человек для этого дела». Тогда султан спросил у халифа: «Что скажешь об этом?». «В его словах нет правды», — ответил аль-Мутаваккиль. Султан обратился к Ибн Кутлуктамуру. «Меня там не было, — заявил эмир, — но халиф пригласил меня в свой дом на Слоновом острове, передал упомянутый разговор и сказал: “Это во благо”. Потом он убеждал меня вступить с ним в соглашение, встать на сторону Всевышнего Бога и защиты Истины». Аль-Мутаваккиль все отрицал. Баркук в ярости выхватил меч и хотел перерезать горло халифу. Тогда Судун, наместник Египта, бросился, чтобы встать между ними, и насилие сумел унять султана. Немного успокоившись Баркук приказал казнить Кур-

⁶ Подробнее о языке мамлюков см.: [18–20].

⁷ Добавим, что в сфере экономики и финансов Баркук также не пытался изменить привычную схему и действовал по образу и подобию своих предшественников [21, p. 283].

⁸ Например, он лично выезжал в торжественной процессии, чтобы открыть плотину в время разлива Нила. Этот обычай не соблюдал ни один мамлюкский султан после смерти Бейбарса [4, j. 11, s. 192].

⁹ Баркука приводило в ярость все, что наносило урон его власти и его армии. Узнав о махинациях с *икта*, которые совершал судья, контролировавший законность всех сделок в гарнизоне аль-Мансуры, султан запустил в мошенника чернильницей. После этого судья получил триста палочных ударов тут же, в зале аудиенций, и через три дня скончался, не выдержав такого испытания, поскольку, как пишет Ибн Тагри Барди, «был изнежен и привык жить в роскоши» [4, j. 11, s. 197]. Баркук был, вероятно, столь же вспыльчив, сколь и отходчив. В хрониках имеются многочисленные упоминания о том, что посаженного в тюрьму эмира Баркук отпускал буквально через несколько дней с пожалованиями и подарками [4, j. 11, s. 199].

та и Ибн Кутлуктамура, затем он призвал судей вынести решение об убиении халифа... [6, j. 11, s. 193–194].

Курт был казнен, для Ибн Кутлуктамура выхлопотали помилование, и он отправился в самую страшную каирскую тюрьму — Хизанат Шама'иль, которая была построена еще при Аййюбидах и разрушена в 1415 г. при султানে аль-Му'аййаде (1412–1421). Аль-Мутаваккиля заковали в кандалы и посадили в одну из башен Цитадели. Рассмотрев две кандидатуры, Баркук назначил халифом племянника аль-Мутаваккиля, аль-Васика II (1383–1386). Решение о казни аль-Мутаваккиля все-таки не было вынесено. Через некоторое время Баркук удовлетворил просьбу эмиров, заступившихся за него, и даже распорядился снять с бывшего халифа оковы, но не вернул ему халифского звания. После смерти аль-Васика II в 1389 г. он назначил халифом другого представителя семьи Аббасидов — Закарийю, причем на этот раз первым присягнул ему. С почетным именем аль-Муста'сим Закарийя оставался *повелителем верующих* до 1389 г. [4, j. 11, s. 195, 202; 7, s. 394–395].

Освободили и другого заговорщика — Ибн Кутлуктамура. Его отец, Кутлутамур аль-'Иля'и, не смел говорить с султаном и никого не просил о ходатайстве. Дело решил случай на охоте. Проезжая мимо палатки Кутлуктамура, Баркук остановился. Кутлуктамур вышел, целовал землю у ног султана и просил его принять в качестве подарка четырех скаковых лошадей. Баркук отказался. Кутлуктамур во второй раз поцеловал землю у ног султана, изъявив таким образом свою полную покорность и повиновение, и снова просил принять подношение. Тогда Баркук ответил согласием и вошел в палатку старого мамлюка. Тотчас был отдан приказ выпустить из тюрьмы его сына. Султан пожаловал ему одну из подаренных его отцом лошадей с золотым седлом и расшитым чепраком [4, j. 11, s. 193–195].

Заговор с участием халифа был лишь предвестником более серьезных событий. Оппозиция постепенно концентрировалась вокруг эмира Йалбуги ан-Насири. Ранее Йалбуга, так же как и Баркук, принадлежал к числу мамлюков аль-'Умари, но был старше и имел звание эмира сотни, когда Баркук только начинал свою карьеру. При дворе султана аль-Малика аль-'Ашрафа Ша'бана Баркук, будучи рядовым, должен был исполнять приказания Йалбуги. После того, как второй сын аль-'Ашрафа был свергнут с престола, ситуация кардинально изменилась. В феврале 1384 г. Йалбуга, будучи наместником Алеппо, явился ко двору, чтобы выразить почтение и покорность новому султану. Встав на колени, он целовал землю у ног Баркука, который еще недавно был его подчиненным, и не смел садиться в его присутствии [4, j. 11, s. 190–191].

В течение полугода Баркук и Йалбуга сохраняли status quo, в августе Баркук сместил Йалбугу с должности наместника Алеппо и отправил в александрийскую тюрьму. Ибн Тагри Барди отмечает, что арест Йалбуги считали необоснованным, и именно с этим событием связывает начало первой, скрытой фазы конфликта, который закончился в 1389 г. вооруженным восстанием [4, j. 11, s. 199].

В начале 1386 г. был раскрыт заговор, имевший целью, как донесли Баркуку, убийство султана. Виновники были арестованы, побиты палками, а десять зачинщиков и их предводитель Тамурбуга аль-Хаджиб казнены [4, j. 11, s. 199]. Жестокая расправа¹⁰ с заговорщиками не способствовала укреплению внутримамлюкского

¹⁰ Виновные без одежды, по двое, спиной к спине, были усажены на верблюдов и прибиты гвоздями к седлу. Тамурбуга получил отдельного верблюда. Мрачный караван прошел по улицам города. Такая казнь называлась *тасмир* (تسمير). Затем осужденных сняли с верблюдов, ввели на помост

единства, поскольку побратимские и семейно-корпоративные связи пронизывали все мамлюкское сообщество и грубые репрессии вызывали цепную реакцию неповиновения. В этом была специфика социокультурного бытования мамлюков, одновременно его сила и слабость.

В 1387 г. Баркук вызвал Йалбугу ан-Насири во дворец. После того как эмир проявил должное почтение, султан наградил его подарками и восстановил в прежней должности. Не успел Йалбуга покинуть Каир, как стало известно, что в Сирии подняли восстание бывшие мамлюки султана аль-'Ашрафа (1363–1376) под предводительством эмира Малатьи Минташа. Султан пожалел о своем решении отправить Йалубугу ан-Насири в Алеппо, принятом под давлением других эмиров, но не стал отменять уже изданный приказ. Он демонстрировал полное самообладание и, как обычно, поехал поохотиться в Гизу. В это время прибыл гонец от Минташа с заверениями в том, что его хозяин подчиняется власти султана. Из Сирии поступали противоречивые сведения, среди прочего сообщалось, что Минташ — мятежник, а его лживые заявления имеют одну цель — протянуть время до конца зимы и дожждаться, когда сойдет снег. Баркук выслал в Сирию своего эмира с тайным поручением выяснить истину [4, j. 11, s. 206–208; 6, p. 389].

Тем временем в Алеппо обострились отношения между наместником султана Йалбугой ан-Насири и атабеком войска Судуном аль-Музаффари, смещенным с поста, который занял Йалбуга. Оба написали друг на друга доносы. Баркук пребывал в нерешительности, его подозрения относительно Йалбути ан-Насири росли [4, j. 11, s. 210].

Хроники зафиксировали серьезные случаи нарушения дисциплины в армии. В 1388 г., когда Баркук вызвал евнуха Бахадура — начальника султанских мамлюков, его не оказалось в крепости. Бахадура с трудом нашли в каком-то доме на берегу Нила пьяным и в таком виде доставили во дворец. Султан был вне себя от гнева, отослал Бахадура в Сафад, понизив до командира десятка [22, s. 210].

В обстановке нарастающей нестабильности Баркук неоднократно поддерживал своих мамлюков выплатой значительных денежных сумм, в одной из хроник говорится, что он награждал каждого воина собственноручно. С февраля 1389 г. султан стал приглашать воинов своей гвардии на совместное распитие кумыса. Такие встречи проходили на площади у подножия Цитадели по средам и воскресеньям [4, j. 11, s. 210]. Выделялись средства и для воспитанников *тибака*¹¹. В частности, 27 апреля 1389 г. им было выдано по двести серебряных дирхемов [22, s. 221]. Приобретение и воспитание молодых мамлюков было стратегической задачей султана, поскольку это в перспективе давало ему возможность ослабить собственную зависимость от крупных эмиров (и их военных отрядов), чья поддержка нередко, особенно в кризисной ситуации, давалась дорогой ценой, а верность могла в любой момент обернуться предательством.

Обеспокоенный султан решил отправить Йалбуге подарки и пригласить его в столицу с тем, чтобы обсудить дело Минташа. Наместник Алеппо опасался быть схваченным и уклонился от визита, объяснив это необходимостью держать под кон-

и разрубили пополам (удар наносили по животу так, чтобы внутренности казненного вывалились наружу, затем наступала мучительная смерть). Эта казнь имела название *тавсит* (توسيط) [4, j. 11, s. 199].

¹¹ Слово *тибак* в хрониках мамлюкского периода используется для обозначения расположенных в каирской Цитадели казарм и специальных школ для мамлюков [23, с. 25].

тролем этого самого Минташа. Отказ Йалбуги еще больше насторожил Баркука. Он вызвал на совет мамлюков из своего ближайшего окружения. Было принято решение отправить в Алеппо эмира с письмом, в котором Йалбуге предлагалось помириться с Судуном. На самом деле миссия посланца султана заключалась в том, чтобы найти верных людей и подготовить арест Йалбуги ан-Насири. Йалбуга тоже не бездействовал. Его мамлюк распространял в Каире обращения с призывом выступить против султана. Попутно это сметливый «агент» добыл информацию о готовящемся аресте своего хозяина и успел вернуться с донесением в Алеппо раньше, чем туда прибыл эмир султана [4, j. 11, s. 210–212].

Предупрежденный о планах Баркука, Йалбуга выразил полную покорность. Согласно воле султана он пригласил Судуна аль-Музаффари в свою резиденцию, но примирение не состоялось: Судун явился с оружием, началась стычка между ним и охранниками Йалбуги. В результате Судун аль-Музаффари и его три человека погибли. Инцидент стал поводом для начала открытого противостояния. Йалбуга ан-Насири заключил соглашение с Минташем. Объединив силы, они готовились к мятежу [4, j. 11, s. 212–213].

В Каире было принято решение выслать отряд для борьбы с Йалбугой и Минташем, а Баркук еще раз привел к присяге своих эмиров и устроил в честь этого большой пир на площади перед Цитаделью. Вскоре пришло сообщение о том, что мятежники захватили Триполи, затем бежал наместник Хамы, и город был сдан Йалбуге [4, j. 11, s. 213–217; 24, s. 4–5]. Баркук принял энергичные меры, чтобы не допустить заключения соглашения между мятежниками и халифом. *Повелитель верующих*, а также все Калауниды — потенциальные кандидаты на престол были изолированы. Султанские мамлюки получили очередное пожалование — лошадей, верблюдов, оружие и по тысяче дирхемов каждый. Свою готовность выступить на стороне султана изъявили правители Тебриза и Мардина [4, j. 11, s. 215–217].

Отряд, отправленный Баркуком в Сирию, прибыл в Газу. Наместник султана в этой области проявил должное уважение к эмирам, приветствовал воинов и сделал все, что от него требовалось, для обеспечения их дальнейшего продвижения к Дамаску. Тем не менее командир отряда египетских мамлюков приказал его арестовать. Многие считали, что единственной причиной ареста наместника было его тюркское происхождение. В критический для новой власти период конфликт между черкесской и тюркской группировками мамлюков перешел в фазу обострения. Сам Баркук, по-видимому, на этом этапе не ставил своей задачей преследование мамлюков тюркского происхождения, осознавая, вероятно, что это только сократит число его сторонников. В Газе его эмиры, как свидетельствует источник, действовали по собственной инициативе. Арест наместника-тюрка насторожил воинов гарнизона в Дамаске, многие из которых были тоже тюрками. Их решимость сохранять верность султану-черкесу была поколеблена. В первую же ночь после получения известий из Газы 50 мамлюков тюркского происхождения покинули Дамаск, число перебежчиков на сторону Йалбуги ан-Насири продолжало расти. В конце марта на сторону оппозиции перешли наместник Баальбека и еще 13 эмиров Дамаска [24, p. 7].

В начале апреля сирийский экспедиционный корпус Баркука вступил в Дамаск. Но это несколько не упрочило положения султана, поскольку мамлюки, видимо под влиянием общей смуты, начали грабежи и бесчинства. В такой обстановке жители

города скорее были готовы поддержать Йалбугу, который подошел к стенам Дамаска, чем оставаться подданными Баркука.

В результате первой жестокой стычки войско султана потеснило противника. Затем Йалбуга был разбит во второй раз. В разгар боя два эмира Баркука перешли на сторону Йалбуги со своими отрядами. Получив подкрепление, мятежники в третьем сражении разгромили мамлюков Баркука, захватили трофеи и пленных, которых отправили в крепость. Черкесов Йалбуга постарался разделить, выслав часть из них в тюрьмы Баальбека и других сирийских городов. Бежавших преследовали, их ждала жестокая расправа. Султан терял самых верных своих соратников.

Дамаск приветствовал победителя. Дома эмиров, оставшихся верными султану, а также резиденция наместника были разграблены. В погромах с энтузиазмом участвовали горожане. По свидетельству историка Мухаммада б. Сасры, который был очевидцем этих событий, уносили все — деньги, драгоценности, ткани, мебель, резные окошки с дверей и даже гвозди, которыми были скреплены деревянные перекрытия зданий [24, p. 12–13; 4, j. 11, s. 217–219].

Когда весть о поражении в Сирии достигла Каира, начались беспорядки: рынки были закрыты, прокатилась волна грабежей и погромов. Положение усугубилось очередной вспышкой чумы. Как пишет хронист, «оцепенение и растерянность охватили Баркука». В сражении у Дамаска он потерял своих ближайших соратников. После совета с эмирами султан принял решение отправить в Сирию еще один отряд. В его состав вошли 1400 мамлюков, каждый из которых получил по тысяче серебряных дирхемов. Кроме того по двести дирхемов было выдано воспитанникам султанского *тибака* [22, s. 221].

Обстановка накалялась. Пришло сообщение о предательстве 'Инала аль-Йусуфи, которого Баркук назначил наместником Алеппо вместо Йалбуги ан-Насири. 'Инал примкнул к мятежникам, захватил города Газа и Рамла, после этого сдался Карак.

Султан оставался в Каире и всеми средствами укреплял преданность тех, кто еще оставался на его стороне. Поскольку в критической ситуации голос халифа мог приобрести неожиданный вес и силу, он снова пригласил в свою резиденцию *повелителя верующих*, и в присутствии судей султан и халиф поклялись друг другу сохранять искреннюю дружбу. Аль-Мутаваккиль (в начале года он заменил отстраненного аль-Муста'има) получил подарки, в том числе серую кобылу и новый дом в Цитадели. После этого Баркук объявил об отмене налоговых сборов, призвал жителей столицы закрыть дома и лавки и приступить к строительству укреплений для защиты города. Каир готовился к осаде [4, j. 11, s. 221–229; 7, s. 394].

Эмирам сорока и десятка было выдано по 400 дирхемов, денежные пожалования получили все армейские части. Несмотря на это, тонкий поначалу ручеек перебежчиков вливался в войско Йалбуги, который в июне 1389 г. был уже у стен города. Вскоре султана покинули сразу 500 его личных мамлюков. Измена была жестокой и вероломной. Накануне предатели эмиры тысячи получили от Баркука по 10 000 динаров, а эмиры с оркестром — по 5000. Каждую ночь из Цитадели уходили мамлюки. Кара Димирдаш аль-'Ахмади принял из рук султана 30 000 динаров. После этого он важно произнес: «Владыка султан, не бойся, я останусь рядом с тобой твоим слугою, будь уверен». Не прошло и часа после этого разговора, как Кара Димирдаш сел на коня и ускакал в лагерь Йалбуги [4, j. 11, s. 229–231].

Наиболее стойкие из мамлюков султана вступали в стычки с противником, но силы были неравны, Баркук вынужден был оставить трон и скрыться. Как показало развитие событий, дальнейшая судьба свергнутого султана во многом зависела от того, насколько верны и непоколебимы будут его соратники.

Глава восставших эмиров Йалбуга ан-Насири настоял на том, чтобы султаном вновь стал последний из бахритских правителей Хаджи¹². Сам Йалбуга занял должность атабека (главнокомандующего) египетской армии и взял в свои руки управление делами государства. Он контролировал каждый шаг Хаджи аль-Мансура вплоть до мелочей. Когда султан наградил своего портного, Йалбуга отменил этот приказ, несчастный ремесленник получил несколько ударов палками, а Хаджи аль-Мансур воскликнул: «Если мои распоряжения не исполняются даже относительно портного, то что же это за султанская власть?» и «замолчал с болью в сердце» [4, j. 11, s. 273].

Йалбуга публично заявил, что всем мамлюкам-черкесам гарантируется безопасность, сохранение прежнего положения и наделов. То же самое пообещали и мамлюкам Баркука, если они явятся ко двору. За поимку свергнутого султана была назначена премия в тысячу динаров для гражданских лиц и повышение звания для военных. Тому, кто прячет Баркука, грозили всеми возможными карами.

Баркук был схвачен в доме одного из своих эмиров и отправлен в Карак. Казнить его не решились, опасаясь, что стремление отомстить за гибель своего господина заставит мамлюков Баркука поднять вооруженное восстание. Йалбуга ан-Насири попытался избавиться от этих скрывавшихся в Египте мамлюков, объявив, что все они должны отправиться на службу в Сирию, а каждый, кто останется и будет схвачен, понесет наказание. Молодые мамлюки, обучавшиеся в казармах Баркука, были распределены среди других эмиров, их учителей и наставников распустили. В целом все действия Йалбуги были направлены на то, чтобы привлечь как можно больше сторонников (жителям Каира было объявлено: «Пусть всякий, кто терпел притеснения при прежней власти, приходит к эмиру Йалбуге ан-Насири, чтобы найти правду и справедливость»), а потенциальных противников заставить колебаться между открытым протестом, который чреват непредсказуемыми последствиями, и безопасным проявлением лояльности по отношению к новой администрации [4, j. 11, s. 262–267].

Неожиданный удар Йалбуге был нанесен его бывшим союзником Минташем, возглавлявшим мамлюков султана аль-’Ашрафа. Положение Йалбуги осложнилось тем, что к Минташу, не располагавшему крупными силами, примкнули мамлюки Баркука. Временное объединение с Минташем давало им шанс одолеть более могущественного противника — Йалбугу ан-Насири. В августе 1389 г. начались вооруженные столкновения в столице. Та и другая сторона делали попытки привлечь на свою сторону жителей Каира. Минташ преуспел в этом, в медресе султана Хасана, которая стала опорным пунктом мятежников, приходили горожане, прихватив камни в качестве боеприпасов. Ожесточенное сражение продолжалось целый день, Минташ одержал победу, эмиры Йалбуги один за другим переходили на его сторону [4, j. 11, s. 269–274].

Йалбуга понял, что остался в меньшинстве, и отправил халифа аль-Мутаваккиля, чтобы заключить мир с Минташем. На призыв халифа прекратить смуту предводи-

¹² Когда Хаджи стал султаном в первый раз (в 1382 г.), он получил почетное имя аль-Малик ас-Салих. В 1389 г. ему дали другое тронное имя — аль-Мансур [4, j. 11, s. 262].

тель мятежников ответил, что он выступил против Йалбуги, а не против султана. Это Йалбуга, подчеркнул он, фактически захватил власть и не позволяет Хаджи аль-Мансуру — сыну покойного султана аль-'Ашрафа — управлять делами государства, отстраняет мамлюков аль-'Ашрафа, отдавая предпочтение своим однополчанам. И все это — в нарушение данных прежде обещаний. «Он дал мне только 100 000 дирхемов, — воскликнул Минташ, — а себе забрал лучшие наделы. Мой надел дает лишь 600 000 дирхемов в год! Клянусь, я не отступлюсь, пока не убью его, или он не убьет меня» [4, j. 11, s. 277].

После этого состоялось еще одно кровопролитное сражение. Эмиры из ближайшего окружения Баркука, которых Йалбуге удалось ранее привлечь на свою сторону, покинули его и перешли в войско Минташа. Минташ одержал победу. Горожане снова поддержали его. Несмотря на опасность, они подбирали упавшие на землю стрелы и приносили их лучникам Минташа, что было очень кстати, поскольку оружия и боеприпасов не хватало. Перестрелка продолжалась, в ход были пущены пушки, поражавшие противника с помощью зажигательной смеси, приготовленной на основе нефти. Снаряды разрушили купол мавзолея султана Хасана, загорелась палатка Йалбуги. За ночь отряды Минташа пополнились новыми перебежчиками. Йалбуга покинул Цитадель. Минташ явился к султану и объявил, что находится в его власти и хочет служить ему, как служил его отцу. Йалбуга ан-Насири вскоре был схвачен, закован в кандалы и отправлен в тюрьму.

Мамлюки Баркука напрасно рассчитывали, что Минташ сдержит обещание и освободит их предводителя. В отличие от всех остальных участников мятежа они не получили ни денежных наград, ни высоких должностей, ни новых наделов. Минташ осознавал, что такое вероломство вызовет неминуемый протест, и решил нанести упреждающий удар. В Карак он отправил гонца с тайным предписанием убить Баркука, его мамлюков он вызвал якобы для того, чтобы решить все назревшие вопросы, закрыл за собравшимися двери и отдал приказ начать расправу. Было убито около двухсот человек. На остальных мамлюков из дома Баркука началась настоящая охота, многие были схвачены и отправлены в тюрьму, а их имущество пополняло казну Минташа [4, j. 11, s. 278–282].

В отличие от Йалбуги, Минташ не был склонен к компромиссам, действовал быстро, решительно и жестоко. Неповиновение, как со стороны мамлюков, так и со стороны мирного населения, каралось без промедления. Когда настало время навести порядок в столице, Минташ объявил, что каждый горожанин, у которого найдут меч, нож или другое оружие, будет наказан. В первый же день шестерым отрубили руки [4, j. 11, s. 287].

Политика грубой силы позволяла контролировать ситуацию в Каире, но для того, чтобы подчинить весь султанат, нужны были либо другие методы, либо хорошо отлаженный репрессивный аппарат, которого у Минташа не было. Поспешив устранить конкурентов, Минташ сделал врагами своих бывших союзников и остался в меньшинстве. Одно за другим приходили тревожные сообщения из Сирии, где, вслед за расколом в Каире, началось противостояние между эмирами, а вскоре стало известно, что наместник Карака освободил Баркука и перешел на его сторону [4, j. 11, s. 287; 22, p. 25].

Минташ продолжал действовать с неукротимой энергией. От арестов он перешел к казням, снарядил отряд для того, чтобы отправить его в Карак, но тут же от-

менил свой приказ, опасаясь, что мамлюки этого отряда могут перейти на сторону его врага, призвал халифа и судей, чтобы вынести фетву о казни Баркука, и, наконец, женился на сестре султана Хаджи аль-Мансура, организовав пышную свадьбу.

Тем временем взбунтовались ссыльные мамлюки в Кусе¹³, вышел из повиновения новый наместник Алеппо — однополчанин Йалбуги ан-Насири. События развивались стремительно, число сторонников Баркука росло с каждым днем, их опорным пунктом стал Карак. Туда удалось добраться тремстам мамлюкам Баркука, бежавшим из Верхнего Египта [4, j. 11, s. 291–292; 10, л. 28 а].

14 октября 1389 г. Баркук направился к Дамаску. На подступах к городу он победил в нескольких сражениях, захватив многочисленные трофеи, его отряд продолжал пополняться эмирами, в основном из числа сосланных в Сирию Йалбугой и Минташем. В Каире срочно снаряжали армию, которую должен был возглавить сам султан Хаджи аль-Мансур. Казна была пуста, Минташ проводил обыски и конфискации в домах арестованных или бежавших мамлюков Баркука, забрал деньги, предназначавшиеся сиротам погибших эмиров, обязал коптского патриарха выплатить 100 000 дирхемов, а главу иудейской общины — 50 000 дирхемов, определенные суммы должны были внести все эмиры, дело дошло до того, что собрали лошадей с мельниц, люди остались без муки, цены на хлеб выросли. Принятые меры не повысили популярности Минташа, к тому же собранной суммы было недостаточно. Воины получили слишком мало и остались недовольны.

Когда армия все-таки отправилась в Сирию, в Каире вспыхнуло восстание. Под предводительством эмира десятка Буты ат-Тулутамури заключенные в тюрьму мамлюки Баркука, сделали подкоп, вырвались на свободу, захватили оружие и разгромили гарнизон, оставленный Минташем. Восставшие объявили султаном Баркука. Весть об этом с радостью встретили жители Египта, которые были измучены смутой и поборами [4, j. 11, s. 295–298, 310–313; 10, л. 30 а, 30 б, 32 а, 32 б].

Тем временем Баркук получил значительное подкрепление из Сафада. Один из мамлюков, получивших воспитание в его доме, Йалбуга ас-Салими, служил давадаром (начальником канцелярии) у наместника Сафада. Когда наместник отправился со своим отрядом на помощь защитникам Дамаска, Йалбуга ас-Салими освободил находившихся в заключении в Сафаде эмиров Баркука — всего около двухсот человек. Они захватили городскую Цитадель и казну [4, j. 11, s. 297; 10, л. 28 б].

Решающая схватка между Баркуком и Минташем началась 2 января 1390 г. Несмотря на отчаянное сопротивление мамлюков Баркука, Минташу удалось заставить их отступить и на правом, и на левом фланге. Но об окончательной победе Минташа говорить было еще рано. Дело в том, что Баркук воспользовался суматохой боя и захватил в плен халифа и султана Хаджи аль-Мансура, которые ожидали исхода сражения на безопасном расстоянии, в стороне от египетского обоза, вместе с находившейся при них армейской казной. Минташ не знал об этом и отправился праздновать свой триумф в Дамаск, а Баркук всю ночь провел в палатке султана, собирая своих сторонников. На следующее утро мамлюки Баркука в ожесточенном сражении одержали верх. После того, как Минташ потерпел поражение, Хаджи аль-Мансур отрекся от престола. Султаном снова стал аль-Малик аз-Захир Баркук. Он принял присягу от халифа и вернулся в Каир [4, j. 11, s. 301–309].

¹³ Город, расположенный приблизительно в 600 км к югу от Каира.

В политике Баркука нетрудно усмотреть многие параллели с действиями султана Бейбарса. В первую очередь это касается укрепления институтов власти военно-теократического государства, которым по существу и являлся мамлюкский султанат и в котором наряду с султаном-главнокомандующим существовала и другая ветвь власти — теократическая, во главе с халифом из рода Аббасидов. Этот институт власти возник благодаря усилиям Бейбарса [1, с. 135; 25, с. 40], и вот через сто лет новый мамлюкский лидер, Баркук, придал этому институту новое содержание. Если Бейбарс, по крайней мере формально, позиционировал себя как слуга халифа, то при Баркуке и его преемниках ситуация изменилась: теперь и навсегда халиф стал слугой султана. Для победы теократической формы власти необходим был еще только один шаг — объединение функций султана и халифа в одном лице, но этого не произошло. Вопрос о соотношении светской и религиозной власти получил дальнейшее развитие при османах. Завоеватель Египта Селим I (1512–1520), сделавшись «служителем обоих священных городов» приобрел в глазах мусульман право на титул имама. Его и его последователей, как отмечает В. В. Бартольд, называли «халифами», «нисколько не заботясь о том, передал ли Селиму свои права халиф Мутаваккиль» [25, с. 71–72]. Позднее была создана теория «о духовном суверенитете турецкого султана как преемника египетских Аббасидов над всеми правоверными мусульманами» [25, с. 76]. Возвращаясь к сравнению Баркука и Бейбарса, подчеркнем, что по существу они вынуждены были решать схожие задачи: укрепление центральной власти и личного авторитета, подчинение мятежных эмиров — сторонников свергнутой группировки. Для достижения своих целей оба использовали идею передачи светской власти от халифа султану. Возрождение халифата как средства укрепления позиций новой власти после периода смуты — одна из возможных траекторий развития мусульманского государства.

Одержав военную победу, султан приказал, чтобы торжественное шествие по улицам столицы возглавлял халиф, а уже за ним следовал Хаджи аль-Мансур рядом с Баркуком, горожане приветствовали султана [4, j. 12, s. 4]. На самом деле это была изящная форма демонстрации того, что пришедший в полное забвение институт халифской власти вновь рассматривается новым политическим режимом как государствообразующий, более того, как идеологическая основа единства и сплочения, наряду с традиционными мамлюкскими узлами солидарности, которых, как показали предшествующие события, для нерушимости государственных устоев оказывается катастрофически недостаточно. На справедливость этого тезиса указывает и тот факт, что практически сразу же после возвращения себе верховной власти Баркук предпринял шаги по интеграции мамлюков в египетскую социальную городскую среду, фактически разрушив традиционную мамлюкскую социальную изоляцию. Второй период правления Баркука был ознаменован введением новых принципов содержания мамлюков. Им было разрешено жить в городе и жениться [26, j. 3, s. 67]. Постепенно эти воины впитывали элементы местного быта, наметилась тенденция к сближению локальной арабской и мамлюкской культуры [27, p. 293].

Султан Баркук умер в возрасте шестидесяти лет в июне 1399 г. Скорбь о нем в народе была неподдельной. Подобно Бейбарсу ал-Бундукдари о нем слагали песни, а его биографию изучали, знали и рассказывали как былинные предания. Согласно последней воле Баркука, тело его было захоронено «под ногами бедняков», посреди

дороги за каирскими воротами Баб ан-Наср. Впоследствии на этом месте по приказу его сына — султана Фараджа — выстроили гробницу [4, j. 12, s. 85; 10, л. 87 а].

Литература

1. Зеленов Е. И. Мусульманский Египет. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 373 с.
2. Хотко С. Х. Очерки истории черкесов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. 432 с.
3. Семенова Л. А. Салах ад-Дин и мамлюки в Египте. М.: Наука, 1966. 216 с.
4. *Ibn Tagri Bardi, Jamal al-Din 'Abu al-Muhasin Jusuf al-'Atabaki*. Al-Nujum Al-Zahira fi Muluk Misr wa-l-Qahira. Beirut: Dar al-Kutub al-'Ilmiya, 1992. 16 j. J. 11. 334 s. J. 12. 293 s.
5. *Dahman, Muhammad 'Ahmad*. Mu'jam al-Alfazh al-Ta'rikhiya fi-l-'Asr al-Mamlukiya. Beirut: Dar al-Fikr al-Mu'asir, 1990. 160 s.
6. *Wijntjes Th. M.* Sultan al-Zahir Barquq as seen by his contemporaries Ibn Khaldun and Bertrando de Mignanelli // Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras. VI. Proceedings of the 14th and 15th International Colloquium organized at the Katholieke Universiteit Leuven in May 2005 and May 2006 / eds U. Vermeulen and K. D'Hulster. Leuven; Paris; Walpole, MA: Uitgeverij Peeters, 2010. P. 383–394.
7. *Al-Suyuti, Jalal ad-Din 'Abd al-Rahman*. Ta'rikh al-Khulafa'. Beirut: Dar Ibn Hazm, 2003. 420 s.
8. *'Afa'f, 'Abd al-Jabbar 'Abd al-Hamid*. Al-Jawanih al-'Iqtisadiya fi Kitabat Ibn Tagri Bardi (min 300h-874h/812m-1469m). Bagdad: Jami'a Bagdad, 2006. 430 s.
9. *Al-Qalqashandi, Abu-l-'Abbas 'Ahmad*. Subh al-'Asha. Al-Qahira: Al-Matba'a al-'Amiriya, 1914. 14 j. J. 4. 487 s.
10. *Mar'i al-Hanbali al-Makdisi*. Kitab al-Tuhfa al-Sinniya fi Akhbar al-Dawla al-Jarkasiya. Österreichische Nationalbibliothek, Sammlung von Handschriften und alten Drucken. A. F. 274.
11. *Ibn Iyas*. Bada'i' al-zuhur fi waqa'i' al-duhur. Bulaq: al-Matba'ah al-'Amiriyyah, 1894. 322 p.
12. *Sulaiman, 'Ahmad 'Abd al-Karim*. Al-'Unsur wa 'Athruha fi-l-Jaish al-Mamluki. Beirut: Dar al-Nahda al-'Arabiya, 1988. 127 s.
13. *Ayalon D.* The Circassians in the Mamluk Kingdom // Journal of the American Oriental Society. 1949. Vol. 69, N 3. P. 135–147.
14. *Илюшина М. Ю.* О родословной мамлюков Египта по материалам рукописи «Нисаб алджаракиса» из коллекции восточного отдела научной библиотеки СПбГУ // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 9. 2008. Вып. 2, ч. 1. С. 111–116.
15. *Эвлия Челеби*. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. 287 с.
16. *Инал-Ипа Ш. Д.* Что рассказывают абхазы о древнейшем населении Абхазии и своем происхождении (материалы с комментариями) // Абхазоведение. Язык. Фольклор. Литература. II выпуск. Сухум: Алашара, 2006. С. 193–255. URL: <http://www.apsuara.ru/portal/book/export/html/327> (дата обращения:).
17. *Пьянков А. В.* Касоги — касахи — кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар: ООО Край-бибколлектор, 2001. С. 198–213. URL: <http://www.aheku.org/page.php?al=alias4691> (дата обращения:).
18. *Зайночковский А.* Новонайденный арабско-кипчакский словарь из государства мамлюков // Народы Азии и Африки. М.: Наука, 1964. № 3. С. 111–116.
19. *Наджип Э. Н.* Золотая Орда и мамлюкский Египет. Очерк историко-культурной обстановки в XIV и XV вв. // Наджип Э. Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV веков. М.: Наука, 1989. С. 80–88.
20. *Haarmann U.* Arabic in speech, Turkish in lineage: Mamluks and their sons in the intellectual life of fourteenth-century Egypt and Syria // Journal of Semitic Studies. Spring 1988. Vol. XXXIII/I. P. 81–114.
21. *Bacharach J. L.* A Study of the correlation between textual sources and numismatic evidence for mamluk Egypt and Syria, A. H. 784–872/A. D. 1382–1468. Michigan: University Microfilms, Inc., Ann Arbor, 1967. 411 p.
22. *Al-Maqrizi, Taqi al-Din 'Abu Abbas 'Ahmad b. 'Ali b. 'Abd al-Kadir al-'Ubaidi*. Al-Suluk li-Ma'rifa Duwal al-Muluk. Beirut: Dar al-Kutub al-'Ilmiya, 1997. 8 ajza'. J. 5. 464 s.
23. *Илюшина М. Ю.* Тибак каирской цитадели в описании аль-Макризи // Модернизация и традиции: тез. докл. XXVI междунар. конф. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 20–22 апреля 2011 г. С. 25–26.

24. A Chronicle of Damascus 1389–1397 by Muhammad ibn Sasra / transl., ed., and annot. by W.M. Brinner. 2 vol. University of California Press: Berkeley and Los Angeles, 1963. Vol. II. The Arabic text. 265 p.

25. Бартольд В. В. Халиф и султан // Работы по истории ислама и Арабского халифата. М.: Восточная литература, 2002. 784 с.

26. *Al-Maqrizi, Taqi al-Din 'Abu Abbas 'Ahmad b. 'Ali b. 'Abd al-Kadir al-'Ubaidi*. Al-Mawa'izh wa-l-'I'tibar bi-Zhikr al-Khitat wal-'Athar. Al-Qahira: Maktaba Madbuli, 1998. 8 ajza'. 942 s.

27. *Rabbat N. O.* The citadel of Cairo: a new interpretation of royal mamluk architecture. Leiden; New York; Köln: Brill, 1995. 339 p.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2013 г.

З. Г. Яфарова

МЕСТО ЖУРНАЛА «ХАЯТ» (1926–1929) В ИСТОРИИ ТУРЕЦКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Турецкая публицистика прошла долгий и сложный путь развития. Первая официальная газета на турецком языке «Таквими вакаи» («Перечень событий») вышла в 1831 г. в эпоху правления султана Махмуда II (1785–1839) и представляла собой информационное издание, в котором под строгим контролем правительства публиковались различные правительственные распоряжения, тексты законодательных актов, а также выдержки из донесений турецких дипломатов. Важным событием в истории турецкой публицистики стало возникновение в 1860-х годах первых частных газет, таких как «Тержюмани ахваль» («Выразитель событий»), «Тасфири эфкяр» («Обозрение идей»), «Мухбир» («Корреспондент»). Вокруг этих изданий происходило объединение прогрессивно мыслящих людей того времени, среди которых достойны упоминания Ибрагим Шинаси (1826–1878), Намык Кемаль (1840–1888), Али Суави (1838–1878) и др. На страницах газет они вели активную пропаганду просветительских идей и выступали за провозглашение конституционного строя.

Важным этапом в становлении турецкой периодической печати является эпоха правления султана Абдул-Хамида II (1876–1908): преследуя членов «Организации новых османов», в которую входили или к которой были близки многие видные турецкие публицисты и писатели, правительство ужесточило цензуру, что серьезным образом воспрепятствовало развитию газетной и журнальной публицистики. Однако это продолжалось недолго. Достигший апогея абсолютистский режим султана Абдул-Хамида II вызвал сильное недовольство среди интеллигентов и офицеров. Возникла оппозиционная организация «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс»), члены которой вошли в историю Турции под названием «младотурки», стали активно развивать агитационно-пропагандистскую деятельность, печатая революционные листовки и газеты в подпольных типографиях. Таким образом, газетная пресса приобрела роль эффективного орудия в борьбе младотурок против тирании Абдул-Хамида II.

В 1908 г. закончилось правление Абдул-Хамида, восстанавливается конституция. Для прессы это означает, прежде всего, свободу печати. Отныне пресса становится «мощным двигателем политического и культурного прогресса» [1, с. 11]. В газетах и журналах широко освещаются актуальные общественно-политические вопросы: ликвидация неграмотности, реформа алфавита, очищение турецкого языка от арабских и персидских слов, эмансипация женщин и пр. Печать, ранее предназначавшаяся лишь для определенного круга просвещенных людей, постепенно становится более доступной для масс. Однако «либеральная по отношению к прессе политика властей (правящей партии «Иттихад ве теракки». — З. Я.) продолжалась недолго» [1, с. 12]. Осуждавшие цензуру младотурки, придя к власти, в целях предупреждения критики в свой адрес стали постепенно вводить ее в печать. Однако более действен-

Яфарова Заура Галиевна — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
e-mail: caramelami@gmail.com

© З. Г. Яфарова, 2013

ным способом для противостояния оппозиционной печати было внедрение «своих» публицистов во все крупные органы печати.

Новая страница в истории турецкой периодической печати открывается в 1923 г. Провозглашение Турецкой республики привело к появлению многочисленных периодических изданий, в которых рассматривались различные вопросы, связанные с экономическим, политическим и культурным развитием нового государства. В связи с этим стоит отметить, что изучение особенностей турецкой газетной и журнальной публицистики данного периода позволяет увидеть жизнь в первое десятилетие республиканской Турции глазами современников и участников событий, понять характер и специфику основных реформаторских тенденций, а также их сильные и слабые стороны.

В 1923–1938 гг. турецкие интеллигенты, деятели науки, культуры и просвещения, чувствуя новые силы и испытывая влияние философии прагматизма, устремляются к поиску новой точки отсчета, оторванной от османского прошлого. Во всех сферах общественной жизни: социальной, экономической, политической и культурной — стали происходить серьезные преобразования.

Первый этап культурного реформирования в Турецкой республике начинается в 1928 г. вместе с введением в использование нового алфавита. Реформа языка стала вторым этапом этого преобразования. Созданное в 1932 г. Общество исследования турецкого языка («Тюрк Диль Теттик Куруму», с 1936 г. — «Тюрк Диль Куруму»), созданное по распоряжению Ататюрка, стало органом, координирующим все лингвистические работы. В эти годы особое значение приобретают колонки в газетах, посвященные языку: в них приводятся османские слова и их турецкие аналоги. Кроме этого, в этот период начинают появляться работы, посвященные анатолийским наречиям, в частности первые словари, ведутся исследования, затрагивающие вопросы образования новых слов. В 1931 г. было создано Общество исследования турецкой истории («Тюрк Тарихи Теттик Джеммети», с 1935 г. — «Тюрк Араштырма Куруму», а впоследствии — «Тюрк Тарих Куруму»). В 1936 г. открылся Факультет языка, истории и географии при Анкарском университете. В этих центрах разрабатывали вопросы, касавшиеся реформ в области права, культуры, быта. Те же темы занимали и умы журналистов и литераторов молодого государства. На страницах газет и журналов активно обсуждалось расширение светского образования, реформа алфавита и языка, введение фамилий, изменение правового положения женщины и пр.

Важно отметить, что газеты и журналы, выпускаемые кемалистами, отказывались от развлекательности. Их основная цель заключалась в том, чтобы повысить уровень образования населения, создать образ идеального государства и воплотить его в реальность при поддержке и содействии образованных и сознательных граждан.

В этот же период Якуб Кадри Караосманоглу (1889–1974), Бурхан Асаф Бельге (1899–1967), Ведат Недим Тор (1897–1985) и профессор Стамбульского университета Шевкет Сюрейя Айдемир (1897–1976), с целью создания надклассовой идеологии, начинают развивать просветительское движение во всех возможных сферах: от экономики до литературы. Органом этого движения становится журнал «Кадр» («Кадр») [2, s. 473].

Писатели, объединившиеся вокруг журнала «Хаят» («Жизнь»), разделили общее мнение об идеале республики. Данный журнал представлял собой печатное периодическое издание, в котором освещались различные актуальные политические, культур-

но-просветительские, литературно-художественные и научно-технические вопросы. «Хаят» выходил в свет каждую неделю в период со 2 декабря 1926 г. по 30 декабря 1930 г. Каждый его номер состоял из 20 страниц большого формата. Таким образом, можно подсчитать, что за указанный временной период в Турции было напечатано 146 номеров данного журнала. В первые два года все материалы в журнале печатались арабской графикой, а начиная с 29 ноября 1928 г., после перехода к использованию латинского алфавита, тексты стали печатать с использованием латиницы.

Издание журнала «Хаят» осуществлялось при активной поддержке Министерства народного просвещения. Основная цель издания заключалась в том, чтобы информировать граждан нового государства о культурных и политических изменениях, происходящих в Турецкой республике.

За все время издания у журнала «Хаят» три раза менялось руководство: со 2 декабря 1926 г. по 3 мая 1928 г. журнал возглавлял Мехмет Эмин Эриширгиль (1891–1965), вслед за ним несколько номеров вышло под руководством Нафи Атуфа Кансу (1890–1949), остальные номера вплоть до самого закрытия журнала выходили под руководством Фарука Нафыза Чамлыбея (1898–1973).

В самом начале издания журнала большинство передовиц принадлежали перу Мехмета Эмина Эриширгилья и Авни Башмана (1887–1964). Статьи, по вопросам тюркологии, литературы и истории культуры писали такие авторы, как Мехмет Фуат Кёпрюлю, Али Джанип (Ёнтеп), Мехмет Халит (Байры), Нахит Сырры (Орик), Нуруллах Атач, Ахмет Джават (Эмре), Мустафа Шекип, Кенан Халит, Хикмет Шевки, Мехмет Халиль, Мехмет Саффет, Нури Рефет.

К теме искусства на страницах журнала «Хаят» обращаются Исмаил Хаккы, Хикмет Шевки, Решат Нури Гюнтекин, Нуреттин Ата, Мустафа Нихат, Сабит Сами, Махмут Йесари, Сениха Сами, Халит Фахри и др.

В журнале «Хаят» публиковали свои произведения такие авторы, как Хасан Али, Фарук Нафиз, Омер Бедреттин, Халит Зия, Халит Фахри, Фазыл Ахмет, Эмин Реджеп, Ариф Дюндар, Экрем Решит, Ариф Нихат, Омер Сейфеттин, Мехмет Сыткы, Исмаил Сафа, Сабахаттин Али, Бехчет Кемаль, Али Кемаль, Пеями Сафа, Мухип Аталай, Халиде Нусрет, Салих Зеки, Рыза Полат, Фуат Омер, Иффет Халим и др.

Особого внимания заслуживает первый издатель журнала Мехмет Эмин Эриширгиль. Выдающийся турецкий просветитель, философ и политик Мехмет Эмин Эриширгиль родился в центральной части Турции, в городе Нигде. Среднюю школу закончил в Стамбуле, а диплом о высшем образовании получил на факультете политологии при Анкарском университете. Сразу же после окончания учебы Мехмет Эмин Эриширгиль приступил к преподаванию: он работал в различных школах Стамбула, в частности, преподавал юриспруденцию, экономику и философию в одном из старейших лицеев Стамбула — Истанбул Лисеси («Лицей Стамбула»). В 1915 г., когда Зия Гёкальп (1876–1924) занял должность профессора социологии на философском факультете Стамбульского университета и приступил к реформированию системы образования, Мехмету Эмину Эриширгилью было поручено начать преподавание этики. В 1919 г. он вместе с Мехметом Изетом (1891–1930) реформировал программу преподавания философии. В 1921 г. стал депутатом от родного города Нигде. Однако через короткое время вернулся назад в университет. В 1924 г. Эриширгиль стал профессором Стамбульского университета. В разное время занимал должность советника, а затем главы департамента образования и воспитания при Министерстве нацио-

нального образования, директора Школы профессиональной подготовки кадров для высших учебных заведений, директора Школы политических наук, заместителя декана факультета филологии, истории и географии. Незадолго до университетской реформы, в 1933 г. Эриширгиль ушел из Стамбульского университета. В 1940 г. он вновь стал депутатом от города Нигде, а уже в 1946 г. получил назначение на должность министра внутренних дел. После поражения Народной партии на выборах 1950 г. Мехмет Эмин Эриширгиль вышел на пенсию и полностью посвятил себя публицистической деятельности. Еще в годы преподавания в лицеях Стамбула Эриширгиль перевел книгу «Лекций по философии» Э. Буарака, известную среди философов под названием «Психология». В годы преподавания в Стамбульском университете Эриширгиль написал работу, посвященную философии И. Канта (1922).

После 1922 г. М. Э. Эриширгиль регулярно писал статьи для журналов «Дергях» («Обитель дервиша») и «Михраб». В 1926 г., занимая должность главы департамента обучения и преподавания при Министерстве образования, продвигал в практической плоскости взгляды Авни Башмана. Вместе с ним он подготовил учебную программу для начальной школы, во вводной части которой была изложена и обоснована необходимость применения нового — прагматического — подхода к системе образования Республики Турция.

В национальном меджлисе, который был создан через некоторое время после провозглашения Турции республикой, велись оживленные дискуссии по поводу того, какая образовательная система должна прийти на смену старым методам преподавания. Что могло стать основой образовательной системы для молодого государства в первой половине 1920-х годов, когда мосты между новой Турцией и Османской империей еще не были до конца разрушены? Поиски ответа на данный вопрос не заняли много времени. В 1924 г. в Турцию был приглашен философ и педагог Джон Дьюи (1859–1952), уже успевший получить признание в США. Именно ему предстояло ответить на вопрос, что представляет собой наследие, оставленное в Анатолии, и на каком фундаменте следует возводить новую систему образования. Дьюи провел в Турции два месяца (19 июля — 10 сентября 1924) и за это время сумел изучить состояние экономики и образовательных структур Турции, результатом чего стал доклад, в котором особое место заняли понятия «прагматизм», «прагматическая педагогика». Данный доклад стал одной из основных точек опоры в построении системы образования в Турции, а также источником для многих реформ в этой сфере.

Стоит отметить, что прагматические взгляды Дьюи, сыграли важную роль в формировании философских взглядов представителей ученых кругов республиканской Турции. Вместе с новыми идеями, касающимися народного образования и просвещения, в Турцию пришла и философия прагматизма. Она быстро нашла отклик в умах передовых ученых того времени — философов, историков и педагогов, некоторых общественных деятелей эпохи Ататюрка, стоящих у истоков новой Турции, среди которых особого упоминания достойны первый издатель журнала «Хаят» Мехмет Эмин Эриширгиль и Авни Башман.

На страницах журнала «Хаят», к изданию которого Мехмет Эмин Эриширгиль приступил в 1926 г. и особенно активно проявил себя в процессе публикации первых четырех томов, нашли отражение основные идеи философии прагматизма, а также прагматической «инструментальной» педагогики. Они звучат уже в первом номере — в передовой статье журнала «Хаят» под названием «Зачем выходит “Ха-

ят”?» (2 декабря 1926 г.), автором которой был Мехмет Эмин Эриширгиль. Следуя традициям прагматической педагогики, он пишет следующее: «Наш проводник — это наука. Начиная с эпохи Танзимата, с Запада к нам на родину пришло много “знаний”. Однако сформировалось очень незначительное количество истинных научных сведений и концепций. Угнетенные традиционным воспитанием и обучением умы набрались сведениями из западных книг, однако не сумели при этом овладеть настоящими научными методами и сформировать с их помощью свои взгляды. Поэтому знающих людей называли учёными. Они, встречаясь с какими-либо ситуациями, не упоминавшимися в прочитанных ими книгах, оказывались в растерянности и смятении. Поскольку они не сумели найти среди имевшихся у них абстрактных знаний определения для новых тенденций, формирующихся в жизни современной нации, то они не смогли различить эти тенденции, вследствие чего среди некоторых научных кругов зародилось недоверие к науке. Журнал “Хаят” должен постараться разбудить в молодом поколении чувство уважения по отношению к истинным научным концепциям и умонастроениям. Наша цель заключается в том, чтобы увидеть не группу людей, знающих несколько терминов, а мощное просвещенное общество, способное размышлять над происходящими событиями. Наши реформы значительно расширили горизонт национального идеализма. Вчера мы хотели независимости для родины — мы ее получили. Однако этого недостаточно: турецкая нация должна занять высокую позицию среди человечества. Для этого необходимо в каждой сфере вести воспитание турецких ученых и деятелей искусства, прививая им культуру и гуманность. Нет ни одного препятствия на пути воплощения этой идеи. Однако нами движет не только национальная гордость. Мы черпаем силы из исторических событий. Эта революция была совершена для того, чтобы вывести турецкую нацию в первую шеренгу человечества. Подобно тому, как независимость Америки и революция во Франции стали примерами воплощения высших человеческих идеалов, наша последняя революция является такой же. Чтобы понять сущность нашей революции, достаточно взглянуть на личность нашего Главнокомандующего. Военачальник (т. е. Ата-тюрк. — З. Я.) не был просто командиром. Он — великий мыслитель, глобально размышляющий на тему всех общественных проблем. Он олицетворяет не только национальное чувство, но и высшие человеческие мысли» [3, с. 1].

Журнал «Хаят» стал для читателей одним из основных источников информации о путях политического и культурного развития Турции после провозглашения республики. В нем получали освещение самые разнообразные социальные темы.

Вопросы, касающиеся турецкого языка, истории Турции, турецкой литературы и изящных искусств, рассматриваются в журнале с точки зрения современности и национальной самобытности турецкого народа. На страницах журнала было опубликовано множество статей на тему турецкой литературы, истории, философии, изящных искусств, а также были рассмотрены вопросы развития новой системы народного просвещения, создания различных культурных сообществ, становления личности «нового» человека.

Одна из важных тем, поднимаемая на страницах журнала «Хаят», — это женский вопрос. Известно, что после провозглашения Турции республикой взгляд на женщину, на ее место в обществе, на необходимость получения женщиной образования, а также на участие женщины в трудовой жизни заметно изменился. В результате

реформ, проведенных Ататюрком, был достигнут определенный прогресс в вопросе равенства полов. Женщины впервые получили определенные гражданские права. В журнале «Хаят» публикуются произведения турецких писательниц и поэтесс, среди которых следует упомянуть Шюкуфе Нихаль и Халиде Нусрет Зорлутуна. В 92-м номере журнала (1928) публикуется поэма «Турецкая женщина в городе» Халиде Нусрет Зорлутуна, в которой автор описывает турецкую женщину в трех ее воплощениях: женщина — хранительница домашнего очага, женщина-работник, женщина-идеолог.

Тема образования также стала одной из главных, затрагиваемых в журнале. На страницах журнала, который, как уже говорилось, издавался при поддержке Министерства народного просвещения, велось повествование о том, каким образом должны проходить уроки литературы, какие темы должны развиваться в современных литературных произведениях, а также рассказывалось о различных литературных течениях, особенностях средневековой литературы, диванной поэзии, библиотеках и душевной болезни под названием «библиомания» [4] и т. д. Важно отметить и то, что многие авторы, чьи статьи публиковались в журнале, связывали реформы в сфере образования с принятием новой системы алфавита как с определенной победой. Об этом, в частности, пишет Хасан Али Юджель в своей статье «Литература в средней школе» [5].

В статье «Для чего выходит “Хаят”?» Мехмет Эмин Эриширгиль поясняет основную цель издания журнала. Он пишет: «Ни одно молодое поколение не несло такой груз ответственности, какая возлагается на турецкую интеллигенцию сегодняшнего и завтрашнего дня. Молодежь обязана возместить свой долг перед революцией. Этот долг может быть оплачен лишь путем осознанного старания во имя блага и процветания турецкой нации. И только наука может определить, каким образом и в каком направлении необходимо будет действовать, чтобы турецкая нация процветала. После революции новая Турция столкнулась с целым рядом экономических и социальных проблем. Интеллигенты настоящего и будущего сумеют решить эти сложности лишь с помощью научного подхода. Каждое новое поколение должно обладать истинными научными знаниями. Журнал “Хаят” должен постараться усилить любовь молодежи к науке. “Хаят” должен сосредоточить все свои силы на том, чтобы разбудить в молодом поколении чувство уважения по отношению к истинным позитивным научным подходам. Наша цель — это не те, кто имеет представление о некоторых воображаемых науках, а сильные интеллигенты, способные рассуждать и анализировать. Журнал будет получать новую силу от таких людей, станет рупором их коллективной идеологии. Поэтому журнал никогда не станет бранным в отличие от человеческой жизни» [3, с. 2]. Очевидно, что журналу «Хаят» в действительности было суждено стать «рупором коллективной идеологии» движущих сил нового турецкого государства и отразить на своих страницах основные черты общественно-научной политики Республики Турция.

Литература

1. *Ибрагимов А. Х.* Печать Турции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. 149 с.
2. *Betiül Özçelebi, Hüseyin Özçelebi.* Eleştiri (1923–1960) // *Türk Edebiyat Tarihi.* Editörler Talat Sait Halman ve başkl. Ankara, 2007. С. 4. 761 s.
3. *Hayat dergisi.* Hayat Ne İçin Çıkıyor. Sayı 1, 2 Aralık 1926. S. 1–2.
4. *Ali Canip.* Bibliomanie // *Hayat.* С. 5, N131. 30 Mayıs 1929. S. 1–2.
5. *Hasan Ali Yücel.* Orta Tedrisatta Edebiyat // *Hayat.* С. 6. Sayı: 138, S. 2.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2013 г.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.411.16

Е. Л. Маяцкая

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ КАК СРЕДСТВО ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ИРОНИИ В РОМАНЕ МЕИРА ШАЛЕВА «ФОНТАНЕЛЛА»

Творчество израильского писателя Меира Шалева (р. 1948) пользуется большой популярностью как у него на родине, так и за рубежом, в том числе в России¹. Его перу принадлежат семь романов, работы документально-публицистического характера, рассказы для детей, стихи и газетные очерки. Шалев — лауреат ряда литературных премий, а его произведения переведены с иврита на шестнадцать языков мира. Писатель является одним из наиболее известных израильских прозаиков в России: все его крупные художественные произведения вышли в свет в ряде отечественных издательств большими тиражами.

Почти все романы Меира Шалева — «Русский роман» (1988), «Эсав» (1991), «Как несколько дней» (1994), «В доме своем в пустыне» (1998), «Фонтанелла» (2002), «Дело было так» (2009) — написаны в жанре семейной саги и представляют собой повествование рассказчика о нескольких поколениях его семьи. В художественный текст вплетается большое количество второстепенных сюжетных линий, многие из которых проходят лейтмотивом через все произведение. Действие его романов происходит на территории Палестины, Израиля и порой переносится в «страны исхода» главных героев: Россию или Украину, или места их эмиграции, например Соединенные Штаты. Хронологически действие в этих произведениях охватывает период в несколько десятилетий.

Особенности повествовательной стратегии писателя дают исследователям основание относить его творчество к течению постмодернизма [3]. Об этом свидетельствует как общая сюрреалистическая атмосфера его произведений, так и обилие цитат и реминисценций, переходящих в явление интертекстуального характера. Другим подтверждением постмодернистского характера творчества Шалева может

Маяцкая Елена Леонидовна — магистр филол. наук, инженер-лаборант, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: elenamay11@mail.ru

¹ Подробнее о биографии и творчестве писателя см. на русском языке [1, 2], на иврите [3–5].

© Е. Л. Маяцкая, 2013

служить факт смешения им разных нарративных стилей, что проявляется в переплетении в текстах элементов реалистического описания и фантастического вымысла (на страницах его романов встречаются, к примеру, говорящие животные, при этом герои повествования не оспаривают логику мистических явлений и принимают ее как данность). Произведения Шалева при всем их ближневосточном колорите можно сравнить с работами Г. Маркеса, который также использует художественный метод магического реализма для создания мира своих романов. Следует отметить, что в последние десятилетия тенденция обращения к постмодернизму прослеживается не только в литературе Израиля, но и в творчестве писателей других стран Ближнего Востока. Подробнее об этом см. [6–8].

Другой отличительной чертой творчества Шалева является неизменное обращение к мифологии и, в особенности, к библейским мифам. Герои его романов носят ветхозаветные имена, а сюжетообразующие мотивы повествования берут начало в Священном писании. Однако образы в произведениях писателя получают другое, отличное от канонического содержание. Так, конфликт братьев в романе «Эсав» отсылает читателя к ссоре их библейских прототипов — Якова и Эсава, но при этом суть драмы ощутимо преобразуется: в основе ее лежит соперничество за женщину, а не за отцовское благословение, и любимой женой Якова оказывается Лея, а не Рахель. Примеры сотворения новых образов по подобию ветхозаветных весьма характерны для произведений писателя: в каждом из его романов можно найти подобные аналогии. Следует отметить, что в коллективном сознании израильского общества библейская мифология является своего рода метанарративом, определяющим и объединяющим еврейский народ, легитимирующим сам факт существования Израиля. Другим общенациональным метанарративом подобного рода является современный сионистский миф о создании еврейского государства: представления об отцах-основателях как о титанах, заложивших фундамент страны, отстаивших ее целостность и независимость. Данные мифологические типы мировоззрения играют большую роль в жизни современных израильтян, поскольку способствуют сохранению национального духа и этнической консолидации. В настоящей работе мы рассмотрим, как именно писатель использует некоторые мотивы упомянутых мифов в своих произведениях на примере романа «Фонтанелла», который вышел в свет в 2002 г.

«Фонтанелла», как и другие произведения Меира Шалева, — роман с большим количеством действующих лиц и богатым событийным рядом. Помимо главной линии, в центре которой находится рассказчик и его семья, по ходу сюжета разворачиваются и второстепенные истории. В произведении встречаются как вымышленные, так и реально существовавшие лица, а также герои, прообразами которых послужили мифологические персонажи. В действии романа играют роль не только люди, но и животные, элементы ландшафта, а также абстрактные понятия, чувства и эмоции, такие как время, память и любовь.

Роман представляет собой эпическую сагу, историю семьи Йофе на протяжении трех ее поколений. Рассказчик, Михаэль Йофе, мужчина пятидесяти пяти лет, отец двух близнецов и «единственный нормальный человек в семье» [9, р. 38, 49], является главным действующим лицом своего повествования. Герои романа — Давид и Мирьям, бабушка и дедушка Михаэля, прибывшие в Изреэльскую долину (он пешком, она — верхом на его спине) на заре становления израильского государства,

и четверо их дочерей: близнецы Пнина и Хана, Батья, любимая отцом больше других, а впоследствии изгнанная им из семьи, и младшая Рахель. Пнина вышла замуж за Аарона, прозванного в семье «Зятем», Хана — мать рассказчика — за героя израильской Войны за независимость Мордехая Йофе (потому что он тоже был Йофе, и ей не пришлось менять фамилию [9, р. 14]); Батья вышла замуж за немца и эмигрировала с ним в Австралию, а Рахель — за брата своей подруги, которого в семье называли просто «Парень» и который погиб в войну 1948 г. У Давида и Мирьям было трое внуков: рассказчик Михаэль, незаконнорожденный сын Пнины Гавриэль, которого ее отец забрал у дочери и воспитал как своего сына, и дочь Батьи Аделаид, приехавшая однажды в страну своей матери совершить «поход паломничества и воспоминаний» [3, с. 206].

Михаэль женат на сильной и властной женщине по имени Алона, но его сердце принадлежит не ей, а встреченной им пятьдесят лет назад девушке Ане, которая спасла его из пожара на пшеничном поле. К моменту начала рассказа Аня уже умерла, как умер и любимый отец Михаэля, но они неизменно занимают центральное место в сюжете. Рассказчик влачит свое монотонное существование, всецело подчинившись воле жены, ведет свое повествование, погружаясь мысленно в события пятидесятилетней давности, когда его, маленького мальчика, вынесла с горящего поля незнакомая девушка. Эта встреча стала поворотным моментом в судьбе героя. На протяжении всего романа он многократно подчеркивает, что Аня дала ему новую жизнь и новое имя — Фонтанелла. Невероятная история любви, которая возникает между двумя персонажами, не завершается с изгнанием девушки из деревни; не завершается она и после ее смерти. Несмотря на свою любовь к отцу, Михаэль не последовал его главному совету: перебороть потерю и жить дальше, — он «предпочитает с тоской вспоминать недостающую часть себя всю свою жизнь» [3, р. 204].

Особое место отводится в рассказе Гавриэлю, двоюродному брату главного героя: родившись недоношенным, первые месяцы своей жизни он провел в так называемом инкубаторе, построенном гениальным изобретателем Аароном. Изначально этот аппарат был создан для выведения цыплят, но волей постмодернистской иронии автора оказался весьма приспособленным и для содержания недоношенных младенцев. Кстати, благодаря изначальному предназначению сего устройства маленький Гавриэль был удостоен ласкового семейного прозвища «Цыпленок».

Действие романа происходит в течение всего двадцатого века сначала в Палестине, а затем уже в государстве Израиль. В художественное повествование периодически вторгаются реальные элементы: исторические события (Война за независимость 1948 г., Вторая мировая война), люди, существовавшие в действительности (Шауль Черниховский, строитель железных дорог инженер Шумахер), народы и религиозные общины (евреи, арабы, темплеры²), географические названия (Кишон, Мухрака) — все это создает ощущение реалистичности повествования. В исторических драмах непосредственными участниками являются герои романа: муж Рахели погибает на войне, а Батью британские солдаты насильно вывозят из Палестины вместе с жителями немецкой общины темплеров. Но проблемы и конфликты современного Израиля либо не затрагиваются вовсе, либо представлены в рассказе

² Темплеры — религиозная община лютеранского толка, состоявшая из выходцев из Германии. С 1860-х годов темплеры создавали поселенческие колонии в Палестине; в 1939 г. почти все были депортированы мандатными властями за связи с нацистским режимом.

в пародийном изображении. Так, арабка-бедуинка Наифа, кухарка семьи Йофе, прекрасно готовила все блюда еврейской кухни, но стоило ей попробовать что-нибудь из приготовленного, как ее тут же начинало рвать; так она узнавала, что блюдо получилось хорошим. Если же нет — она отдавала еду своим собакам, а они, поев, даже не могли встать с земли. Автор создает подобные пародийные зарисовки, чтобы «сбить» пафос с исключительно серьезных, но уже «набивших оскомину» тем, в данном случае — с арабо-израильского противостояния. В повествовании повсеместно встречается смешение реалистических описаний с черной пародией, что говорит о сознательном обращении к повествовательной стратегии постмодернизма.

Михаэль, по его собственному утверждению, «Шехерезада и царь в одном лице» [9, р. 30]: рассказывая истории, он же является их внимательным слушателем, он верховный правитель, способный воздвигнуть целые миры в своем повествовании, а также уничтожить их, просто убрав из рассказа [3, р. 199]. Михаэль пишет не «роман и не книгу воспоминаний, <...> а длинное прощальное письмо» [9, р. 30]. При пересказе событий минувших дней он опирается преимущественно на собственную память и на воспоминания своих родственников. Рассказчик, безусловно, осознает силу и важность своего дела, ведь рассказы превращаются в предания, предания в мифы, а мифы формируют коллективное самосознание, видение окружающего мира, которое является неотъемлемой частью самой реальности. История семьи, история страны в этом тексте создаются на основе рассказов и воспоминаний, и недаром Мирьям (прозванная в семье «Амума»), родоначальница семьи, перед смертью повторяла свои истории и наставления, пытаясь закрепить свои версии и видение событий в памяти последующих поколений, и стирала своего мужа с семейных фотографий, «ведь того, кого нет на фотографиях и в рассказах, как бы и не было никогда» [3, р. 200]. Уничтожая образ своего мужа, она пыталась отомстить ему за изгнание им Батьи и трагедию Пнины, у которой он отобрал сына. Делом ее жизни стало искоренение Апуны из прошлого и из семейной памяти. Ненависть и чувство отчаяния постепенно разрушают ее изнутри, и смерть Амумы становится последней каплей ее мести мужу.

Образ семейства Йофе и каждого его представителя формируется через совершаемые им поступки, черты внешности, моральные и нравственные установки, но наиболее ярко — с помощью «семейного лексикона»: распространенных в их кругу фраз и выражений. «Звуки нашей семьи — семьи Йофе — это возгласы протеста: “это было не так!”, крики: “говорил же я вам, что так и будет!”» [9, р. 26].

Давид Йофе, прозванный в семье «Апуа», человек властный, твердый, умеющий добиваться своих целей, но при этом весьма недалекий. «Куриные мозги» — так характеризуют умственные способности Апуны его близкие [9, р. 16, 74]. Давид Йофе — очень сильная личность, притягивающая других людей своей физической мощью и уверенностью в себе. «По Долине бродили тогда и другие люди, — говорит рассказчик о молодости своего деда, — одинокие и семейные, на первый взгляд они изучали страну, а на самом деле искали себе поводыря» [9, р. 120–121]. Они шли вслед за Апуной, который нес на спине жену, а когда пара выбрала себе место для жилья, они поселились неподалеку — так образовалась маленькая деревня. На этом вымышленном примере автор демонстрирует появление первых поселений в Израиле, когда вокруг одной сильной личности, внушавшей чувство защищенности, со-

бирались усталые нерешительные люди, желавшие обрести лидера, который дал бы им пример для подражания.

С особым юмором описываются умственные способности отца семейства, за которые он и получил прозвище «куриные мозги». Рассказчик вспоминает, что у Апупы было множество «врагов» — «наглые соседи, чиновники из правительства и местного совета, пастухи, которые выгоняли свои стада на наши поля» [9, р. 73]. Борьба со злыми силами составляет важнейшую часть жизни главы семейства и одну из ведущих линий всего рассказа. Апупа считал, что односельчане всеми силами стараются ему навредить, поэтому с ними нельзя иметь дело и, в особенности, нельзя рассказывать им о своих планах на следующий сельскохозяйственный сезон. Своей непреклонной воле он стремился подчинить все вокруг, включая технику, которая должна была работать как он скажет и никак иначе. Разумеется, инструменты при этом выходили из строя, ломались, но это ничему не учило нашего героя. В пример можно привести круглый точильный камень, который поворачивался только по часовой стрелке и который Апупа упорно крутил в другую сторону, не реагируя на советы поменять направление вращения. В итоге передача ножного привода ломалась, а гнев Апупы только возрастал.

Давиду, потерявшему в детстве мать и покинувшему отца, хватает сил построить собственный дом, создать семью, но его жесткий неумолимый характер становится причиной многих несчастий этой семьи: он изгоняет из дома любимую дочь, отнимает ребенка у другой и в конце своей жизни «усыхает до размеров младенца» [9, р. 16], от его былого величия остаются лишь «огромные ладони» да «куриные мозги» [9, р. 26, 76]. Образ «первопроходца», «отца племени», укоренившийся в израильской культуре, получает в романе новое содержание: могучий властный герой, державший в страхе всю округу, доживает свой век, греясь на солнце в инкубаторе внука. С помощью приемов гротеска автор осуществляет деконструкцию мифа о великом сионистском герое, низводя образ титана Давида до трясущегося от холода стареющего гнома. В лучших традициях постмодернизма Шалев иронизирует над устоявшимися представлениями об отцах-основателях, показывая читателю, что они такие же обычные люди, как и все остальные: их сила и физическая мощь со временем увядают, а интеллекта у них могло и вовсе не быть.

Особого внимания заслуживает персонаж Ханы, матери рассказчика, в образе которой выразилось резко отрицательное отношение автора к любого рода фанатизму: религиозному, политическому или, как здесь, поклонению здоровому образу жизни. Смысл жизни Ханы — служение идее, которая принимает в этом романе крайне гротескные формы, а именно служение вегетарианству, культу питания, в ущерб всему прочему: своему мужу, который начинает изменять ей со всеми женщинами округа, Михаэлю, оставшемуся без материнской ласки и внимания; своему собственному счастью. «Жизнь — это дело принципов и правил, а не объятий и радостей» [9, р. 49], — говорит она своему сыну в ответ на его горькое замечание о том, что будь он кольраби, она обняла бы его с большим воодушевлением. Она из принципа отказывалась читать своему ребенку сказки, поскольку их содержание шло в разрез с ее системой ценностей. Так, по ее мнению, Красная Шапочка со своей корзинкой, наполненной вином и пирожками, была для бабушки гораздо опаснее волка.

В своем стремлении к здоровому образу жизни Хана доходит до крайности, рассуждая не только о том, что нужно есть, но и как нужно есть: она совершенно се-

рзбно подсчитывает, сколько жевательных движений делают члены ее семьи, т. е. сколько раз они прожевали пищу на той и другой стороне рта. «Как это свойственно фанатичным вегетарианцам, она пытается “исцелить” и ближнего своего. С утра до вечера она произносит речи и проповедует, донимает всех гневными осуждающими взглядами» [9, р. 14]. Цель ее жизни — доказать собственную правоту, и, надо сказать, в этом она преуспевает: чем старше Хана становится, тем лучше ее здоровье. Мощь ее вегетарианского фанатизма и уверенность в своем деле дают ей силу продолжать свою историю и свою жизнь. Зачеркнув свою личность ради победы принципа, наполнив жизнь искусственным содержанием, Хана являет пример человека, готового пожертвовать чем угодно ради идеи, какой бы бредовой и бессмысленной она ни была.

Согласно легенде, рассказанной во второй Книге Маккавеев, царь Антиох Эпифан склонял семерых сыновей некой еврейской женщины по имени Хана к отказу от иудейской веры. Все они, оставшись верны религии предков, приняли мучительную смерть от рук царя, а во время казни мать ободряла их и призывала к стойкости. После смерти сыновей скончалась и сама женщина.

«Моя мать, принадлежа к союзу женщин по имени Хана, у которых есть принципы и которые всегда правы, очень любила ту Хану и восхваляла ее в каждый вечер Хануки» [9, р. 34], — вспоминает рассказчик. Верность идее и убежденность в собственной правоте, ради которой можно пожертвовать самым дорогим — жизнью своих детей, — проходит через века, претворяясь в образах разных эпох. Автор проводит параллель между апокрифическим персонажем и героем современности, «вливая» в древний миф новое содержание. Он утверждает в гротескном духе постмодернизма, что склонность к фанатизму является неистребимым признаком человечества во все времена. Героиня Священного писания — Хана — подвергается высмеиванию благодаря сравнению ее с полоумной матерью Михаэля, а исступленная верность иудейской религии, согласно логике текста, оказывается ничем не лучше беззаветной любви к капусте и кабачкам.

Сестра-близнец Ханы — Пнина — вышла замуж за Аарона, технического гения, сделавшего множество научных открытий и изобретений: инкубатор для цыплят, саmogонный аппарат для Апуны, глушители для тракторов и револьверов, солнечный бойлер и бесчисленное количество других полезных вещей, включая «примус для британской армии, благодаря которому... Монтгомери победил Роммеля во Второй мировой войне» [9, р. 11]. Своими изобретениями «Зять» кормил всю семью, ведь только на этом условии Апуна согласился выдать свою дочь за него замуж. Низкорослый, смуглый и хромой, он был полной противоположностью своей красавице-жене. На протяжении всего романа автор сравнивает его с древнегреческим богом Гефестом: он был так же некрасив, припадал на ногу, создавал своими руками удивительные вещи и был женат на прекрасной женщине, которая ему изменяла. Со старившись, Аарон начал строить для семьи систему подземных сооружений, колодцев, складов и убежищ, потому что считал, что «очень скоро здесь случится ужасная беда» [9, р. 18]. Но иногда он выходил на поверхность, лицо у него было сморщено, глаза прищурены, — так завершает свой век бог Гефест этого мира, замкнувшийся в себе и в своем подземелье, начинающий сходиться с ума гений-изобретатель. Постмодернистская пародия здесь заключается в том, что герой, ассоциировавшийся с мифологическим богом, обитающим на небесах, низвергается в подземелье и пре-

вращается в подслеповатого «крота». Аарон, как и другие герои романа, — явное воплощение постмодернистской иронии автора.

Рахель, четвертая дочь Давида и Мирьям, после гибели своего мужа на войне не могла спать в одиночестве; она стала лунатиком, бродила во сне по дому и по деревне, залезая в постель к чужим мужчинам, и после нескольких таких недоразумений в семье Йофе было назначено дежурство: все родственники мужского пола должны были по очереди спать в ее кровати. Именно от нее Михаэль услышал большую часть семейных историй, которые по плавности, ритмичности и мелодичности были похожи на рассказы из Библии. «Иногда у нее, у Рахели, рождаются фразы, напоминающие мне стихи из Библии... а иногда наоборот — я нахожу в Библии стихи, напоминающие мне рассказы Рахели» [9, р. 40–41]. Помимо библейских историй, она декламировала стихи Шауля Черниховского и рассказывала легенды из греческой мифологии. Младшая дочь, унаследовавшая волю отца, взяла бразды правления семьей в свои руки после того, как он по старости лет отошел от дел. Она зарабатывает деньги для семьи, проводя долгие часы в своей комнате перед «Стеной акций», раздумывая над банковскими операциями, пока ее не посетит озарение. На этой стене развешаны графики и диаграммы, по которым она предсказывает стоимость акций на бирже. По ее мнению, «мир построен на корреляциях» [9, р. 42], а не на причинно-следственных связях, и именно в них следует искать ответы на вопросы. «Стена акций» Рахели наводит на мысль о Стене Плача в Иерусалиме, куда евреи приходят просить милости у Всевышнего. Образ этой «Стены» и те ассоциации, которые он вызывает, являются тонкой издевкой над религиозными чувствами и традициями иудаизма: автор будто намекает на то, что, замаливая грехи и вознося молитвы о помощи, верующие так же прагматично стремятся к выгоде, как и Рахель, которая занимается биржевыми прогнозами.

Очень неоднозначен и сложен для интерпретации образ Гавриэля, двоюродного брата рассказчика, которого Апула младенцем забрал у Пнины и в детстве кормил желтками и пенкой от молока, чтобы тот вырос здоровым и сильным. Сразу после рождения Гавриэля положили в инкубатор, первоначально предназначенный для цыплят, и с ним он боялся расставаться даже повзрослев. Маленький и плаксивый, с возрастом он стал высоким и широкоплечим юношей. Он никогда не спрашивал о своем отце, а его отношение к матери, с которой он впервые встретился уже будучи подростком, определяли «не кровь, не влечение и не любовь» [9, р. 394]: разлученный с ней с рождения и воспитанный дедом, он никогда уже не испытывал к ней сыновних чувств. Когда его призвали в армию, он подружился с тремя солдатами: двумя «красавцами-кибуцниками» [9, р. 260] и одним религиозным юношей из Иерусалима. Они поселились вчетвером в палатке, готовили еду на огне, веселились и пели песни, и все в части понимали, что речь идет не о простой дружбе. После демобилизации Гавриэль со своей «группой возлюбленных», как их называли в семье, возвращается домой, и они устанавливают посреди двора цветастый вигвам с остроконечной крышей и продолжают там жить, устраивая веселые празднества и представления. Сами парни называли себя «Священным отрядом», сравнивая себя со Священным отрядом из Фив: отборным воинским формированием Древней Греции, которое состояло исключительно из гомосексуальных пар. Эпизоды, связанные с этой компанией, являются наиболее ярким выражением всеобщей карнавальной атмосферы произведения, а гомосексуальные связи «четверки» — развенчание

и извращение всех традиционных представлений о семейно-брачных узах — характерное проявление гротескного реализма. Происхождение возлюбленных Гавриэля, а также место их встречи, по всей видимости, выбраны автором не случайно. Кибуц — израильская коммуна, символ еврейского социализма, Иерусалим как центр притяжения религиозных евреев всего мира, Армия обороны Израиля, оплот веры и надежды, — все они имеют чрезвычайно высокий статус в традиционном сознании израильтян. В романе же представители этих структур оказываются не великими героями, а геями. Столь откровенная издевка над общественной системой ценностей является характерным постмодернистским приемом. Тем самым автор намеренно разрушает симулякр, т. е. представление об «означающем» без «означаемого»: принося иронию в образы великих символов, он указывает, что содержание, которое мы привыкли в них вкладывать, есть не что иное, как иллюзия.

«Единственный нормальный человек в семье» [9, р. 38, 49] — Михаэль — обладает единственной в мире незакрывшейся фонтанеллой, т. е. родничком, через который он может воспринимать недоступные человеческому слуху высокие и низкие звуки, голоса умерших людей и мысли живых, может предсказывать погодные условия и грядущие события. Когда никто не видит, он прикладывает палец к своей пульсирующей фонтанелле, с ее помощью уходит в мир воспоминаний, радости и успокоения.

Из-за своей способности предвидеть будущее Михаэль уподобляет себя библейским пророкам; иногда с усмешкой, полушутя, иногда серьезно, создавая глубокие образы и картины: «Но знамения, танцующие над моей фонтанеллой, подобны толпе пророков, босых и бьющих в барабан; мои пророчества передаются мне не словами, а напряжением кожи под пятками и посохами»; «так или иначе, несмотря на мои скромные предсказания, у меня нет ветхозаветных амбиций»; «и более великие, чем я, пророки, испытывали сложности, проводя различие между пророчеством и желанием» [9, р. 231]. Подобные сравнения с легендарными персонажами древнего Израиля указывают на несомненную преемственность поколений еврейского народа, на магическое воплощение волшебных способностей в разные эпохи. Проводя параллель между современным героем и мифическими образами прошлого, автор оживляет библейские сюжеты, вкладывает новый, слегка измененный смысл в старую форму, демонстрируя важность темы пророчества во все времена.

Несмотря на кажущуюся серьезность по отношению к данной теме, писатель и здесь не обходится без иронии. К способностям своего мужа предсказывать, к примеру, пол будущего ребенка или смену погоды жена Михаэля относится с усмешкой, говоря, что лучше бы он шел угадывать лотерейные билеты. Все величие ветхозаветного пророка моментально исчезает, лишь стоит только представить его использующим свои незаурядные способности в попытке заработать денег. Автор вновь высмеивает закрепленные традицией истины, снимая с них покров святости и разрушая то благоговейное почтение, с которым принято относиться к героям библейских сказаний.

На основании рассмотренных выше примеров можно сделать вывод о том, что Меир Шалев обращается к средствам постмодернистской иронии, чтобы развенчать мифы коллективного сознания, «сбить» пафос с освященных верой и временем убеждений. В романе обнаруживается множество мотивов, заимствованных из Ветхого Завета, древнегреческих мифов и современных мифов сионистского движения,

и во многих случаях писатель отклоняется от общепризнанных канонов их изображения. Насмешливому пародированию подвергаются герои Священного писания, образы отцов-основателей израильского государства, его общественных институтов. Автор обыгрывает различные мифологические сюжеты, изображая традиционные еврейские ценности под новым углом зрения. Писатель видит в библейской и современной сионистской мифологии не источник безусловных аксиом, а совокупность представлений, искусственно возведенных в ранг неоспоримой истины. В своем творчестве он придерживается установки на разрушение благоговейного отношения к авторитетам при помощи насмешки, иронии и техники абсурда. Таким образом, в тексте романа реализуется свойственное постмодернизму «недоверие в отношении метанарративов» [10, с. 10], которые начинают утрачивать силу своего влияния в современном мире.

Литература

1. Крюков А. А. Ровесник страны — Меир Шалев // Ивритская литература в XX веке. М.: Муравей, 2005. С. 385–396.
2. Шалев Меир (Shalev Meir) // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://www.eleven.co.il/article/14717> (дата обращения: 04.04.2013).
3. Shifman S. Im lo hayta zot ahava, ma hayta? 'Al Fontanella shel Meir Shalev // Dvarim she-roim mi-kan. Karmel, 2007. P. 198–207.
4. Shaked G. Ha-‘akarut ha-poriya: ‘al yetsirato shel Meir Shalev // Tmuna kvtsatit. Hebetim be-sifrut Israel u-ve-tarbuta. Or Yehuda, 2009. P. 249–261.
5. Dayan Y. Tsiyonut yeshana, tsiyonut hadasha: le-mivne ha-‘omeq shel yetsirat Meir Shalev. Tel-Aviv, 2003. 454 p.
6. Суворов М. Н. Постмодернистские тенденции в современной арабской литературе (пример йеменской художественной прозы 1990 — начала 2000-х гг.) // Постмодернизм в литературах Азии и Африки. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2010. С. 72–122.
7. Суворов М. Н. Постмодернистские романы-пародии йеменского писателя Ваджди аль-Ахдаля // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 9. 2010. Вып. 3. С. 289–296.
8. Сулейманова А. С. Постмодернизм в современной турецкой литературе // Постмодернизм в литературах Азии и Африки. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2010. С. 233–259.
9. Shalev M. Fontanella. Tel-Aviv, 2002. 498 p.
10. Люотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2013 г.

А. А. Никитина

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГЕРОЕВ В КИТАЙСКОЙ РОМАНИСТИКЕ 50-х ГОДОВ XX ВЕКА

В первое десятилетие после образования КНР стране требовалась новая литература, отражающая актуальную обстановку, идеи, герои которой вдохновляли бы народ на обустройство нового государства и воспитание новых личностей. Это закреплялось на уровне официальных литературных установок: в основу художественного процесса были положены «Яньаньские тезисы» Мао Цзэдуна 1942 г., а на Втором съезде Союза китайских писателей 1953 г. социалистический реализм был утвержден в качестве главного творческого метода литературы [1]. Согласно рекомендациям, содержащимся в официальных документах, персонажи литературы должны были обладать определенными чертами и отражать дух времени.

В данной статье будут кратко рассмотрены особенности персониферы таких романов, как «Повесть о новых героях» Юань Цзин и Кун Цзюэ (1949), «Цветы осы» Фэн Дэина (1958), «Песнь молодости» Ян Мо (1958), «Утро Шанхая» Чжоу Эрфу (1958)¹. Всплеск в издании романов в 1958 г. не случаен, поскольку курс «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые», продолжавшийся с 1956 по 1957 г., возобновил интерес писателей к художественному творчеству. Что касается самого раннего из анализируемых произведений — «Повести о новых героях» Юань Цзин и Кун Цзюэ², — опубликованного в год создания КНР, то его персонажей можно рассматривать в качестве образцов для создания «новых героев» китайской литературы в последующих произведениях, поскольку характеристики этих героев будут так или иначе повторяться, переходя из одного произведения в другое.

Никитина Александра Андреевна — магистр востоковедения, африканистики, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: sashurochka@gmail.com

¹ Романы выходили в русском переводе в СССР [2–5].

² Юань Цзин 袁静 (Юань Сингуй 袁行规, Юань Синчжуан 袁行庄, 1914–1999) — писательница. Родилась в Пекине. Обучалась в художественном училище Бейпина. В 1930 г. вступила в Коммунистический Союз китайской молодежи, в 1935 — в КПК. С 1949 г. член Союза китайских писателей (СКП). Заместитель председателя тяньцзиньского отделения ВАРЛИ и СКП. Известные произведения: роман «Повесть о новых героях» (1949), повесть «Спянные на жизнь и смерть» (1951) (оба в соавторстве с Кун Цзюэ). В 1984 г. получила премию Лу Синя г. Тяньцзиня за детские рассказы «Большие герои и маленькие шалости», «Фанфан и Том», первая премия на Втором Всекитайском конкурсе детской литературы за «Историю маленькой черной лошади».

Кун Цзюэ 孔厥 (Чжэн Чживань 郑志万, 1914–1966) — писатель. Родился в Сучжоу. Первое произведение опубликовал в возрасте 14 лет в журнале «Шаонянь» («Юность»). Получил техническое образование в провинции Цзянсу. После антияпонской войны был редактором «Канчжань жибао» («Ежедневная газета войны сопротивления») в г. Исине. С 1938 г. обучался в университете «Яньань Луи» (延安鲁艺), готовившем кадры для работы в сфере революционной литературы и искусства. После 1949 г. был редактором приложения к «Жэньминь жибао», сценаристом Управления кинематографии министерства культуры, редактором пекинского издательства, выпускавшего литературу для малограмотных, членом правления СКП первого созыва. Позднее был исключен из партии, сидел в тюрьме, в годы «культурной революции» покончил с собой, впоследствии реабилитирован. Произведения: роман «Повесть о новых героях» (1949), повесть «Спянные на жизнь и смерть» (1951) (оба — в соавторстве с Юань Цзин), роман «Продолжение повести о новых героях» (издан посмертно в 1980 г.).

© А. А. Никитина, 2013

В центре «Повести о новых героях» — двое крестьян, неграмотных, выполняющих тяжелую работу в деревне, — молодой парень Нью Дашуй и девушка Ян Сяомэй. Портрет юноши дан всего несколькими штрихами, в нем подчеркивается физическая сила и мощь. О Нью Дашуе говорится, что он «коренастый, широкоплечий, с большими руками, трудолюбивый» [6, с. 1]. В женском портрете также важна физическая сила, что уравнивает ее с мужчиной. Ян Сяомэй «роста была небольшого, но очень крепкая. Обычно она быстро шла, неся целый ушат воды» [6, с. 3].

В романе «Цветы осота» Фэн Дэина³, также посвященном революционной борьбе крестьян в деревне, наблюдается сходная тенденция в описании женских образов — им присущи мужские черты внешности и поведения. Женский портрет здесь — гимн недюжинным физическим способностям и любви к труду. Об одной из главных героинь Цюаньцзы сказано так: «Эта девушка с детства любила взбираться в горы, знала, что такое труд, не позволишь ей пойти — она заплачет. В шесть-семь лет она уже умела управлять тягловым скотом и перевозить урожай. Благодаря физическому труду, Цюаньцзы выросла сильной и крепкой. Два года назад в ней было силы, как у парня, а теперь она и вовсе не уступала своим сверстникам» [7, с. 1]. Другая героиня Чжао Синмэй описывается так: «Белая холщовая кофта Синмэй на спине уже промокла от пота, коротко подстриженные черные, с рыжеватым отливом волосы вздрагивали, то вздымаясь, то опускаясь, при каждом взмахе мотыги, черные штаны были засучены до колен, обнажая крепкие загорелые ноги, ступни, небольшие и аккуратные, увязли в рыхлой влажной земле. Во всем ее теле чувствовалась энергия и сила» [7, с. 8]. Единственной приметой женской красоты являются, разве что, большие глаза.

С первых страниц любого из рассматриваемых произведений можно сразу выделить добродетельных персонажей от отрицательных. Типичный портрет злодея — маленькие глазки, желтое лицо, жидкие усы и волосы, толстый живот, хитрая ухмылка и т. п. К злодеям относятся, как и следовало ожидать, помещики, японцы, солдаты марионеточных войск, представители интеллигенции, типа учителей сельских школ. Разителен контраст в авторской характеристике действий положительных и отрицательных героев: *легко, плавно, быстро, решительно*; и наоборот — *осклабившись, бормоча, покосившись, заискивая*. Эти описания никогда не пересекаются, по ним можно судить, о персонаже из какого лагеря идет речь. Если встречается исключение из общего правила, то читатель склонен заподозрить что-то неладное, сбой в системе: возможно, перед ним враг, перебежчик, лицемер (как, например, один из героев романа Ян Мо⁴ «Песнь молодости» — Дай Юй, пытающийся втереться в доверие студентке Линь, трудящейся во имя отпора Японии).

³ Фэн Дэин 冯德英 (р. 1935, провинция Шаньдун) — писатель, общественный деятель. С 1949 г. участвовал в НОАК, обучался в училище связи армии освобождения, работал телеграфистом, главой радиостанции, главой радиолокационного командования. Начал писать в 1953 г., с 1958 — профессиональный писатель, член СКП. Автор трилогии «Троецветие» (三花): романы «Цветы осота» (1958), «Цветы жасмина» (1959), «Цветы горной хризантемы» (1979, приз издательства литературы и искусства освобождения за лучший роман). Член ВАРЛИ. С 1980 г. занимал посты председателя цзинаньского отделения ВАРЛИ (провинция Шаньдун), главный редактор местного журнала по литературе и искусству «Цюаньчэн», заместитель председателя Народного политического консультативного совета (НПКС) г. Цзинань, председатель СКП в провинции Шаньдун, секретарь партийной ячейки, главный редактор журнала «Шидай вэньсюэ» («Литература эпохи»), заместитель председателя НПКС г. Циндао.

⁴ Ян Мо 杨沫 (Ян Чэнъе 杨成业, 1914–1995) — писательница. Родилась в Пекине. Была депутатом ВСНП, членом ВАРЛИ, членом правления СКП, председателем пекинского отделения ВАРЛИ, главным редактором журнала «Бэйцзин вэньсюэ» («Пекинская литература»). Начала творческую де-

Главная героиня Линь Даоцин — персонаж положительный, в то же время она представитель интеллигенции и образованного студенчества, но никак не рабочих, крестьян и солдат. Однако ее происхождение неоднозначно: она дочь бедной крестьянки и ее хозяина-помещика. Она получила образование, но недовольна существующим порядком вещей — тем, как живут простые люди, размышляет, почему загублена жизнь ее несчастной матери, кто виноват и что нужно предпринять. В отличие от «новых героев» «Повести», здесь автор активно демонстрирует, что его героиня способна к мыслительному процессу, что она ведет беседы на революционные темы и читает классиков марксизма. Отметим, что в речи «новых героев» — Ню Дашуй, Ян Сяомэй и их товарищей — также проскальзывают новые словечки и темы, т. е. это не обычные крестьяне, а сознательные, идущие в ногу со временем. Однако вводя новые выражения и темы для обсуждения в речь персонажей, авторы романов не удосуживаются разъяснить их и самим читателям — в форме прямой речи или мыслей героя или в форме отдельных авторских пассажей. Если недоумевает герой, то, возможно, недоумевает и современный ему неискушенный читатель. Создается впечатление, что обе стороны должны в итоге поверить на слово. Кроме того, не слишком убедительными кажутся попытки авторов показать эволюцию, коренные изменения в сознании персонажей, которые обычно происходят под влиянием знаковых событий или поступков. Такими ключевыми моментами можно считать участие героев в вооруженной борьбе и сопротивление попыткам врагов — те моменты, которые в жизни людей оказались бы решающими при формировании характера и пересмотре взглядов на мир. Однако в романах не вскрыты глубинные психологические мотивы тех или иных поступков, не показана перестройка сознания. Героям оказываются несвойственны типичные человеческие инстинкты. Например, мы видим, что им незнакомо чувство страха, самосохранения, самозащиты. В «Повести о новых героях» есть глава, описывающая партизанскую операцию в зарослях тростника. Герои, в том числе девушки, только что бывшие на волоске от смерти, и вообще первый раз в жизни увидевшие убийство (пусть это и было убийство врагов), как ни в чем не бывало, веселые и довольные, собирают трофеи и спокойно возвращаются домой. Героиня романа «Цветы осота», шестнадцатилетняя девушка, хладнокровно и расчетливо берет винтовку и стреляет в человека, пусть и ненавистного всей деревне. Автор не показывает мук привыкания к новому опыту жизни. Как мы увидели, проблема смерти не осмысливается глубоко на страницах книг. Дружба заменяется товариществом между людьми, разделяющими одни интересы, прежде всего идеологические. Присутствует тема любви, но исключительно классовой и напоминающей всего лишь одну из форм товарищества. Любовные переживания героев показаны очень поверхностно.

«Новые герои» Ню Дашуй и Ян Сяомэй знакомы давно. По желанию матери Сяомэй выдают замуж за местного бандита, прислуживающего японским милитаристам. «Ню Дашуй узнал, как страдает Сяомэй. На душе у него было тяжело... Но ведь Сяомэй теперь мне чужая, — думал он. — Что я могу поделать?» [6, с. 17] — размышляет главный герой, но постепенно осознает, что Сяомэй ему товарищ, а товарищу надо помогать. Девушка сбегает от ненавистного мужа и с Ню Дашуем вместе

тельность в 1934 г., в 1936 г. вступила в КПК. Наиболее известные произведения: повесть «Хроника Камышового пруда» (1950), романы «Песнь молодости» (1958), «Восток ждет рассвета» (1979), «Песни цветов и травы» (1985).

работает на фронте пропаганды борьбы с японскими захватчиками. Затем их товарищи приходят к выводу, что они подходящая пара и убеждают их пожениться. Ню Дашуй и Ян Сяомэй выражают согласие, но продолжают наедине говорить исключительно о работе: «Оба вспомнили, что в скором времени будет их свадьба, и застеснялись, что идут рядом» [6, с. 199]. Это одна из немногочисленных демонстраций чувств между товарищами женихом и невестой. Кстати, описанная ситуация, с одной стороны, напоминает все тот же традиционный китайский брак, в котором пара подбиралась исходя из прагматических соображений. Крестьянское сознание, преодоление которого автор всеми силами старается изобразить, на самом деле никуда не делось, а лишь приняло форму коммунистической сознательности. Аналогично, во время свадебной церемонии жених и невеста кланяются портретам коммунистических вождей (председателя Мао и главнокомандующего Чжу Дэ) вместо дощечек с именами предков жениха: «Дашуй и Сяомэй отдали поклон народным вождям, за ними сват и остальные гости» [6, с. 203]. С другой стороны, свадьба в романе выглядит не как одно из главных событий в жизни китайца в традиционном обществе, а как рабочий момент, вынужденный перерыв между совещаниями правления коммунистического союза и вылазками партизанского отряда. Вероятно, по задумке автора это происходит не только потому, что в условиях войны нет возможности устраивать пышные празднества. Автор намеренно нивелирует важность этого события в жизни героев, показывая чувства новоиспеченных супругов всего несколько раз и очень поверхностно. Ню Дашуй узнает, что жену с сыном водят на допросы: «У Ню Дашуя сильно забило сердце, ... на душе было тревожно, но он изо всех сил сдержался и заставил себя не думать об этом» [6, с. 254], ведь ему надо выполнять боевое задание — подготовить бойцов к штурму города. Мономания этих героев — навязчивая одержимость одной единственной идеей служения партии — не оставляет в их сердцах места чувствам любви и привязанности, страданию и горечи.

В романе «Цветы осота» тема любви также рассматривается на примере отношений между боевыми товарищами, которые восхищаются революционными подвигами друг друга и на этой почве сближаются. В романе «Песнь молодости» тема любви раскрыта более подробно: главная героиня сначала выходит замуж за романтически возвышенного студента, который пишет ей любовные записки, но впоследствии разочаровывается в муже, который вместо того, чтобы участвовать в революционном студенческом движении, носит старомодный халат и проводит все дни в библиотеке за чтением классических книг. Естественно, что влюбляется она в одного из руководителей студенческого движения Лу Цзячуаня, его пример вдохновляет ее в тюрьме, где она проходит испытания голодом и пытками, однако мужественный образ ее возлюбленного помогает ей не сдаваться. О чувствах объекта ее любви сказано вскользь: Лу Цзячуань лишь несколько раз в разговорах с товарищами упоминает о том, что эта девушка ему тоже интересна, но в итоге он погибает в застенках тюрьмы, а Линь Даоцзин клянется в том, что будет продолжать дело его жизни. Любовная линия вполне соответствует тезису Мао Цзэдуна о том, что «в классовом обществе любовь может быть только классовой» [8, с. 972].

Теперь обратимся к роману Чжоу Эрфу⁵ «Утро Шанхая», в центре которого — взаимоотношения рабочих хлопкопрядильной фабрики и их хозяев — крупных

⁵ Чжоу Эрфу 周而复 (Чжоу Цзуши 周祖式, 1914–2004) — писатель, общественный деятель. Родился в Нанкине. Обучался на факультете английской литературы университета Гуанхуа в Шанхае.

шанхайских предпринимателей. Задачи автора вполне очевидны: показать разницу в характерах и нравственных ценностях героев одного и другого лагеря, проследить, как рабочие все более сознательно и активно отстаивают свои профессиональные права и защищают собственное достоинство, изобразить разложение в среде предпринимательской буржуазии, а в некоторых случаях, наоборот, то, как промышленники постепенно осознают великую силу коммунистического профсоюзного движения и стремятся идти навстречу рабочим в противовес собственным меркантильным интересам. С задачами автор, по меркам литературного процесса того времени, вполне справляется, вот только сегодня его персонажи-рабочие выглядят тусклыми, плоскими и безжизненными, а представители буржуазии, наоборот, вызывают некоторый интерес, порой сочувствие, порой отвращение, иной раз усмешку — но, по крайней мере, живые, противоречивые человеческие чувства. Герои-рабочие выглядят столь же безупречными, непоколебимыми, правильными, как и во множестве других произведений того времени. Кажется, вставь их в какой-нибудь другой роман — и не заметишь подмены: действие принципиально не изменится. Те же типажи бедного, но гордого пролетариата, те же речевые штампы и лозунги из уст героев. Все одна безликая народная масса.

В романе героям — представителям буржуазии свойственны важность, степень, хитрость, смекалка, предприимчивость, умение лавировать между своими и чужими интересами, умение убеждать и находить компромисс — в общем, характерные черты, присущие любому дельцу во все времена и в любой стране. В этом смысле они ничем не отличаются от современных людей, в том числе современных китайцев. Интересна любовная линия между одной из наложниц главного управляющего хлопкопрядильной фабрики Линь Ваньчжи и молодым человеком из знатной, но небогатой семьи Фэн Юнсяном. В момент их неожиданного знакомства в доме управляющего Фэн Юнсян «подумал, что европейский костюм из светло-серой английской шерсти, который он сегодня надел, всегда казался ему вполне приличным, но теперь выглядел убогим и недостаточно красивым» [9, с. 75]. Автор показывает, как неловко чувствует себя герой в присутствии этой красивой женщины, ведь он «и во сне не мечтал о счастье увидеть ее»: «Фэн Юнсян неуклюже уселся и продолжал неотрывно следить за ее лицом» [9, с. 75], «с зачарованным взглядом следил за каждым ее движением» [9, с. 74], «только услышав ее звонкий голос, Фэн Юнсян тотчас же потерял все самообладание» [9, с. 76]. Ведя разговор с ней, он всеми силами стремится показать себя в лучшем свете и завоевать расположение девушки: «Если господин Сюй Идэ пожелает, рекомендации я беру на себя, — Фэн Юнсян бросил на Линь Ваньчжи самодовольный взгляд, якобы желая лишь взглянуть на ее лицо, но на самом деле намеренно давая ей понять, что на шанхайской набережной у него все схвачено» (там, где были сосредоточены коммерческие конторы и банки горо-

В годы антияпонской войны активно участвовал в работе ВАРЛИ. В 1938–1944 гг. находился на территории Освобожденных районов под контролем КПК, руководил местной Ассоциацией деятелей культуры, занимался агитационной работой. После образования КНР в разное время занимал должности заместителя председателя шанхайского отделения СКП, заместителя председателя Китайского народного общества дружбы с зарубежными странами, заместителя министра культуры. Вместе с Мао Дунем был инициатором создания литературного журнала «Сяошо» («Проза»), с Ба Цзинем — «Шоухо» («Урожай»). С 1968 по 1975 г. находился в «школе кадров» на «исправительных работах». Наиболее известные произведения: роман «Доктор Бетьюн» (1949), романы-эпопеи «Утро Шанхая» (1958, 1962, 1979, 1980) и «Панорама Великой китайской стены» (1987–1995).

да) [9, с. 79]. Линь Ваньчжи с готовностью принимает его внимание: «Фэн Юнсян наслаждался заинтересованным блеском ее чистых, словно прозрачная вода, глаз... Заметив это, Линь Ваньчжи, не стесняясь, пристально посмотрела на него» [9, с. 78]. Прощаясь, Фэн Юнсян пожал девушке руку и, «словно коснувшись огня, резко отдернул руку» [9, с. 80], после этого стремительно покинул дом — так быстро и неловко, что «с досады он забился в угол машины и медленно опустил веки», вспоминая «образ молодой женщины в зеленом» [9, с. 80]. Целую главу книги (глава шестая) занимает только эта встреча, в которой мы наблюдаем красоту, кокетливость и смущение молодой госпожи, ее желание нравиться мужчинам. Мы видим, какие чувства вспыхивают в сердце Фэн Юнсяна: восхищение, боязнь потерять самообладание, страх попасть в неловкое положение и не понравиться девушке, желание завоевать ее интерес, но не выдать своих тайных переживаний. В общем, сплошные противоречия, сомнения, страдания влюбленных. Трудно сказать, что эти герои как представители буржуазного общества действительно представлены в романе как отрицательные, достойные порицания и перевоспитания. Наоборот, читатель может узнать в них самого себя, улыбнуться героям, посочувствовать им. Благодаря внутренним монологам читатель может проследить, соответствует ли внешнее выражение эмоций чувствам, и если нет, то задуматься, почему. Читатель может поразмышлять над тем, какая внутренняя работа проходит в душе героя и как она воплощается в словах и поступках. В отличие от таких персонажей, герои-пролетарии в основном прячут свои чувства за общепринятыми лозунгами, и трудно понять, что именно они ощущают, произнося эти лозунги. Не зря помощник главы фабрики Мэй Цзосянь советует своему представителю в среде рабочих — перебежчику Тао Амао — «научиться говорить их языком»: например, «после освобождения политическая сознательность наших рабочих повысилась»..., «мы, рабочий класс, смогли расправить плечи только под руководством председателя Мао и коммунистической партии», «народ всей страны идет к прогрессу»..., «я надеюсь, что вы еще лучше будете обучать и воспитывать меня...» [9, с. 72]. Действительно, судя по изображению крестьян, солдат и рабочих в романах того времени, достаточно лишь добавить в речь персонажей штампованные выражения, одеть и причесать просто, но опрятно, снабдить грустной предысторией притеснения со стороны помещика — и модель пролетария готова.

Таким образом, авторы романов всеми силами стремятся создать положительные образы идеальных коммунистов в духе социалистического реализма. В результате получаются одни и те же типажи со схожей внешностью, привычками, речью, поступками.словно штампованные на конвейере модели они движутся из одного произведения в другое, меняя имена, но лицом подозрительно напоминая друг друга. По словам китайского критика Ли Цзефэя, это «тысячи людей, носящих одну маску» (千人一面) [10, с. 42]. Рецепт создания злодея еще проще: достаточно противопоставить любой черте внешности и характера добродетельного героя соответствующую противоположную черту, тезису — антитезис. А вот вывести из них синтез, т. е. многоплановый образ, гораздо сложнее, у авторов это получается редко, и они ограничиваются самой примитивной формой деления персонажей на хороших и плохих. Стремясь создать привлекательный идеал всеобщего товарищества, писатели не считают необходимым наделить своих героев человеческими страстями и слабостями, в итоге те оказываются неубедительными в выражении чувствен-

ной или родительской любви, неспособными испытывать страх и отчаяние. Любовь функционирует лишь как форма выражения социальной ответственности, коммунистический проект объединения Китая под вывеской товарищества и солидарности трудящихся, но не как проявление индивидуальных особенностей личности. Между тем представители буржуазии в романе «Утро Шанхая» не так однозначны. Они выглядят уникальными в проявлении своих страстей — к женщинам, деньгам, власти — страстей, может быть, порочных с точки зрения пропагандируемой в то время морали, но вечных, тревожащих сердца людей во все времена. Текст произведений, написанный в русле эстетической парадигмы КНР 1950-х годов, продолжает жить своей самостоятельной жизнью, вне зависимости от того, какие цели преследовал автор, создавая героев в современном ему политическом и социальном контексте. Со сменой эстетической парадигмы смещаются акценты в восприятии героев: безупречный «мальчиш-кибальчиш» порой кажется не таким интересным и привлекательным, как обаятельный «мальчиш-плохиш».

Литература

1. Zhongguo zuojia xiehui zhangcheng (1953 nian) URL: <http://www.chinawriter.com.cn/2011/2011-11-03/104139.html> (дата обращения: 15.09.2012). 中国作家协会章程 (1953 年).
2. Юань Цзин, Кун Цзюэ. Повесть о новых героях. М.: Изд-во иностранной литературы, 1951.
3. Фэн Дэин. Цветы осота. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959.
4. Ян Мо. Песнь молодости. М.: Молодая Гвардия, 1959.
5. Чжоу Эрфу. Утро Шанхая. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.
6. Yuan Jing, Kong Jue. Xin ernu yingxiong zhuan. Shanghai: Xin wenyi chubanshe, 1951 nian. 265 ye. 袁静、孔厥. 新儿女英雄传. 上海: 新文艺出版社, 1951 年. 265 页.
7. Feng Deying. Kucaihua. URL: <http://www.xixingcun.com/hongseyuedu/kch/bindex.htm> (дата обращения: 15.05.2013). 冯德英. 苦菜花.
8. Mao Zedong. Zai Yanan wenyi zuotanhuishangde jianghua // Mao Zedong xuanji. Dongbei shudian, 1948. 969-995 ye. 毛泽东. 在延安文艺座谈会上的讲话 // 毛泽东选集. 东北书店, 1948. 969-995 页.
9. Zhou Erfu. Shanghaide zaochen. Beijing: Zuojia chubanshe, 1958 nian. 504 ye. 周而复. 上海的早晨. 北京: 作家出版社, 1958 年. 504 页.
10. Li Jiefei. Xulun: 1979 nian yiqiande jiandan zhuangkuang // Dangdai zuojia pinglun: 1994 nian, di 5 qi. 30-43 ye. 李洁非. 绪论: 1979 年以前的简单状况 // 当代作家评论: 1994 年, 第 5 期. 30-43 页.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2013 г.

М. Н. Суворов

НОВЫЕ РОМАНЫ ИЗ ЙЕМЕНА: МЕЖДУ ОТКРОВЕНИЕМ И ЭПАТАЖЕМ¹

Примечательной чертой литературной жизни арабских стран в два последних десятилетия, особенно с начала 2000-х годов, стало появление большого числа произведений, отличающихся от произведений предыдущего периода смелостью и откровенностью в рассмотрении тем и сюжетов, которые ранее считались запретными — как в рамках мусульманской культурно-религиозной традиции, так и по причине политических ограничений свободы слова. Среди этих тем и сюжетов — интимные отношения между полами, нетрадиционная сексуальная ориентация, сомнения в справедливости некоторых религиозных принципов, неприятие архаичных общественных устоев и пропаганда западного образа жизни, критика деятельности мусульманского духовенства и правящих политических режимов и т. п.

Широкий читательский интерес к подобным произведениям, часто воспринимаемым как слово откровения, принес известность не одному арабскому автору — причем не только в арабском мире, но и на Западе, поскольку многие из этих произведений были переведены на европейские языки. Можно упомянуть здесь такие повести и романы, как «Дизель» (1994) эмиратца Сани ас-Сувейди, «Дом Якобьяна» (Имара Йа'кубийан, 2002) и «Чикаго» (2007) египтянина Аля аль-Асуани, «Горные челны» (Кавариб джабалийя, 2002) и «Страна без Неба» (Бияд бия Сама', 2008) йеменца Ваджди аль-Ахдаля, «Девушки Эр-Рияда» (Банат ар-Рияд, 2005) саудийки Раджа' ас-Сане', «Азазель» (Азазиль, 2008) египтянина Йусуфа Зейдана, «Ожерелье голубок» (Таук аль-хамам, 2010) саудийки Раджа' аль-Алем, но список этот слишком велик, чтобы продолжать перечисление.

Эта новая «откровенная» манера письма занимает в настоящее время важное место в исследованиях арабистов-литературоведов, о чем свидетельствуют, например, доклады, сделанные на конгрессах Ассоциации европейских исследователей современной арабской литературы (EURAMAL), проходивших под тематическими названиями «Желание, удовольствие и табу» (Рим, 2010) и «Литература и Арабская весна: анализ и перспективы» (Париж, 2012).

Популярность, которую подобные произведения принесли их авторам, и, конечно же, материальная отдача от этой популярности побуждают обращаться к этой «откровенной», «вызывающей» манере даже тех авторов, которые ранее в своих сочинениях были достаточно «целомудренными». Так, например, эмиратский писатель Али Абу-р-Риш, начинавший в 1980-е годы с романов фактически просветительского характера, в 2000-е годы стал смаковать сексуальные темы, а его роман

Суворов Михаил Николаевич — д-р филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: soumike@mail.ru

¹ Исследование выполнено при поддержке проекта «Сравнительные исследования парадигм художественно-литературных доминант стран Азии и Африки (диахронический аспект)» (Руководитель — А. В. Образцов, шифр 2.38.44.2011).

© М. Н. Суворов, 2013

«Триада любви, воды и земли» (Сулясийат аль-хубб ва-ль-ма' ва-т-тураб, 2007) критик Йасер Гариб на страницах одного интернет-ресурса назвал безвкусной непристойностью, лишенной малейшей художественной ценности. Это высказывание критика — вполне, на наш взгляд, справедливое — можно отнести и ко многим другим арабским сочинениям последних лет, авторы которых стремятся добиться известности, не всегда понимая, что есть откровение, а что — просто эпатаж.

С этой точки зрения мы рассмотрим здесь три йеменских романа, вышедших на рубеже двух первых десятилетий XXI в. Это «Красавчик-иудей» (аль-Йахуди аль-хали, 2009) Али аль-Мукри, «Покорные жены» (Акылят, 2009) Надии аль-Каукабани и «Красный манускрипт» (Мусхаф ахмар, 2010) Мухаммеда аль-Гарби Амрана.

Али аль-Мукри, известный в Йемене поэт, дебютировал в прозе романом «Черный вкус, черный запах» (Та'м асвад, ра'иха сауда, 2008), главную сюжетную линию которого составила «запретная» любовь подростка из социальной страты *кабаиль* к девушке из страты *мазайина*, более низкой по своему статусу². Любовь эта разворачивается на фоне жизни *ахдам*, представителей самой низкой в Йемене социальной страты, фактически йеменских «неприкасаемых». Хотя автор позиционировал свое сочинение как некое откровение о жизни несчастных *ахдам*, незаслуженно презираемых в обществе и совершенно игнорируемых правительством, стремление к эпатажу заставило его пренебречь правдоподобием описываемого. Бесконечное «смакование» отвратительных физиологических актов, сексуальных извращений и оргий, происходящих среди нечистот, — все это воспринимается как картина жизни полуживотных, а не людей, оправдывая, таким образом, осуждаемое самим же автором негативное отношение большинства йеменцев к представителям этой касты. Несмотря на это явное противоречие между авторским замыслом и содержанием романа, «Черный вкус, черный запах» вошел в число номинантов на присуждение премии за лучший арабский роман (учреждена в 2007 г.) — то ли из-за темы запретной любви, то ли из-за «откровений» относительно образа жизни «неприкасаемых».

Несомненно, под впечатлением этого успеха, год спустя аль-Мукри опубликовал «Красавчика-иудея», в котором продолжил тему «запретной» любви — на этот раз между юным йеменским иудеем и юной мусульманкой³.

Первая, наиболее объемная часть романа имеет вид мемуаров, написанных в XVII в. неким Салемом, уроженцем северойеменской Рейды. Салем начинает свою историю с рассказа о том, как он, юный иудей, полюбил Фатиму, дочь местного муфтия, в доме которого ему довелось производить столярные работы. Собственно любовные переживания Салема изображены здесь крайне схематично; гораздо откровеннее выглядит описание им своего первого сексуального опыта с иудейкой по имени Саба, о которой он говорит (в рукописи XVII в.): «Достаточно мне было представить ее округлые груди и сочную попку, как между бедер у меня происходило излияние» [2, р. 40]. Отношения Салема с Фатимой сводятся в этом повествовании к совершенно неправдоподобному для подростков XVII в. «интеллектуальному» общению: Салем учит Фатиму читать и писать на иврите, а она его — на арабском языке. Быстро освоив соответствующие письменности, молодые люди начинают обмениваться книгами, причем в библиотеке муфтия обнаруживаются рукописи сочинений таких средневековых арабо-мусульманских классиков, как Ибн Си-

² Об этом романе см.: [1].

³ Брак между мусульманкой и иудеем в исламе запрещен.

на, Ибн Хазм, аш-Шахрастани, Ибн аль-Кальби, Ибн аль-Араби, аль-Халладж, Абу Бакр ар-Рази, Ибн Аби Хаджала. Перечисляя названия сочинений этих классиков, аль-Мукри, очевидно, стремился придать «серьезность» собственному авторскому имиджу, который мог пострадать от обилия сексуально-физиологических сцен в его первом романе, однако не учел того факта, что бытование рукописной книги в XVII в. было гораздо более ограниченным, чем он попытался это изобразить. Здесь стоит отметить, что отражение материальных реалий XVII в. в романе практически отсутствует, а среди того немногого, что имеется, достаточно «ляпов»: в XVII в. йеменцы у аль-Мукри уже пьют чай [2, р. 16, 30], а на йеменском рынке предлагаются товары из Японии [2, р. 34].

«Интеллектуальное» общение Салема и Фатимы приводит, наконец, к тому, что они решают соединить свои судьбы. Поскольку мусульманка не может выйти замуж за иудея, автор выдумывает некую религиозно-правовую «лазейку», благодаря которой Фатима сама берет Салема себе в мужья — естественно, в тайне от окружающих, — и героини решают бежать в Сану, где у Салема имеются родственники. В Сане Салем находит своего дядю, юные героини останавливаются в его доме, и Салем начинает помогать дяде в его ремесленном производстве. Вскоре Фатима беременеет, затем рождает и в родах умирает. Во время похорон Салем сообщает родственникам, что его жена была мусульманкой. Это вызывает негодование всей иудейской общины, и Салема вместе с новорожденным изгоняют из дома. Пытаясь пристроить младенца в какую-нибудь семью, Салем повсюду терпит неудачу: его не хотят принимать ни мусульмане, ни иудеи. На этом заканчивается первая часть романа — единственная, в которой можно усмотреть черты художественности. Все последующие части представляют лишь конспективное изложение дальнейших событий.

Во второй части Салем встречает в Сане знакомого мусульманина из Рейды, который втайне от своей родни женился на Сабе — первой «подруге» Салема, и переехал с ней в Сану. У Сабы грудной ребенок, и она соглашается стать кормилицей для сына Салема. Муж Сабы отводит Салема к правителю Йемена имаму аль-Мутаваккилю, по настоянию которого Салем принимает ислам и берет себе новое имя — Абд аль-Хади.

В третьей части романа Абд аль-Хади, возраст которого приближается уже к шестидесяти годам, рассказывает о том, как служил у аль-Мутаваккиля придворным летописцем, сопровождал его армию в походах, а также написал книгу о гонениях, которым подверглись йеменские иудеи в эпоху правления этого имама.

Четвертая часть, стилизованная под историческую хронику, представляет собой как бы ту самую книгу, в которой Абд аль-Хади повествует о бедствиях иудеев во времена аль-Мутаваккиля.

В пятой части, обозначенной как приложение к вышеупомянутой книге, Абд аль-Хади рассказывает о том, как во время изгнания иудеев из Саны встретил своего сына, которого шестнадцатью годами ранее оставил младенцем у Сабы. Сын, оказывается, завязал любовные отношения со своей молочной сестрой, дочерью Сабы, и поскольку отец девушки не дал согласия на их брак, молодые люди решили бежать из Саны, примкнув к изгоняемым иудеям. Далее автор романа — опасаясь, очевидно, выглядеть совершенно безнравственным⁴ — устами юноши сообщает чи-

⁴ Брак между молочными братом и сестрой в исламе запрещен.

тателю, что в действительности влюбленные не были молочными братом и сестрой, поскольку мальчик в свое время отказался брать грудь Сабы, и его вскармливали коровьим молоком. Абд аль-Хади решает отправиться с сыном и его возлюбленной в ссылку на крайний юг Йемена, где он становится свидетелем страданий и массовой гибели иудеев от голода и невыносимого климата. Через некоторое время, впрочем, иудеям позволяют вернуться в Сану.

В последней части романа повествование ведется уже от имени внука главного героя, рассказывающего о мучениях своего отца, пытавшегося похоронить Абд аль-Хади рядом с Фатимой. Ни на мусульманском, ни на иудейском кладбище ему не позволили устроить для них общую могилу, и в конце концов, сложив останки обоих своих родителей в мешок, он ушел в неизвестном направлении. Говоря о сочинениях своего деда, внук Абд аль-Хади называет имена двух йеменских авторов, также описавших историю изгнания евреев из Саны, и читателю, таким образом, становится понятно, чьими трудами воспользовался аль-Мукри для написания романа.

Напоминающий плохую «мыльную оперу», изобилующий неправдоподобными деталями, полностью лишенный изображения как материальных реалий места и эпохи, так и внутреннего мира героев, роман стал продуктом уже использованной автором ранее примитивной стратегии: «возбудить» читателя разговором об «отверженных» — на этот раз об иудеях, и изображением «запретных» любовных связей, которых здесь уже несколько.

Надия аль-Каукабани, одна из наиболее известных в Йемене писательниц, многократно критиковала негативные стороны мусульманской семейно-брачной традиции — и в своих рассказах (три сборника), и в романе «Всего лишь любовь» (Хубб лаяса илля, 2006)⁵. Эта тема стала главной и в ее новом романе «Покорные жены», в предисловии к которому писательница говорит: «Я стремлюсь прийти к тому, что могло бы изменить многие вещи, лишаящие как женщин, так и мужчин права свободы выбора — в условиях нашего общественного сознания, мнящего себя божеством, а всех остальных — своими жалкими рабами» [4, р. 7].

Роман имеет своеобразную сюжетно-композиционную структуру. Героиня-повествователь, женщина средних лет по имени Рода, проводит ночь в доме своей школьной подруги Джуд. Утром она начинает читать личный дневник Джуд, который та специально оставила для нее перед уходом на работу. Дневник имеет заголовок *Акылят*, т. е. «Покорные жены», как узнает Рода, выяснив значение этого редкого в современном арабском языке слова при помощи электронной поисковой системы «Гугл». Стоит сразу сказать, что мысль об исключительном значении сети Интернет для современного человека, особенно человека творческого, звучит в романе неоднократно. Дневник Джуд представляет собой собрание историй — по большей части печальных — из жизни разных женщин, с которыми автору дневника, занимающей пост директора женской школы, довелось общаться. Как выясняется позже, Джуд решила ознакомить Роду с содержанием дневника для того, чтобы подруга, имеющая литературные способности, использовала эти материалы для написания рассказов или романа. Между тем Рода рассказывает о своей дружбе с Джуд, о несчастной любви Джуд, о собственном неудачном браке (она разведена, а две ее дочери и сын остались у бывшего мужа), о взаимоотношениях своих родителей, о том,

⁵ О ее творчестве см. [3, с. 247–248, 329–333].

как она приступила к написанию романа «Покорные жены». В ходе этого рассказа и далее большое внимание уделяется йеменским общественным нравам, культурным, социальным и политическим проблемам страны, что вообще характерно для авторской манеры Надии аль-Каукабани, очень близкой к публицистической. Затрагиваются такие темы, как экстрадиция йеменских иммигрантов из Саудовской Аравии в 1990 г. [4, р. 41], показная набожность многих йеменок, за которой скрываются их жизненные разочарования [4, р. 53–54], негативное отношение йеменцев к женскому образованию [4, р. 69], женскому творчеству [4, р. 84–86] и работающим женщинам [4, р. 94–95], роль мусульманских проповедников-мракобесов в сохранении женского бесправия [4, р. 70, 227], низкий уровень высшего образования в стране и нерадивость йеменских студентов, обучающихся за рубежом [4, р. 165–166], коррупция в сфере водопользования [4, р. 188] и землепользования [4, р. 261–262], возрождение южнойеменского сепаратизма в 2000-е годы [4, р. 270–271]. Интересно, что среди этих сюжетов есть и скандальные истории последних лет, получившие широкое освещение в прессе и сети Интернет, такие как арест в 2001 г. маньяка, прятавшего тела убитых им девушек в морге медицинского факультета университета Саны [4, р. 69–70], и история йеменской девочки Нуджуд, выданной замуж в восьмилетнем возрасте и беспрецедентным образом сумевшей добиться развода, благодаря чему в 2008 г. она вошла в мировой список десяти женщин, внесших наибольший вклад в дело социального прогресса [4, р. 132–133]. Интересно также, что в ходе своего рассказа Рода обсуждает прочитанный ею роман Надии аль-Каукабани «Всего лишь любовь» [4, р. 87–88], а Джуд в своем дневнике излагает содержание известного рассказа писательницы «Салют в ознаменование лишения невинности» (Ал‘аб нариййа ли-хтифаль фадд бикара), переведенного на ряд европейских языков [4, р. 127–132].

Очень колоритным и типичным для Йемена предстает образ отца Роды, подобные образы можно встретить в произведениях и других йеменских писателей. До революции 1962 г. он служил личным осведомителем наместника имама и, пользуясь своим положением, обирал простых людей, во время революции с готовностью выдал новой власти ценности, принадлежащие прежним правителям, в боевых действиях гражданской войны участия не принимал, скрываясь в доме жены, а после их окончания сумел убедить руководство страны в своих «революционных заслугах», благодаря чему получил доступ к государственным постам и материальным ресурсам. Недовольный темой, которую Рода избрала для своего романа, он предлагает ей помочь ему писать мемуары о его революционной борьбе, на что получает решительный отказ.

За рассказом Роды о собственном жизненном опыте и жизненных наблюдениях следуют семнадцать женских историй, взятых из дневника Джуд, которые предвзвращаются эпиграфами — цитатами из сочинений йеменских писательниц и поэтесс. Здесь автор романа позволяет себе быть более критичной и откровенной — возможно, потому что повествователем здесь является не Рода, ассоциирующаяся у читателя с самой писательницей, а Джуд. Вот, например, мнение о роли некоторых мусульманских священнослужителей в сохранении диких общественных нравов:

«...Поэтому он позволил себе делать со мной то, что делал с того момента, как я перестала быть ребенком, то есть, когда у меня впервые начались менструации, которые в нашей стране означают, что я стала женщиной, пригодной для интимных отношений, — в полном соответствии с мнением имама одной из мечетей, который изложил свои взгляды в газе-

те, возражая против решения парламента запретить вступать в брак лицам, не достигшим семнадцатилетнего возраста [4, р. 227].

А вот как зачастую решается в Йемене вопрос бракосочетания:

Ей велели оставить школу и за месяц подготовиться к свадьбе. Что она и сделала. Двоюродный брат готов⁶. Вернулся с дипломом инженера из Америки. Заплатил за нее большой махр⁷, подготовил для нее роскошный дом. Ведь он, в конце концов, и прежде всего, ее двоюродный брат, который будет ценить ее и даст ей все необходимое, чего не стоит ожидать от чужого человека. Что же ей еще надо? Естественно, ничего! По их мнению, конечно же, ничего. Ведь ее посещение школы было просто развлечением, необходимым лишь для того, чтобы она не чувствовала себя белой вороной среди других девушек — соседок, подружек и знакомых [4, р. 151].

Вот, наконец, что говорится о поведении типичного йеменца в супружеской постели:

Мужчину, подруги мои, вообще не волнует, получила женщина от него удовольствие, или нет. Его не волнуют ее потребности, которые в действительности не отличаются от его потребностей, поскольку она состоит из такой же плоти, крови и желаний, как и он сам. Из священной триады, с которой мужчина считается лишь в той степени, какая его устраивает. И женщине, имеющей подобного мужчину, который, едва излив в нее свою жижу, замирает без дыхания на кровати, приходится бежать в ванную и, заперев за собой дверь, самостоятельно завершать то дело, которое должен был сделать он. При этом она должна подавлять в себе стоны удовольствия, чтобы он не услышал, как она удовлетворяет собственное желание, пытаясь одновременно соответствовать его представлению о том, что она холодна и даже в мыслях не держит измены, поскольку ее телу секс безразличен и не нужен [4, р. 179–180].

В отличие от многих описанных в дневнике Джуд типичных для Йемена персонажей и ситуаций, лишь желанием автора романа эпатировать читателя можно объяснить появление в этом дневнике персонажей, страдающих психическими расстройствами, случающимися у представителей любого общества, а не только йеменского. Это, например, муж, не выполнявший свой супружеский долг, поскольку был гомосексуалистом (в истории Н. Дж.). Это родственник-педофил, имам мечети педофил и муж сексуальный садист (в истории Н. Х.). Это муж, работавший за рубежом мальчиком по вызову и заразивший потом молодую жену СПИДом, отчего она покончила собой (история Н. С.). Это, наконец, отец, насилующий свою дочь на протяжении многих лет (история Н. Б.). Присутствие в романе этих извращений, нетипичных для обыденной жизни, способно породить у читателя примерно такое же отношение к роману, какое нормальный человек испытывает к «желтой прессе».

В заключительной части романа, где Рода рассказывает о том, как литературное творчество помогло ей преодолеть многолетнюю депрессию, и о публикации романа (уже и с описанием реального оформления обложки анализируемого нами романа!) в Ливане, довольно много внимания уделяется сопоставлению общественных нравов в Йемене и в странах Запада. Это связано с тем, что Рода знакомится со своими приехавшими в Йемен сводными братьями, чья мать-итальянка Катрин много лет назад сбежала от отца Роды с двумя детьми и увезла их в Италию. Отношение человека к работе, к своим общественным обязанностям, к государственной власти,

⁶ В Йемене традиционно принято выходить замуж за двоюродных братьев.

⁷ Махр — выкуп, который жених платит за невесту.

к другой человеческой личности — по всем этим параметрам сравнение оказывается не в пользу Йемена, что видно даже на примере «йеменских» и «итальянских» братьев Роды. Забавно, что один из «итальянских» братьев, проводя это сравнение, говорит о том, что жизнь людей в Италии в большей степени соответствует принципам ислама, чем жизнь людей в Йемене [4, р. 283–284]. Очевидно, писательница, искусственно наделяя выросшего в Италии и воспитанного матерью-христианкой молодого человека знанием принципов ислама, стремилась подчеркнуть свою приверженность исламским ценностям, в которой читатель уже готов был усомниться. И совершенно обескураживающей для читателя является радость Роды, писавшей об «ужасах» брака, заключаемого без предварительного близкого знакомства будущих супругов, когда она выдает одну свою дочь замуж за почти не знакомого ей «продвинутого» молодого йеменца, получившего образование в Америке и увлекающегося компьютером, а вторую дочь — за брата этого молодого человека, тоже получившего образование в Америке и, надо полагать, тоже «продвинутого». Конечно же, Рода (= Надия аль-Каукабани) не настолько наивна, чтобы полагать, что человек, получивший образование в Америке и увлекающийся компьютером, не может оказаться гомосексуалистом, педофилом, садистом, импотентом, негодяем и т. п. По всей видимости, писательница просто не смогла придумать, каким образом дочери Роды могли бы близко познакомиться с двумя молодыми людьми, не нарушив общественной нравственности и не опорочив тем самым честь Роды (= Надии аль-Каукабани). Тогда получается, что все изложенное в романе было продиктовано не осмысленным неприятием писательницей йеменских общественных нравов, а лишь ее стремлением сочинить своего рода триллер про йеменскую жизнь, призванный шокировать читателя.

Мухаммед аль-Гарби Амран, автор пяти сборников рассказов иронически-постмодернистского характера, задумал свой первый роман «Красный манускрипт» как реалистическую национальную эпопею, проливающую свет на некоторые темные стороны послереволюционной истории Йемена, о чем он сам говорил автору этих строк еще до публикации романа⁸. События, охватывающие в романе период с 1977 по 2006 г., излагаются в виде писем, которые йеменка средних лет по имени Сумбария пишет своему сыну Ханзале, уехавшему в 2000 г. на учебу в Ирак. Такой «эпистолярный» вид изложения был выбран автором явно неудачно, поскольку нигде в этих «письмах» не соблюдается естественный эпистолярный стиль: в них включены диалоги, а также «письма» (тоже со включенными в них диалогами), которые Сумбария получала ранее от своего двоюродного брата по имени Таб'а, ставшего ее неофициальным мужем и отцом Ханзали. В письмах сыну Сумбария рассказывает о своих текущих проблемах, а заодно излагает историю своих отношений с Таб'ой, которого Ханзала увидел впервые, когда прощался с матерью в аэропорту Саны.

История близких отношений двух главных героев, Сумбарии и Таб'ы, началась в 1977 г. в их родном северойеменском селении Хусн-Арфата, когда отец Таб'ы и дядя Сумбарии по имени Атви оказался в роли зачинщика конфликта между жителями селения и местным шейхом, который попытался завладеть землями своих подопечных, пользуясь их бедственным положением из-за случившейся в тот год засухи. Заступившийся за отца юный Таб'а оказался в тюрьме шейха, из которой бежал и неко-

⁸ О рассказах писателя см.: [3, с. 246–247, 268–276].

торое время скрывался в пещере в окрестных горах. Сюда, в пещеру, юная Сумбария носила ему пищу, и здесь родилось их взаимное чувство. Когда люди шейха, взявшие Сумбария под наблюдение, вышли на след Таб'ы, ему пришлось покинуть окрестности селения, и с этого момента начались его скитания.

После непродолжительного бродяжничества в компании профессионального чтеца Корана Таб'а вступает в ряды Национально-демократического фронта (НДФ) — тайной оппозиционной организации левого толка, которая при поддержке правительства Южного Йемена в 1970-х — начале 1980-х годов вела вооруженную борьбу против консервативно-традиционалистского правительства Северного Йемена и прочих консервативных сил в стране. Все дальнейшее повествование, связанное с Таб'ой и ведущееся от его же имени (в его «письмах»), представляет собой описание действий НДФ, вплоть до уничтожения этой организации в 1982 г. В этом описании, впрочем, документальная сторона явно преобладает над художественной, а его нейтральная, «тезисная» тональность явно не соответствует манере повествования реального участника событий. Лишь несколько эпизодов здесь звучат как действительные впечатления очевидца, например, пребывание героя в лагере подготовки бойцов НДФ на территории Южного Йемена.

После остановленной экспансии сил НДФ в 1979 г. и урегулирования конфликта между двумя йеменскими государствами Таб'а возвращается в окрестности родного селения, где тайно встречается с Сумбарией, но вновь бежит, преследуемый людьми шейха. Атви отправляет Сумбария вместе с матерью в Сану, поскольку для шейха она уже стала «бельмом на глазу». В Сане Сумбария вступает в контакт с девушкой по имени Хумейна, работающей в обслуге постоянного двора и являющейся членом НДФ. Хумейна знакомит ее с человеком по имени Фидель, который снимает для Сумбарии и ее матери частный дом — как позже выясняется, по просьбе Таб'ы. Однажды Хумейна устраивает для Сумбарии тайную встречу с Таб'ой — ночью в виноградниках в пригороде Саны, где и происходит зачатие Ханзали. Эта интимная встреча описана автором с нарочитой откровенностью, и соответствующий фрагмент вынесен издателем на заднюю обложку романа.

Пока Сумбария занимается воспитанием родившегося ребенка, параллельно помогая Хумейне в ее подпольной деятельности (каким именно образом — автор не объясняет), Таб'а продолжает участвовать в акциях ячеек НДФ, среди которых убийство шейха Хусн-Арфаты, а также подготовка покушения на президента Северного Йемена. Вот что говорится об этих акциях НДФ:

Одни ячейки использовали заброшенные колодцы, куда они сбрасывали тех, кто считался врагом. Другие предпочитали высокие утесы, с которых они сталкивали вниз людей, притеснявших земледельцев, и над их трупами потом долго кружили орлы. Некоторые ячейки умело устраивали засады на дорогах, в частных домах и общественных местах. Все эти операции всегда проводились на рассвете. Были также ячейки, специализировавшиеся на установке противопехотных мин с целью уничтожения представителей власти. Что же касается огнестрельного оружия, то его в этих операциях по ликвидации использовали редко [5, p. 195].

С началом же 1982 г. деятельность НДФ резко идет на спад по причине изменения политики Южного Йемена в отношении Севера, обусловленного изменением расстановки сил внутри южнойеменского правительства. Фактическое предательство южнойеменскими властями своих соратников в НДФ позволяет северойемен-

ским спецслужбам за короткий срок физически уничтожить большую часть функционеров этой организации. Вот как описывает это автор устами Сумбарии:

Спецслужбы и их сообщники начали широкую кампанию по выявлению и уничтожению законспирированных ячеек Национально-демократического фронта. Внезапно исчез товарищ Фидель. Как-то утром в пятницу его труп обнаружился плавающим на поверхности одного из отстойников в окрестностях Саны. Некоторые другие товарищи также исчезли при загадочных обстоятельствах. Каждое утро людям приходилось видеть трупы, брошенные на окраинах городов. И снова исчезали люди, чьи тела потом находили где-нибудь в другом городе» [5, p. 279].

В ходе этой кампании мученически погибает Хумейна, а Таб'а уже не появляется в Северном Йемене, войдя в близкое окружение Абд аль-Фаттах Исмаила, одного из южнойеменских лидеров. Связь его с Сумбарией прерывается на долгие годы. Впрочем, ей известно от дяди, что вместе с Абд аль-Фаттахом Таб'а долгое время жил в Москве, затем участвовал в южнойеменской гражданской войне 1986 г. Не возвращается Таб'а и после объединения Йемена в 1990 г.

Вновь Таб'а появляется в Санае лишь в 2000 г.: он приходит в аэропорт, где Сумбария прощается с улетающим в Ирак Ханзалею. С этого момента начинается та часть повествования, которая в письмах Сумбарии предстает как текущие обстоятельства ее жизни. В сюжетно-стилистическом отношении эта часть кардинально отличается от предыдущей: это уже не реалистическая эпопея, а скорее приключенческий детектив. Вскоре после отъезда Ханзали в Ирак бесследно исчезает престарелый Атви, вновь вовлеченный в «земельную» тяжбу жителей Хусн-'Арфаты с ее новым шейхом, сыном предыдущего. Сумбарии подсказывают, что дядя, вероятно, содержится в одной из тайных тюрем Саны, и она начинает его поиски. Она обращается за помощью к матушке Фатмине, жене одного из влиятельных шейхов, и в ее доме случайно обнаруживает «следы» пребывания Атви в Санае, а именно листы, вырванные из принадлежащего Атви «красного» манускрипта, в котором его предками были собраны вместе священные тексты всех авраамических религий. Эти листы выводят Сумбарию на Большую санаанскую мечеть, в тайных помещениях которой, как она полагает, и содержится Атви. Далее следуют ее попытки обследовать мечеть, изображенные автором романа в духе дешевого «готического» детектива. Здесь и переодевания в мужчину, и зловещий одноногий служитель, и хранилище вещей «замученных жертв», и страшный подвал с обгоревшими костями, и т. п. В итоге Сумбарии удается выяснить у «зловещего» служителя, что Атви действительно привозили в мечеть неизвестные люди — на тайное заседание религиозной комиссии, определяющей степень ереси подозреваемых в таковой. Причиной подозрений в случае Атви как раз и стал его «красный» манускрипт. После того, как Атви изложил комиссии свои пантеистические убеждения, его отправили в одну из санаанских тюрем, изъяз из его манускрипта некоторые фрагменты.

Тем временем из Ирака неожиданно возвращается Ханзала, который по неизвестной причине ни разу не ответил на материнские письма и которого Сумбария уже считала погибшим в войне 2003 г. Сразу же выясняется, что Ханзала стал убежденным фундаменталистом; он начинает угнетать мать, указывая ей, как она должна себя вести, как одеваться, с кем общаться и т. п. Жизнь ее с сыном становится невыносимой, пока, наконец, он вдруг не исчезает — так же неожиданно, как и появился после шестилетней разлуки. Завершается роман тем, что Атви выпускают из тюрь-

мы — благодаря деятельности одной из иностранных правозащитных организаций, Таб'а появляется на телеэкране в роли лидера некой вновь созданной марионеточной партии, а имя Ханзали фигурирует в списке разыскиваемых террористов.

Тот факт, что вооруженная борьба НДФ против консервативных сил Северного Йемена до появления этого романа практически не была отражена в национальной литературе, обусловлен чрезвычайной «болезненностью» этой темы для всех йеменцев — особенно после объединения двух частей страны, когда идеологи двух сторон конфликта оказались гражданами одного государства и даже членами одного правительства. Мухаммед аль-Гарби Амран впервые показал весь масштаб и всю противоречивость этого конфликта, зверства обеих сторон, предательство руководством Южного Йемена своих североеменских соратников. Одного этого хватило бы для приобретения романом известности, хотя в нем затрагивается еще масса «острых» для Йемена тем, связанных с существованием тайных тюрем в йеменской столице, с «аденской бойней» 1986 г., с йеменской гражданской войной 1994 г., с войной в Ираке, с ростом исламского фундаментализма и терроризмом.

Однако писатель, очевидно, решил, что без сексуальной темы роман не сможет выйти на уровень, требуемый для широкого признания. Так появилась пара глав, в которых юный Таб'а бродяжничает в компании профессионального чтеца Корана, донимающего по ночам подростка проявлениями нежности к его половому члену. Накануне своего вступления в отряд НДФ Таб'а узнает причину такого поведения своего спутника: половой член чтеца Корана был кем-то отрублен. Читатель, естественно, ожидает узнать тайну этого увечья, однако речь об этом в романе больше не заходит, хотя сам чтец Корана появляется в романе еще раз в связи с поисками Сумбарией своего дяди. Фактически этот персонаж в романе понадобился автору лишь для изображения «эротических», если их можно так назвать, сцен.

Целая сюжетная линия — отношения Сумбарии с матушкой Фатминой — появилась в романе, по-видимому, лишь из-за желания автора показать сцены лесбийских отношений, в том числе лесбийских оргий. Жена влиятельного шейха, так и не сумевшая оказать Сумбарии реальной помощи в поисках дяди, приглашает ее в одну из санаанских бань, где выясняется, что эта пожилая дама является лидером целой компании лесбиянок, устраивающих оргии в банях. В ходе оргии, которую автор описывает с возбуждающим натурализмом, сорокалетняя Сумбария с удивлением обнаруживает в себе сильнейшую лесбийскую склонность и становится любовницей Шахнамы, служанки матушки Фатмины. Их любовные отношения продолжают развиваться до тех пор, пока вернувшийся из Ирака Ханзала не изгоняет Шахнаму из дома матери. Есть в романе и другие вызывающие сцены, связанные с человеческим телом, например, проверка на девственность народным способом, которую устраивают Сумбарии старшие односельчанки после повторного бегства Таб'ы из селения.

Все эти побочные сюжетные линии и эпизоды, введенные автором лишь для того, чтобы эпатировать читателя, в конечном счете сделали сюжет этого и без того «многостильного» романа весьма «рыхлым», существенно снизив тем самым его художественную ценность.

В завершение этого анализа трех новых йеменских романов следует сказать, что сочиняя подобные вещи, писатели, конечно, всегда рискуют. Ваджди аль-Ахдаль, один из самых популярных ныне йеменских писателей, имеющий на сегодняшний

день уже три романа, переведенных на европейские языки, после выхода своего первого романа в Йемене был вынужден бежать из страны, спасаясь от преследования со стороны властей и исламистов (об этом см.: [6]). После заступничества за него известного немецкого писателя Гюнтера Грасса, обратившегося напрямую к президенту Йемена, аль-Ахдаль смог вернуться, однако до сих пор с ним происходят разные неприятные вещи, явно спровоцированные властями. Мухаммед аль-Гарби Амран сразу после публикации «Красного манускрипта» был снят с должности вице-мэра йеменской столицы без какого-либо объяснения причин. Подобные вещи, происходившие с писателями из других арабских стран, также широко известны. И тем не менее, стремление к общеарабскому признанию, а еще лучше — к признанию на Западе, заставляет писателей демонстрировать свою «раскрепощенность» — как мы увидели — не всегда лучшим образом, и не всегда истинную.

Литература

1. Суворов М. Н. «Большая» проза Йемена во второй половине первого десятилетия XXI века // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2010. Вып. 4. С. 83–91.
2. *al-Muqrī, 'Alī. Al-Yahūdī al-ḥālī*. Beirut, 2009. 149 p.
3. Суворов М. Н. Художественная проза Йемена (1940 — середина 2000-х годов). СПб., 2010. 359 с.
4. *al-Kawkabānī, Nādiya. 'Aqīlāt*. Sanaa, 2009. 307 p.
5. *'Amrān, Muḥammad al-Gḥarbī. Muṣḥaf aḥmar*. Beirut, 2010. 348 p.
6. Суворов М. Н. Постмодернистские романы-пародии йеменского писателя Ваджди аль-Ахдаля // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. 2010. Вып. 3. С. 289–296.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2013 г.

П. С. Тептюк

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КЛАССИЧЕСКОЙ МАКАМЫ

Изучая позднесредневековые макамы на примере сборника макам ал-'Аббаса (рукопись В 66, датированная приблизительно XVI в., из фонда ИВР РАН [1, ч. 1, с. 18–19; ч. 2, с. 201–202]¹), я столкнулся с тем, что не только научно-популярная литература о макамах, но даже самые авторитетные специализированные исследования, посвященные средневековой и современной арабской литературе, не дают полного представления о развитии жанра макамы в целом. До конца не определенными остаются отличия макамы от других классических жанров арабской литературы и причины столь сильной дифференциации макам классических авторов и их постклассических последователей.

Большинство исследователей, давая определение классической макамы, приводят ее самые явные особенности (изящность стиля изложения, рифмованная ритмизованная проза, стихи, два постоянных героя), однако, по сути, они характерны и для некоторых других арабских жанров, а значит, не могут считаться различительными в полной мере. При этом другие важные для характеристики макамы элементы если и называются, то без должного акцентирования на них внимания и необходимых пояснений.

В арабистике существует кажущееся ясным представление об основополагающих идеях классической макамы, которое препятствует установлению верной оценки роли этого жанра в истории развития арабской литературы и приводит к тому, что западные ученые не вполне обоснованно сравнивают жанр макамы с европейской плутовской новеллой².

Более тщательный анализ элементов классической макамы позволит:

- а) Выявить ее первостепенные отличия от других жанров;
- б) Определить *все* принципы, на которых она была основана, а значит, составить *более полное* представление об истории ее сложения;
- в) понять причину, по которой точка наивысшего расцвета канона макамы, по мнению западных исследователей, обозначила и начало его упадка, проявившегося в творчестве позднейших макамных авторов.

По предлагаемой мной условной историко-литературной классификации макам, помимо классических макам (только ал-Хамазани и ал-Харйри, X–XI век)³, следует выделять макамы постклассические (т. е. написанные после XI и по XIX в. включительно) и современные (т. е. написанные после XIX в.).

Тептюк Павел Сергеевич — аспирант, Институт восточных рукописей РАН, Сектор Ближнего и Среднего Востока; e-mail: sunhealth@yandex.ru

¹ Также см. [2].

² А. Мец, Х. Гибб, Х. Вернет, Дж. Монроу и др.

³ Следует отметить, что в двух последних категориях в виде исключения встречаются макамы и даже целые сборники, которые в принципе можно отнести к классическим, например, тот же сборник ал-'Аббаса XVI в.

© П. С. Тептюк, 2013

Постклассические макамы в первую очередь отличают качественные изменения на содержательном уровне — частичное или полное отсутствие в них типичных для классических макамов элементов (далее эти элементы будут представлены в порядке возрастания их «неустойчивости» в постклассических и современных макамах), а также их риторическая направленность с преобладающей в сюжете дидактикой. Макамы, принадлежащие к этой категории, наиболее многочисленны и вместе с тем наименее изучены, особенно это касается макамов позднего средневековья (XV–XVI вв.). Авторы макамов, писавшие после ал-Хамазани и ал-Харйри, за небольшим исключением, обучая, забудут о развлечении читателя, отчего жанр станет в высшей степени серьезным и неограниченным по своей тематике. Подобное изменение произошло, вероятно, по нескольким причинам.

Во-первых, постклассические авторы⁴ не восприняли развлекательный элемент в макамах ал-Хамазани и ал-Харйри в качестве одной из основополагающих черт жанра, делавшей его столь привлекательным и неординарным для среды образованных современников.

Во-вторых, умение сочетать в украшенном риторическими фигурами тексте житейскую дидактику с развлекательностью сюжета требует большого таланта, который, по-видимому, не проявился ни у одного из позднейших авторов в той же степени что и у классиков жанра.

И, наконец, в-третьих, что самое существенное, — недостойное поведение главного героя ал-Харйри и его порой чрезмерно вольнодумные высказывания⁵ шли в разрез с мусульманской моралью, отчего их воспроизведение в манере ал-Харйри было нежелательным для позднейших авторов. Пожалуй, именно это стало непреодолимым препятствием для развития канона, лишив классическую макаму ее двух первостепенных идей, а именно:

а) Низкого в социальном и моральном плане объекта повествования, помещенного в контекст образовательной литературы адаба — уличный плут становится героем образовательной (адабной) литературы (плутовство — дидактика);

б) Образованного главного героя, сочетающего красноречие с вульгарным-аморальным поведением (образованность — порок).

Общеизвестно, что классическую макаму, а это сборники Абӯ-л-Фадла ал-Хамазани (969–1007) и Абӯ Мухаммада ал-Харйри (1054–1122), отличает наличие следующих обязательных элементов:

- 1) текст, написанный рифмованной ритмизованной прозой (садж'ем);
- 2) произнесение стихов центральными персонажами;
- 3) риторический или плутовский сюжет;
- 4) традиционная вводная формула в начале каждой макамы, в которой называется имя повествователя, а иногда и имя главного героя⁶;
- 5) обязательное наличие двух вымышленных и постоянных (если речь идет о сборнике макамов) персонажей — повествователя и красноречивого главного героя.

Четвертый элемент из этого списка нуждается в пояснении. Дело в том, что некоторые исследователи макамов придерживаются мнения, что форма традиционной

⁴ То есть все авторы до XIX века, писавшие макамы после ал-Хамазани и ал-Харйри.

⁵ Это касается макамов с плутовским сюжетом (всего 35 в сборнике [3, с. 35]).

⁶ Например, «Харамийская» макама (№ 48) у ал-Харйри [4, с. 181] и все макамы, за исключением одной (№ 2), у ал-Аббаса.

вводной фразы в макамах имитирует *исна́д*⁷, однако такое суждение неверно по двум причинам. Во-первых, *исна́дом* в науке о хадисах⁸ называют цепь передатчиков высказываний пророка Мухаммада и его сподвижников, подтверждающих своим авторитетом достоверность предания (*хадйса*). В макаме мы имеем дело с *вымышленными* событиями и персонажами, которые по своей природе не нуждаются в верификации⁹. Во-вторых, в макамах речь идет о постоянных персонажах историй, поведенных *одним из ее участников*, что уже никак нельзя назвать «цепью передатчиков»: у ал-Хамазāни — «Рассказывал нам ‘Йса ибн Хишām. Он сказал...»; у ал-Харйри — «Рассказывал ал-Хāрис ибн Хаммām ...»; у ал-‘Аббāса — «Рассказывал Абū-л-Хайр ибн ал-Хāрис, среди того, что он поведал о Абū-л-Фадле ибн ал-Вāрисе. Он сказал...».

Таким образом, вводная формула в начале классических макам выполняет единственную функцию — позволяет автору вести рассказ от имени повествователя (т. е. от первого лица) и при этом самому дистанцироваться от повествования, что, при наличии вымысла в тексте, является типичным признаком художественного литературы.

Еще одной особенностью классических макам, на которую хотелось бы обратить внимание, является особое сочетание прозы и стихотворных элементов при свободе художественного вымысла.

В арабских макамах могут быть задействованы три принципа организации художественного текста, выполняющих разные функции:

1) *садж’* как форма изложения, типичная для ближневосточной литературы (рифмованная ритмизованная проза);

2) стихотворная форма;

3) прозаическая форма, известная западной литературе (нерифмованная проза).

Перечисляя наиболее типичные черты макамного жанра, исследователи непременно упоминают *садж’* и стихи, но, как правило, упускают из вида встречающиеся в нем нерифмованные прозаические элементы, также играющие важную роль в повествовании. По всей видимости, это связано с тем, что отрезки нерифмованной прозы, встречающиеся в макамах, на первый взгляд воспринимаются лишь как неестественно «разросшиеся» элементы *садж’а*. Такое впечатление создается от того, что слог нерифмованной прозы макам, окруженной *садж’ем*, представляется изысканней, чем слог обычной литературной прозы.

Сюжет каждой макамы может содержать от одного до трех смысловых эпизодов (написанных *садж’ем* со стихотворными вставками), количество которых зависит от типа макамы. Связующим звеном между этими эпизодами могут являться короткие прозаические фрагменты, совершенно не рифмующиеся с окружающим текстом.

Например, у ал-‘Аббāса¹⁰:

«ثم ناولوني رقعة مكتوبا فيها» (В 66, л. 4а: 13)¹¹.

«و أوردت عليه الأجوبة الرائجة و الكاسدة في تفسير قوله تعالى» (В 66, л. 5а: 4–5).

⁷ См., напр.: [5, с. 46–48, 340; 6, с. 59].

⁸ В более широком смысле, *исна́д* означает «установившуюся в арабской исторической традиции стереотипную форму ссылок на цепь передатчиков того или иного сообщения: “Рассказал мне такой-то, он сказал: рассказал мне такой-то, он сказал...” и т. д., вплоть до первоисточника, то есть участника или очевидца события — его рассказ передается уже от первого лица» [7, с. 14].

⁹ Например, ал-Харйри сам сообщает об этом в предисловии к своему сборнику [3, с. 24; 8, с. 16].

¹⁰ См. также, например, у ал-Хамазāни «Стихотворческую макаму» (№ 1); у ал-Харйри — «Хульванскую» (№ 2).

¹¹ Здесь дается ссылка на номер листа и строки в рукописи В 66 из ИВР РАН.

Кроме того, нерифмованная проза ускоряет переход действия от одного смыслового эпизода к последующему, представляющему, с точки зрения автора, еще больший интерес, что особенно хорошо просматривается в макамах ал-Хамазанī. Такой эффект достигается за счет естественного психологического напряжения, возникающего в сознании читателя от контраста при переходе от бегло воспринимаемой рифмованной прозы, составляющей основной текст, к прозе нерифмованной. То есть чередование рифмованной и нерифмованной прозы служит в качестве сюжетного движителя и обозначает переход к более значимым для повествования моментам.

С точки зрения формы одним из неизменных атрибутов макамы является использование в ней рифмованной ритмизованной прозы (садж'а), дополняемой в различной степени стихами. Это объясняется тем, что садж', менее всего предназначенный для использования простой лексики, импонировал авторам макама, стремящимся к демонстрации своего словесного мастерства. Садж' — это проза не просто рифмованная, но и ритмизованная, за счёт чего именно и проявляется её упорядочивающий эффект в тексте.

В классических макамах, встречаются все пять разновидностей садж'а (особого принципа организации рифмующихся отрезков (қарйна)), известных арабской и персидской литературе, которые в отечественной арабистике еще мало изучены:

1. Садж' мутавазй (параллельный садж') — слова совпадают по конечной корневой букве (раўй), метру (вазн) и рифме (қафийа). По своим особенностям, этот вид наиболее близок к стихотворной рифме: «فيها سرر مرفوعة و أكواب موضوعة» (88: 13–14)¹².

2. Садж' муғарраф (концевой садж') — слова совпадают по конечной корневой букве, но различаются метром и рифмой: «ما لكم لا ترجون لله وقارًا وقد خلقكم أطوارًا» (71: 13–14).

3. Садж' мутавазин (метрический, садж') — слова совпадают только по метру и рифме: «و النازعات غرقًا و الناشطات نشطًا و السابحات سبحًا و السابقات سبقًا» (79: 1–4).

4. Садж' мураҗса' (унизанный садж') — слова совпадают по метру и конечной букве, но различаются по рифме: «إن إلينا إيابهم ثم إن علينا حسابهم» (88: 25–26).

5. Садж' мутамазил (схожий садж') — слова совпадают по метру, но различаются по конечной букве и рифме: «و أتيناها الكتاب المستبين و هديناهما الصراط المستقيم» (37: 117–118).

У авторов-классиков и некоторых их последователей (например, у того же ал-'Аббаса) особенность садж'а заключается в темперированном порядке рифмообразующих элементов, создающем своеобразную мелодику текста при его чтении, а также в стремлении к «уравновешиванию» этих отрезков по количеству слов. В макамах большинства позднейших авторов (особенно современных) этот принцип не выдерживается, а их садж', как правило, представляет собой однотипное повторение слов с рифмующимися окончаниями (садж' мутавазй, реже муғарраф).

Стихи в классических макамах могут служить в качестве продолжения рифмованной прозы, украшенного дополнительными синтаксическими средствами выразительности (характерно для макама ал-'Аббаса) — в этом случае в них описываются те же самые события и обстоятельства, о которых читатель узнаёт ранее из прозаической части текста.

Цитирование поэзии в прозе свойственно многим жанрам арабской литературы и встречается в ней еще с доисламских времен (например, племенные преда-

¹² Здесь и далее в перечне даны ссылки на Коран.

ния «Аййām ал-‘араб», собранные и записанные Абū ‘Убайдой (728–825)¹³). В связи с этим невозможно провести четкое разграничение прозы (где господствовал принцип исторической достоверности) и поэзии (где допускался вымысел). То есть принципы отношения литературы к реальности были на стороне прозы, а вымысел, характерный для «высоких» и «низких» жанров поэзии (восхваления (мадх) и его антипод — поношения (хиджā’)), был обусловлен практической необходимостью¹⁴.

В данном случае отличием макама от других жанров является *чередование* поэтических отрывков с садж’ем в *художественном тексте*, когда информация, приводимая в рифмованной прозе, может быть продублирована в не менее изящной стихотворной форме. При этом авторы макама отходят от принципа исторической достоверности как в поэзии, так и в прозе. Отсюда возникает свобода в вымысле персонажей и сюжетов макама, нередко приобретающих авантюрно-приключенческий характер. Сюжеты некоторых макама могут быть и вовсе сказочно-фантастическими (см. у ал-‘Аббāса макаму «О жадности и довольстве малым», № 20) — в этом случае в них заметно влияние народной литературы (фольклора и сказок — например, сборника «1001 ночь»), в которой, как и в вышеуказанных жанрах поэзии, всегда имеет место вымысел.

Можно назвать несколько причин, обусловивших популярность классической макамы:

а) В первую очередь, это свобода вымысла в сюжете, необремененная установкой на историческую достоверность, которая позволила авторам без последствий излагать собственные мысли под личиной вымышленных героев, а также демонстрировать собственные лексикографические познания.

б) Разнообразие жанровой специфики макамы, т.е. наличие в ней элементов из других арабских жанров, которое предоставило авторам значительную свободу при выборе литературных сюжетов для своих сочинений;

в) Сочетание изложения в *высоком* стиле историй о проделках образованных мошенников, на наш взгляд, стало одной из важнейших составляющих успеха жанра макамы, несмотря на то, что, как утверждает К. Брокельман, «противоречие между внешним видом персонажей и их красноречием распространенное явление в литературе адаба» [11, с. 108].

Получив наилучшее воплощение в творчестве ал-‘Харйрй, это сочетание вкупе с вышеперечисленными особенностями, позволило макаме к началу XII в. приобрести статус одного из центральных жанров в арабской литературе¹⁵.

Литература

1. Арабские рукописи Института Востоковедения. Краткий каталог / под ред. А. Б. Халидова, Ч. 1–2. М.: Наука: ГРВЛ, 1986. 527, 336 с.
2. *Тептюк П. С.* Две рукописи макама ал-‘Аббāса (XVI век) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. 2012. Вып. 2. С. 85–89.
3. *Долиннина А. А.* Арабески: Избранные научные статьи. СПб.: Нестор–История, 2010. 444 с.

¹³ См. предисловие к «Аравийской старине» [9, с. 9].

¹⁴ О концепции правды и вымысла в арабской литературе см.: [10, с. 24–44].

¹⁵ На момент своего зарождения (X в.) макамы считались особым развлечением лишь для небольшого (относительно всего арабоязычного населения халифата) круга знатоков изящной словесности благодаря своему усложненному языку и филологическим изыскам.

4. *ал-Харири*, Абу Мухаммед ал-Касим. Макамы: арабские средневековые плутовские новеллы / пер. В. М. Борисова, А. А. Долининой, В. Н. Кирипиченко. М.: Наука, 1978. 220 с.
5. *Hämeen-Anttila J.* Maqama: a History of a Genre. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002. 502 p.
6. *Парижский С. Г.* Соотношение поэзии и прозы в макамах на иврите XII–XIII вв.: дис. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2011. 176 с.
7. *ал-Хамазани* Бади' аз-Заман. Макамы / пер. с араб. А. А. Долининой, З. М. Ауэзовой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 228 с.
8. *ал-Харири* Абу Мухаммед аль-Касим. Макамы / пер. с араб. В. М. Борисова, А. А. Долининой, В. Н. Кирипиченко. М.: Наука, 1987. 267 с.
9. Аравийская старина. Из древней арабской поэзии и прозы / пер. с араб. А. А. Долининой и Вл. В. Полосина; отв. ред. Б. Я. Шидфар. М.: Наука, 1983. 142 с.
10. *Демидчик В. П.* Мир чудес в арабской литературе XIII–XIV вв.: Закария ал-Казвини и жанр мирабиллий. М.: Восточная литература, 2004. 277 с.
11. *Brockelmann C., Pellat Ch.* Maqāma / Encyclopaedia of Islam Vol. VI. Leiden: E. J. Brill, 1986. P. 107–115.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2013 г.

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

УДК 94(5)

А. З. Карташян

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МИЛЛЕТОВ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

На Ближнем Востоке, известном своей полиэтничностью и поликонфессиональностью, часто возникают острые конфликты на национальной и религиозной почве. Разработанные модели и методы разрешения конфликтов иногда оправдывают поставленные перед собой задачи, а иногда не дают никаких результатов. Учитывая сложившуюся политическую ситуацию, для более продуктивной разработки моделей нужно изучать системы, которые применялись при управлении многонациональным и многоконфессиональным регионом в исторической ретроспективе.

В Османской империи, которая в том числе частично охватывала и территорию Ближнего Востока, как в типичном исламском государстве, исходя из традиционных отношений *зимми*¹, в первой половине XV в. применялась система миллетов², чтобы

Карташян Анаит Завеновна — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: anahitkartashyan@yahoo.com

¹ Известно, что согласно исламской традиции, мир делится на две части — «территория ислама» (*дар ал-ислам*) и «территория войны» (*дар ал-харб*). Те территории, которые находились под контролем мусульман, считались *дар ал-ислам*, а остальные территории — *дар ал-харб*. В *дар ал-исламе* жизнь иноверцев регулировалась тремя договорами. *Аман* (أمان) — гарантия безопасности, которую мусульманин дает врагу, обычно немусульманину [1, с. 20]. *Сулх* (صلح) — мирный договор, заключавшийся мусульманами с жителями завоеванных областей: условия договора, заключенного с городом, касались всей страны или подчиненной городу округи. Обычно упоминается гарантия неприкосновенности жизни и имущества, сохранности церквей и городских стен при условии соблюдения обязательств уплаты джизии или хараджа, помощи мусульманам в военных действиях, предоставления им ночлега и пропитания в течение трех дней [1, с. 213]. И *ахд* (عهد) — договор о защите, покровительстве. Ахд с иноверцами должен составляться так, чтобы по его условиям мусульмане не были вынуждены поступить чем-либо из религиозных заповедей и не оказались бы во власти иноверцев. Так, один из древнейших видов политического договора — подчинение и защита (*ахд аз-зимма*) — может быть заключен только между мусульманами как стороной защищающей и христианами или другими иноверцами как стороной подчиняющейся (*ахл аз-зимма*) [1, с. 26–27].

² Слово миллет — millet (в арабском millah — ملة) в Коране встречается пятнадцать раз и означает религию, религиозное общество, вероисповедание, конфессию. А в современном персидском и турецком языках оно означает народ, нацию. В османском языке это слово стало термином, который обозначал религиозные общества Османской империи (православные греки, армяне, евреи) [2, p. 81]. (Подробнее см. так же: [3, p. 69–74].)

© А. З. Карташян, 2013

укрепить и сохранить стабильность многонациональной и многоконфессиональной империи. Система миллетов была создана не османскими правителями. Подобные обособленные этнорелигиозные общины существовали задолго до них в различных странах³.

Н. А. Иванов, рассматривая социально-политическую историю развития системы миллетов, подчеркивает, что она имеет восточную природу, ее культурно-исторические корни очень глубоки и восходят к древневосточному идеалу «Священного царства» — теократического «варианта макросоциума» [5, с. 322].

Османы часто принимали систему правления покоренных народов. К. Абу Джабер отмечает, что «в 1453 г. после завоевания Константинополя Мехмед II одобрил существование миллетной системы, считая ее целесообразной. Османы, будучи воинственным народом, не имели времени и желания вмешиваться во внутренние и личные дела неверных, к которым относились как к людям низшей расы» [6, р. 212].

Говоря об отношении султанов к немусульманским подданным, архиепископ М. Орманян⁴ писал: «Османское законодательство было полностью религиозным, или исламским, и все индивидуальные, социальные и повседневные права были детерминированы исключительно принципами исламской религии. После завоевания исламскими государствами христианских стран эти государства должны были следовать одному из двух принципов — или насильственно навязывать свою религию завоеванным народам, или, второе, дать им возможность самоуправления и особого бытового положения» [8, с. 2151].

В период правления султана Мехмеда II (1444–1446 гг., 1451–1481 гг.) официально были разрешены греко-православный (1453), армяно-апостольский (1461), иудейский⁵ немусульманские религиозные миллеты. До 1831 г., когда армяне-католики⁶ получили статус независимой общины, в Османской империи существовали только эти три миллета. 15 ноября 1850 г. по непосредственной инициативе послов западных держав официально была создана протестантская община. Хотя общине была дарованы привилегии и преимущества, она не имела статуса миллета [11, с. 178–179].

³ Византийские императоры позволили колониям иностранных коммерческих и религиозных общин обладать значительной степенью автономии в управлении собственными делами. Арабские халифы, приняв эту систему, не принуждали местных жителей завоеванных территорий принимать ислам при условии соблюдения ими установленных мусульманских законов и уплаты соответствующих налогов. Даже до арабов Сасаниды для управления христианскими общинами, живущими на их территории, использовали подобную систему [4, р. 90].

⁴ Известный армянский религиозный и общественно-политический деятель, арменовед, историк, философ, юрист, теолог и публицист архиепископ Магакия (в миру — Погос) Орманян имел ученые степени магистра философии, права и теологии, являлся членом Римской академии богословия. 6 (18) ноября 1896 г. М. Орманян был избран патриархом армян Константинополя. В этой должности он находился до 16 (28) июля 1908 г. Его перу принадлежит большое число трудов по истории армянской церкви, проблемам теологии, истории и культуры армянского народа. Среди них — трехтомник «Азгапатум», «Айапатум», «Бедствие турецких армян. Исторические документы», «Раздумья и заветы в последний период жизни», «Армянская церковь и ее история» [7].

⁵ И. Л. Фадеева пишет, что есть сведения, согласно которым иудейский миллет формально сложился к 1493 г. или даже позднее [9].

⁶ Отношение к католическому миллету не было однозначным. Об этом в «Тарих-и Джевдет» написано: «Патриархи — духовные лидеры армян и греков находятся в Османской империи, а католическая церковь подчиняется иностранному (чужому) духовному лидеру. В большинстве западных государств придерживаются этой веры. В восточных странах принадлежность небольшой общины подданных Османской империи чужой церкви считается политическим мятежом» [10, с. 159].

К 1914 г. в империи насчитывалось уже семнадцать независимых миллетов, каждый из которых находился под защитой иностранной державы. Система миллетов существовала до распада империи в годы Первой мировой войны [6, p. 214].

А. Д. Новичев систему миллетов характеризует как «вспомогательное орудие для того, чтобы держать в подчинении покоренное немусульманское население» [12, с. 72].

По сути система миллетов была религиозно-политической организацией, которая давала возможность немусульманским подданным регулировать проблемы внутри сообщества при условии признания верховной власти султана и уплаты подушной подати. Патриархи и высшее духовенство были освобождены от налогов, а остальные, платя подушный налог (*джизие* (جزية))⁷ и поземельный налог (*харадж* (خراج))⁸, взамен получали неприкосновенность личности и имущества, а также право исповедовать свою религию. Глава миллета (*Millet başı*) — религиозный и светский руководитель избирался членами миллета и утверждался султанским бератом (султанская грамота), и только после этого приступал к своим обязанностям.

Свои полномочия — как и повсюду в Османской империи — миллет баши осуществлял совместно с диваном миллета, куда наряду с религиозными сановниками могли входить представители мирян [5, с. 9].

К сожалению, не сохранились бераты⁹, выданные султаном Мехмедом II патриархам армянской апостольской церкви и греческой православной церкви. С помощью более поздних ферманов и бератов можно попытаться восстановить их примерное содержание, потому что каждый султан в своем берате признавал права миллетов, установленные предыдущими султанами. Однако, как утверждает И. Л. Фадеева, те или иные привилегии, дарованные общинам, зависели от прихоти султана. Послабления той или иной общине могли быть аннулированы в любое время [15, с. 9].

Содержание бератов, выданных султаном армянским патриархам, показывает, что каждый новый патриарх, избранный общиной, для получения султанского берата о назначении на должность должен был внести 100 тысяч акче в султанскую казну. Патриарх также был обязан собирать налог *Mir-i mukataa*¹⁰ (100–140 тысяч акче)

⁷ До XVI в. в Османской империи этот налог назывался *харадж*, а сборщики налога — *хараджи*. Впоследствии он стал называться *джизие*, сборщики налога — *джизиедар* [13, p. 209]. Прибыль, полученная с этого налога, восполняла главную казну империи. Это был самый тяжелый налог не только из-за отсутствия точного размера, но и потому, что он давал возможность открыто грабить население. Джизие требовали не только от своих граждан, но и от эмигрантов, а так же от людей, покинувших данное место жительства, и даже взамен умерших, если их имена не были исключены из налоговых списков [14, s. 107].

⁸ Первоначально означал любой налог и дань с покоренных и употреблялся как синоним *джизие*, особенно в тех случаях, когда дело касалось не налогов, собираемых в центре Халифата, а дани поступавшей по договорам, сбор которой производился вассальными правителями, когда действительно нельзя было отличить поземельный налог от подушной подати. Система обложения *харадж* в большинстве областей восходит к византийским нормам. В первые десятилетия считалось, что *харадж* платят только иноверцы, а мусульмане — *ушр* — десятину. Однако увеличение числа новообращенных грозило серьезным сокращением поступлений, поэтому утвердилось представление (какой-либо законодательный акт по этому поводу неизвестен), что статус *хараджных* земель неизменен и не зависит от религии землевладельца или арендатора [1, с. 273].

⁹ Жалованная грамота турецкого султана, предоставляющая кому-либо особые права и имущества.

¹⁰ Термин употребляется во многих значениях. Из них наиболее распространенные в аграрном законодательстве: 1. Земля и другие виды собственности (рыбные, соляные и др. промыслы, тамо-

от общины и отдавать правительству. Как справедливо отмечает А. Папазян, это обстоятельство стало причиной того, что султаны часто меняли патриархов, поскольку каждый новый патриарх приносил казне 100 тысяч акче [17, с.35]. Кроме этого, патриархи для получения берата о назначении на должность должны были платить еще 500 курушей великому визирю и 250 курушей заместителю визиря [18, с. 197].

Часто для получения султанского берата претенденты на патриарший престол дарили высокопоставленным чиновникам дорогие подарки и давали взятки. В результате на патриаршем престоле нередко оказывались священнослужители-марионетки, которые были орудием в руках султанов. Иногда Порта отказывалась утвердить того или иного кандидата на должность главы миллета, таким образом вмешиваясь в избирательный процесс. Однако пока патриархи были лояльны по отношению к султану, они были свободны в управлении делами своих общин. В свою очередь руководство миллета, чтобы подчинить себе непокорное население провинции, могло полагаться на гражданских представителей султана, т. е. на губернаторов и кади [19, р. 274].

И. Л. Фадеева замечает, что функции османского государства в отношении немусульманских подданных на протяжении нескольких столетий заключались лишь в защите их от внешней и отчасти внутренней агрессии [15, с. 9]. Стоит отметить, что при Порте делами миллета занимался *реис-уль-киتاب* (министр иностранных дел) [6, р. 216].

Хотя народы различных конфессий жили в одном государстве¹¹, фактически они следовали разным внутриобщинным законам и обычаям, что порождало постоянные межобщинные конфликты. Но ни одна община не могла нарушать нормы, предписанные ей исламом [19, р. 274]. Лишь в вопросах экономической и политической жизни, а также в межконфессиональных конфликтах решающее слово принадлежало муллам, мусульманской власти вообще [5, с. 324].

Члены миллетов имели право внутри общины говорить на родном языке и могли способствовать развитию собственных религиозных, культурных и образовательных институтов. В гражданских делах, связанных с браком, разводом, наследованием имущества, образованием, благотворительностью и др., миллет обладал самостоятельной юрисдикцией. До 1862 г. некоторые миллеты имели даже уголовную юрисдикцию [6, р. 215]. Судопроизводство, структурно входившее в состав османской административной системы, осуществлялось со значительной степенью автономии от государства, что делало его важным фактором поддержания порядка и стабильности [21, с. 28].

После того как жалобы и прошения членов миллета, направленные главе миллета или совету миллета, обсуждались на совете, глава миллета подавал эти документы в султанскую канцелярию.

Со времен правления султана Мехмеда II до 24 марта 1657 г. греческого патриарха, избранного общиной, принимал сам султан, но после того как 24 марта 1657 г. грече-

женные сборы и т. п.), доходы с которых отданы казной на откуп. 2. Доходы или налоги, получаемые с указанных видов владений. 3. Налоги, поступающие с отдаленных областей и районов, без разделения на отдельные статьи (*бер веджх-и макту*) в виде ежегодной дани [16, с. 207].

¹¹ В этническом отношении империя представляла собой конгломерат 60 народов и племен, находящихся на различных ступенях социально-экономического и политического развития, принадлежащих к разным типам культурных и конфессиональных общностей [20, с. 19].

ский патриарх Парфений III был казнен за то, что он подстрекал княжество Валахии и Молдавии к восстанию, патриархов начали принимать великие визири. Это стало законом, который существовал до начала танзиматских реформ в XIX в. [22, с. 324–325].

В изучении истории создания армянского миллета есть некоторые традиционно принятые, но, увы, устаревшие подходы, которые нуждаются в переосмыслении. Армянские историки А. Перперян [23, 24], Г. Бардакчян [25], А. Харатян [26, 27] в своих трудах достаточно обоснованно подвергают эти подходы критике.

В журнале «Шогакат», изданном Константинопольским Армянским Патриаршеством, написано: «Армяне Константинополя при непосредственном надзоре султана Мехмеда нашли в столице новое подходящее место для развития общины. Вскоре, благодаря религиозной свободе и образованию, которые поощрялись Константинопольским Армянским Патриаршеством, сформировалась весьма организованная сплоченная армянская община. Основанное в 1461 г. Армянское Константинопольское Патриаршество (во главе с Овакимом) приравнялось в правах с Греческим Патриаршеством. Таким образом, патриарший престол из Кютахи был переведен в Бурсу, а потом в Константинополь» [18, с. 2, 22].

Б. Брауд считает, что истории, связанные с созданием этих традиционных трех миллетов, включают в себя множество мифов, придуманных самими общинами [3, р. 77–83]. Хотя в этом и есть доля правды, нам представляется, что Б. Брауд излишне категорично заявляет об этом.

Армянские источники свидетельствуют, что армянская община возникла в Константинополе задолго до завоевания города турками. А. Харатян, ссылаясь на один из этих источников, в котором упоминается некий константинопольский архиепископ Закария (1403) из села Мгунк, приходит к выводу, что сам факт пребывания в Константинополе армянского архиепископа подтверждает и существование армянской общины [27, с. 51, 70]. Согласно А. Албояджяну, формирование армянской диаспоры Константинополя начинается со второй половины 1450 г. и заканчивается в XVII в. Изначально армяне переселились в Константинополь из Анкары, Бурсы, Карамана, Токата, Сиваса, Кайсери, Трабзона, Кафы, Амасии [28, с. 291]. Впоследствии, когда в 1510 г. начались турецко-персидские войны, османские султаны переселили в Константинополь часть населения из Тебриза, Нахичевани, Еревана и Арцаха [27, с. 51, 70].

Согласно традиционной точке зрения, султан Мехмед II после завоевания Константинополя поселил армян в городе, противопоставив их грекам. Однако А. Перперян обоснованно опровергает эту точку зрения, замечая, что изначально переселенные армяне не превосходили греческое население по своей численности. В свою очередь греки, уступающие по своей численности туркам, и кроме того лишенные с тех пор политической свободы и имеющие только духовного лидера, не представляли серьезного препятствия для османов [24, с. 214–216].

Другое дело, что османы, руководствуясь девизом «разделяй и властвуй», часто сеяли разногласия и были причиной раздоров среди немусульманского населения империи. Например, поводом для разногласий между армянами и греками могли быть необоснованные действия османов по конфискации церкви или поместья, принадлежавшего армянам, и передаче его грекам и наоборот.

Г. Бардакчян, ссылаясь на М. Чамчяна, отмечает, что первоначально община константинопольских армян называлась «Altı Cemaat» (шесть общин), затем она бы-

ла официально переименована в «Ermeni Milleti» (армянский миллет). Армянская община упоминается как «Altı Semaat» в берате, выданном армянскому патриаршеству в 1764 г. [25, р. 91–92].

А. Перперян оспаривает также тот факт, что султан Мехмед II признал Овакима патриархом константинопольских армян, дав ему власть над армянами Западной Армении и Малой Азии. Исследователь, ссылаясь на армянскую рукопись 1543 г., приходит к выводу, что первым духовным лидером, считавшим себя патриархом, был Преподобный Аствацатур (1538–1543), преемник Григора мархаса (1526–1537), который занимал должность духовного лидера в период правления султана Сулеймана Великолепного (Кануни) (1520–1566). До Аствацатура духовный лидер назывался мархаса (marhasa) [17, с. 347–378].

А. Харатян считает, что впервые слово «патриарх» встречается в рукописях периода 1526–1540 гг. Он обосновывает свою гипотезу тем, что на рукописном Евангелии (1540) есть надпись: «в период правления султана Сулеймана и во время патриаршества Преподобного Аствацатура» [25, с. 347–378]. Что же касается прав и власти Овакима, Г. Бардакчян считает, что если султан Мехмед II назначил Овакима патриархом армян, которых переселял из Анкары и Бурсы, то, по всей вероятности, его влияние распространялось и на представителей армянской общины Константинополя, Галаты и, возможно, Ускудара [10, с. 91–92].

Если в самом начале истории создания патриаршества власть армянского патриарха распространялась на армян, то вскоре ситуация изменилась. Христиане азиатских и африканских провинций Османской империи — копты, якобиты, марониты и несториане, которые не были ни православными, ни армянами, официально находились если не под духовным, то под политическим руководством армянского патриарха. Таким образом власть стремилась защитить традиционное духовенство от католиков [19, р. 273]. Под духовным руководством армянского патриарха находились также грузины, цыгане, ассирийцы и албанцы (кавказской Албании) [29, с. 35].

Со временем османские правители кроме трех традиционных миллетов признали и другие, защищая тем самым свои политические интересы. Так, например, султан Сулейман Первый, основав Святую славянскую церковную иерархию, явно рассчитывал на лояльность и помощь славянской православной патриархии в случае, если Священная лига захочет отобрать у империи Балканы [30, р. 144–145].

Заметим, что полуавтономный статус христианского миллета не означал еще его полного равноправия с подданными империи. Права миллетов не должны были находиться в противоречии с принципами шариата. Мусульманский миллет безусловно доминировал над немусульманским населением империи. Турецкий историк Э.З. Карал отмечает: «В Османской империи мусульманское население считалось “привилегированным” классом, а немусульмане — “низшим” сословием» [31, с. 595].

Чтобы символизировать верховенство ислама, был введен целый ряд ограничений и запретов: постройка новых церквей запрещалась, а для ремонта старых церквей требовалось разрешение. Из султанских ферманов мы узнаем, что комитет, составленный исключительно из мусульман, проверял и протоколировал подлежащие реставрации здания и постройки и затем предоставлял лицензии с тем условием, что при реставрации будут использованы прежние материалы и сохранены те же размеры [32, с. 67].

Существовали и запреты на ношение немусульманских национальных одеяний. В. Гордлевский пишет об этих запретах следующее: «Внутри страны (Малой Азии) христианам было запрещено носить черную ткань, но ее старались заменять темно-синей или пестрой. Запрещается носить яркие цвета; запрещается носить красный цвет» [33, с. 58].

В своем указе, направленном к Константинопольскому кади, султан Селим II определил тип немусульманских национальных одеяний. Этот ферман был переведен с османского А. Папазяном: «До этого был мой императорский указ, который запрещал евреям, христианам и другим неверным ношение готовой, высококачественной одежды...» [17, с. 214]. Запрет объяснялся тем, что из-за этого якобы растет цена на дорогие ткани в стране.

Р. Дэвисон считает, что «в самом деле, в Османской империи неэффективное, коррумпированное правительство оказывало более сильное воздействие на турок, мусульман и арабов, чем на христиан» [34, р. 845]. Но аргументы Р. Дэвисона вызывают сомнение, поскольку, как свидетельствуют исторические источники, ограничению в правах в Османской империи подвергались также и немусульмане, хотя формы этого давления могли различаться.

В XIX в. в жизни немусульманских народов империи отмечается общественная активность и пробуждение национального самосознания, которому способствовали миллеты. В среде миллетов благодаря миссионерам и индивидуальным связям распространились идеи равенства и свободы, популярные в то время в Европе. Также европейское влияние проявилось и в повышении уровня образования и грамотности, поскольку состоятельная молодежь имела возможность получить хорошее образование в Европе.

Эти факторы, наряду с национально-освободительной борьбой немусульманских подданных, явились поводом для активного вмешательства сверхдержав во внутренние дела империи. Нарастает влияние европейских государств на немусульманских подданных султана. Под предлогом защиты последних европейские державы вмешивались во внутренние дела Османской империи.

Чтобы ограничить влияние Запада, османское руководство применяло репрессивные меры против миллетов, пытаясь ограничить их власть [6, р. 218]. Еще в конце XVIII в. представители османской бюрократии поняли, что, избавиться от европейского вмешательства и вызванных им восстаний национально-освободительного характера возможно только путем упорядочения взаимоотношения христиан и государства, удовлетворив их минимальные требования.

По сути султанские рескрипты 1839 и 1856 гг., ограничивая религиозную и культурную автономию миллетов, закрепляли чувство лояльности немусульман к империи, в то время как в европейских провинциях империи усиливались националистические настроения немусульманских подданных. На самом деле учрежденное танзиматом равенство не было реализовано, а со временем пропасть между мусульманами и немусульманами росла.

В рамках *Хатт-и шериф* (Islahat fermarı — фирман о реформах), принятого 28 февраля 1856 г., указом султана были утверждены специальные регламенты, определившие статус немусульманских религиозных общин — греко-православной, армяно-апостольской и еврейско-эспаньольской. Отныне светскими делами общин должны были руководить гражданские советы. Однако на самом деле советы попа-

дали под контроль султанской администрации, которая стремилась превратить эти органы в послушный инструмент и использовала свое оружие в борьбе с национально-освободительными устремлениями нетурецких народов [35, с. 194].

Проанализировав вышесказанное, можно сделать вывод, что система миллетов представляет собой некую форму политического компромисса, целью которого является смягчение противоречий между различными этноконфессиональными группами и сохранение стабильности государства.

На первый взгляд, систему миллетов можно считать безупречной для управления немусульманской частью населения империи, так как, во-первых, система обеспечивала некое внутреннее самоуправление для членов миллета: немусульманские подданные империи внутри общины соблюдали свои традиции и жили по своим законам, в то же время подчиняясь законам и традициям империи, а во-вторых, она подстраивалась под интересы Порты. Однако, как справедливо замечает Р. Сафрastian, система миллетов исполняла бы свои функции должным образом, если бы это содействовали центральное правительство и военные силы [36, р. 203].

В Османской империи наблюдалось частое вмешательство властей во внутреннюю жизнь миллета. Надеясь немусульман светской и духовной властью, османские султаны таким образом стремились держать своих подданных в покорности, уменьшить вмешательство других государств во внутренние дела империи, для чего и использовался авторитет патриархов. Сам факт, что при назначении патриарха последнее слово оставалось за султаном, говорит о том, что свобода и независимость общин были относительными. Роль лояльных патриархов особенно увеличилась, когда в среде немусульман империи стало заметно возрастать влияние иностранных государств. Кроме того, султаны часто сменяли патриархов, вымогая у каждого нового патриарха деньги за утверждение его на должность. Этот факт свидетельствует о том, что смена патриархов была своего рода источником финансирования султанской казны.

Литература

1. Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. 311 с.
2. The Encyclopaedia of Islam / ed. by P.J. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel and W.P. Heinrichs. Vol. 7. Leiden; New York: E. J. Brill, 1993. 1113 p.
3. Braude B. Foundation myths of the Millet system // Christians and Jews in the Ottoman Empire. Vol. 1. New York; London: Holmes & Meier Publishers, 1982. P. 69–87.
4. Levonian L. The Millet System in the Middle East // The Muslim World. 1952. Vol. 42, issue 2. P. 90–96.
5. Иванов Н. А. Труды по истории исламского мира. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2008. 501 с.
6. Abu Jaber K. S. The Millet System in the Nineteenth-Century Ottoman Empire // The Muslim World. 1967. Vol. 57, issue 3. P. 212–223.
7. Магакия Орманян // Armenica. Лучший сайт об Армении на русском. URL: <http://armenia.h1.ru/Churchs/Katolicos/deyateli/20.html> (дата обращения: 11.05.2012).
8. Ormanyan M. Azgapatum. II hator. Kostandnupolis: V. Yev H. Ter-Nersesyan, 1912. 2308 ej.
9. Фадеева И. Л. Статус еврейских общин в Османской империи // Лехаим. Ноябрь, 2004. 11 (151). <http://www.lechaim.ru/ARHIV/153/osman.htm> (дата обращения: 29.04.2012).
10. Cevdet A. Tarih-i Cevdet [Tarih-i vekayi-i devlet-i aliyye]. C. 1. 327 sh.
11. Bozkurt G. Alman-İngiliz Belgelerinin ve Siyasi Gelişmelerin Işığı Altında Gayri Müslim Osmanlı Vatandaşlarının Hukuki Durumu 1834–1914. Ank.: TTK yayını, 1989. 237 sh.
12. Новичев А. Д. История Турции. I. Эпоха феодализма (XI–XVIII века). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 1963. 314 с.

13. *Elitaş C., Güvemli O.* Accounting method used by Ottomans for 500 Years: Stairs (Merdivan) Method. Ank., 2008. 660 p. URL: <http://www.scribd.com/doc/25974628/Ottoman-Empire-Accounting-Method-for-500-Years> (дата обращения: 05.05.20012).
14. *Inalcık H.* Osmanlı İmparatorluğunun Ekonomik ve Sosyal Tarihi. C. 1 (1300–1600). İst.: Eren Yay, 2004. 480 sh.
15. *Фадеева И. Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм-панисламизм), XIX — начало XX в. М.: Наука, 1985. 268 с.
16. *Тверитинова А. С.* Аграрный строй Османской империи XV-XVII вв. Документы и материалы. М.: Изд-во «Восточная литература», 1963. 224 с.
17. *Papazyan A.* Turkakan vaveragrery Hayastani yev hayeri masin (16–19-rd darer). Yegea, Yerevan, 1999. 284 ej.
18. Shoghakat kronabaroyakan, grakan yev patmabanasirakan pashtonatert S. Khach Dprevanuts patriarkutyun hayots Turkio, JA tari, tiv 2, hulis-dektember 1962. 120 ej.
19. *The Cambridge History of Turkey, The Later Ottoman Empire (1603–1839)* / ed. by Suraiya N. Faruqi. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University press, 2006. 619 p.
20. *Сафрастян Р. А.* Доктрина Османизма в политической жизни Османской империи. Ереван: Изд-во АН АССР, 1985. 147 с.
21. *Зеленев Е. И.* Государственное управление, судебная система и армия в Египте и Сирии (XVI-начало XX века). СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 2003. 419 с.
22. *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı Tarihi. III c. I. kısım. Ank.: TTK yayını, 1988. 598 sh.
23. *Perperyan H. K.* Polso Hayots patriarkutean himnarkutyuny // *Handes amsorya.* 1964. N 7–9. ej. 337–350, 498–510.
24. *Perperyan H.* İstanpuli hay bnakchutyuny kaghaki gravumen minchev Fatih Mehmed II-I mahy // *Handes amsorya.* 1962. N 1–4. ej. 213–227, 405–424.
25. *Bardakjian K. B.* The rise of the Armenian Patriarchate of Constantinople // Braude B., Lewis B. Christians and Jews in the Ottoman Empire. Vol. 1. New York: Homes & Meier, 1982. P. 89–100.
26. *Kharatyan A.* Kostandnupolsi hay patriarkutyun kazmavorman shurdj (XV–XVII) // *Lraber hasarakan gitutyunneri.* Yer., 2002. N 2. ej. 8–24.
27. *Kharatyan A.* Kostandnupolsi hay gaghtojakhy (XV–XVII dd.). Yer.: YPH hrat., 2007. 472 ej.
28. *Alpöyachian A.* Turkio hayots patriarkutyun. 1908 Yndardzak oratsuyts S. Prkchean hivandanotsi hayots // *The Yearbook of Holy Cross Armenian Hospital, 1908*] K. Polis. 1999.
29. *Eryılmaz B.* Osmanlı Devletinde Gayrimüslim Tebaanın Yönetimi. İst.: Risale, 1996. sh. 240.
30. *Goffman D.* Ottoman Millets in the Early Seventeenth Century // *New Perspectives on Turkey.* 1994. N 11. P. 133–158.
31. *Karal E. Z.* Gülhane Hatt-i Hümayûnunda Batının Etkisi // *Türk Tarih Kurumu.* 1964. Belleten c. XXVIII. sayı 112. sh. 581–601.
32. *Papazyan A.* Voch turk azgeri iravazurk vichakn Osmanyen kaysrutyunum yev tanzimaty // *Arevelagitutyun hartser.* Yer.: EPH hrat., 1983. pr.1–2. ej 63–80.
33. *Гордлевский В. А.* Избранные сочинения (Этнография, история востоковедения, рецензии). Т. IV. М.: Изд-во вост. лит., 1968. 360 с.
34. *Davison R. H.* Turkish attitudes concerning Christian-Muslim equality in the nineteenth century // *The American Historical Review.* Jul., 1954. Vol. 59, N 4. P. 844–864.
35. *Петросян Ю. А.* Османская империя. Могущество и гибель. М.: Наука, 1990. 280 с.
36. *Safrastyan R.* Armenians and Turks: Contacts in history from Seldjukides times up to the End of the 19-th century // *Turkish and Ottoman Studies.* Yer., 2006. Vol. 4. P. 197–206.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2013 г.

И. Ю. Котин

**БЫТЬ БРИТАНЦЕМ / БЫТЬ «АЗИАТОМ» —
ДИЛЕММА БРИТАНСКИХ «АЗИАТОВ»
В ПОЭЗИИ ДАЛДЖИТА НАГРА¹**

Индийцы, пакистанцы, бангладешцы мигрировали в Великобританию, Канаду, США, другие страны, где возникли многочисленные общины выходцев из Южной Азии [1]. В настоящее время в этих странах проживают уже миллионы индо-британцев, индо-канадцев, американцев южноазиатского происхождения. В одной Великобритании их уже более двух миллионов человек [2]. Согласно данным переписи населения, произведенной в 2001 г., число «азиатов» в Великобритании было определено как 2 081 252 чел. Из них 1 051 831 чел. отнес себя к индийцам, 746 612 — к пакистанцам, 282 808 — к бангладешцам, в то время как к «другим азиатам» отнесли себя 247 466 чел., часть из которых — потомки индийцев, пакистанцев и бангладешцев, рожденные в Британии и не склонные идентифицировать себя со страной происхождения. Данные переписи населения Великобритании 2011 г. еще не опубликованы, но по предварительным оценкам уже более четырех миллионов выходцев из Южной Азии проживает в Соединенном Королевстве [3, p. 2]. Следует отметить, что по сравнению с 1991 г. число индийцев выросло в 2001 г. на 25,2, пакистанцев — на 56,7, а бангладешцев — на 73,7%. Эти группы показали высокий рост, значительно превышающий рост «белого» большинства, да и значительной части меньшинств. Вместе индийцы, пакистанцы и бангладешцы, объединенные в категорию «южноазиаты», составляют крупнейшее этнорасовое меньшинство страны.

41,3% британских индийцев, т. е. 347 091 из 840 255 чел. проживали в Большом Лондоне. Индийцы селятся преимущественно в районах Эктон и Саутолл округа Илинг на юго-западе Лондона (близ аэропорта Хитроу), а также в районах Хаунслоу, Харроу, Уимблдон, Баркинг, Саут Вудфорд. Бывшие беженцы из Восточной Африки селятся в Харроу и Уимблдоне. Мусульмане-ахмадийцы расселены компактно вблизи религиозного центра в Мертоне на юге Лондона. Бангладешцы проживают также в Нью(х)эме, Тауэр Хэмлетс.

Представители второго и третьего поколений индийцев, пакистанцев, бангладешцев за рубежом пытаются осмыслить опыт иммигрантов и этнорасовых меньшинств. Голос индийской диаспоры звучит на английском и индийских языках устами героев многочисленных романов и кинофильмов [4]. На английском языке с примесью слов хинди, пенджаби, бенгальского создается лирика индийской диаспоры — преимущественно песенная в стиле *бхангра*, известном как индийский

Котин Игорь Юрьевич — д-р ист. наук, Санкт-Петербургский государственный университет; ст. науч. сотр. МАЭ РАН (Кунсткамера); e-mail: igorkotin@mail.ru

¹ Статья подготовлена в Санкт-Петербургском Государственном Университете в рамках гос. задания (раздел 0110 КОСГУ 222), шифр ИАС (2.23.48.2013), (поездка для работы в библиотеке университета г. Вроцлава (Польша), апрель 2013 г.)

© И. Ю. Котин, 2013

хип-хоп, а также поэзия, ориентирующаяся на классические образцы, сочетающая темы и лексику языков Индии и опыт индийской диаспоры.

Томик стихов Далджита Награ «Look We Have Coming to Dover!» (2007) [5] — это издание престижного лондонского дома «Фабер и Фабер», специализирующегося на качественной книжной продукции — классике английской литературы, биографиях, литературоведческих исследованиях. И вот — в бордовой обложке — первый небольшой сборник с названием, некоторой неправильностью оборота намекающим, что перед нами — «Одиссея» человека, «прибывшего» в Англию издалека. Впрочем, несмотря на пенджабские корни, автор — англо-пенджабский поэт, лауреат нескольких престижных литературных премий, иммигрант во втором поколении — родившийся в Англии британец. Язык, на котором он пишет, он называет *пенглишем* — пенджабским английским, хотя это все-таки английский с вкраплениями пенджабских слов [6].

Как гласит краткая справка об авторе, Далджит Награ родился в 1966 г., преподает английский язык в одной из лондонских школ. Он — лауреат ряда престижных британских конкурсов поэзии, автор многочисленных публикаций в британских и зарубежных журналах и альманахах, участник многочисленных поэтических состязаний и прочих мероприятий, которыми богата Англия, по-прежнему равнодушная к поэзии и эпатажу. Интереснейший поэт Далджит Награ вошел в английскую литературу под эпатажным псевдонимом «Хан Сингх Кумар», включающим в себя типичные окончания «фамилий» мусульман — Хан, сикхов — Сингх и индусов — Кумар. От лица Хана Сингха Кумара написано Далджитом Награ такое стихотворение:

Вы заказывали Хана Сингха Кумара?

Скажите, мне к лицу эта маска, не подошедшая бритту?
Или мне позволено сорвать свою черную кожу?
С вами поэт из гетто Хан Сингх Кумар говорит —
Или поэту из гетто душу раскрыть не положено?
Должен ли я, пенджабец, говорить на пенджабском сленге?
Здесь, на острове, на британском ленде.
Вы позвали меня заполнить эту лакуну!
Я пришел заполнить эту лакуну.
Хорошо ли мне быть затычкой в бутылке?
Как вести себя, если ты — затычка в бутылке?
Ваше ружье стреляет — я ли серый дымок?
Если вы на охоте — не за мной ли помчится бульдог?
Позволено ли мне мелом моей души
Писать стихи на черной доске моей кожи?
Все ли слова позволены? Все ли они хороши?
Или, как Гангадин, я должен всегда быть хорошим?
Вы позвали меня заполнить эту лакуну!
Я пришел заполнить эту лакуну.
Хорошо ли мне быть затычкой в бутылке?
Как вести себя, если ты — затычка в бутылке?
У меня жена в сари и английская роза в петлице,
Могу я полакомиться от мультикультурного пирога?
Чем себя наградите, позволив со мной водиться?
Как далеко в ваш мир ступит моя нога?

Мне нет дела до ваших аплодисментов —
Сухих и пустых, как раковина, но я хотел бы знать —
До какой границы, до какого момента
Могу, разорвав оболочку, я в британца играть... [5, р. 6–7]².

Примечательно обращение к образу Гангадина — «хорошего индийца» из баллады Киплинга, функция которого — жить и умереть за «белого сахиба». Жить и умереть за «белого господина» Хан Сингх Кумар не намерен. Позднее Далджит Награ отказался от псевдонима, ибо он уже вошел в современную английскую литературу и более не нуждался в масках. К тому же вкусы и интересы Награ не замыкаются темой индийской диаспоры. Но нас интересует прежде всего эта тема. И начинается ее разработку Далджит Награ с рассказа о первопроходце — одном из первых индийцев, оказавшихся в Англии и наладивших цепь миграции из родной деревни в Ангрестан (т. е. в «страну ангрезов») — так в Южной Азии называют Англию (отмечу, что в английском оригинале дано просто название England, но в конце сборника прилагается словарь пенджаби-ангези (пенджабско-английский), что позволило ввести в перевод производную от «ангези» — Ангрестан). Итак, вот рассказ о «первопроходце»:

Прелюдия

Он первым из наших мест
Недорогим пароходом
Прибыл в Ангрестан.
Год работы в две смены
И вот уже новый «Энфилд»
Красуется в его доме —
Черное с серебром.
Он был для нас как витрина,
Мы же бросали байки
У дома
И шли послушать
О быстрых деньгах рассказ.
И я пересек те воды,
Как многие англичане,
Прославившие свое имя
Походами за моря.
Я добрался до дома
Нашего первопроходца —
Вот он, покрытый граффити,
Старый сырой сарай.
Он бросил доску на ванну
И назвал это спальней,
Сказав, что у многих приезжих
Нет и такого жилья.
Слил в туалете воду. И направился в кухню,
Где накормил меня старым
Чапатти³ из коробка.

² Все стихи даны в переводе автора статьи.

³ Индийский недрожжевой хлеб из просяной, реже — пшеничной муки.

А я ведь жену оставил
 И работу на почте
 В своей любимой деревне,
 Все это потому,
 Что этот бывший пропойца,
 Сын уборщика улиц,
 Судя по его письмам,
 Здесь быстро разбогател.
 Когда я его пытаю:
 Где же эта халява?
 Простая такая работа —
 На кнопки нажимать?
 Он сквозь желтые зубы
 Неприятно смеется,
 Он сед, и глаза его впали —
 Проклятый ходячий труп... [5, p. 5].

Неприглядная картина, не правда ли? Но и мир, в котором живет Далджит Награ, далек от идеального. Он родился в семье пенджабцев, тяжким трудом скопивших на домик в самом индийском местечке Лондона — Саутхолле. Не его ли зарисовка дана в стихотворении Награ «Наш городок со всей Индией в нем»?

Наш городок в Англии вмещает всю Индию
 С ее гурдварами⁴, мандирами и мечетями,
 Наш проспект желтеет не от униформ оранжистов,
 Но от шафрана индусских флагов.
 Наш апрельский Вайсакхи⁵
 Заглушает Пасху,
 А безумье при полной луне —
 Признак Ида
 С его танцами до утра
 И кухней тандури⁶.
 У нас костры Гая Фокса
 Сливаются с огнями Дивали —
 Праздника возвращения
 Нашего Одиссея — Рамы
 К своей по-пенелопьи преданной Сите.
 У нас звучат хиты Болливуда
 И ритмы Бхангра,
 Передаваемые нашей Санрайз Радио.
 В магазинах звучат звуки ситара —
 Там, где бренчали регги каррибцев,
 Где когда-то тусовались стилиаги...
 На витринах наших кафе —
 Баррикады шафранных сладостей,
 И джалеби, пропитанные сиропом,
 Сплетающиеся в паутину, как наши кланы... [5, p. 12–13].

⁴ Сикхский молельный дом.

⁵ Сикхский Новый Год.

⁶ Североиндийская кухня.

Это стихотворение дает весьма подробную картину того, что увидит в Саутхолле каждый приезжий. Район Саутхолл почти на сто процентов населен индийцами, преимущественно пенджабцами. Неудивительно, что здесь много мечетей, индуистских храмов — *мандиров*, и особенно — сикхских молельных домов — *гурдвар*. Повсюду видны священные для индусов и сикхов шафрановые одеяния, религиозные флаги и драпировки, сравниваемые здесь с желтыми цветами униформ «оранжистов» — сторонников твердой власти протестантского короля (королевы). В Саутхолле все довольно мирно. Здесь даже кровь на разделочных досках мясных лавок давно стерта. Индусы — преимущественно вегетарианцы. Не столь строгие вегетарианцы — сикхи также разделяют любовь к овощам и фруктам, обильно расставленным на лотках Саутхолла. Индусские и сикхские праздники заглушают английские. Индусский праздник Дивали по времени приблизительно совпадает с Ночью Гая Фокса, Пасха — с сикхским днем создания хальсы — Вайсакхи. Отсюда сравнение формы их празднования.

Кажется, увиденное нами — сплошной праздник, но Далджит Награ напоминает и о проблемах — о конфликте вследствие разницы ценностей в стране происхождения и принимающей стране. Горечью пропитано стихотворение Награ «Саджид Накви», настоящий реквием по умершему другу:

Мы нашли нашего друга в Нисдене,
В его комнатухе мертвым, удар сердечный
Он не перенес, и родня сердечно
Позвала нас в мечеть, где мы издали

Наблюдали, как нашего Саджа
Пакуют в гроб, убирают сажу
Усталости с лика, покрывают его глазурью,
Превращая его в яблоко или в глазунью.

Бедняга, он мог упрямо
Ночами считать задачки из Смита,
Теперь сердито
Кто-то бормочет бессчетное из Корана.

Его разведенная мать осталась в своей глуши,
Отец из Дарби все сделал от всей души,
Чтоб отправить сына на последний печальный пост —
В Суррей, в его глубинку, на шиитский погост.

Там звучали молитвы, а позже комья земли
Падали в глубину, откуда мы не могли
Забрать нашего Саджа... [5, p.10].

Стихотворения цикла, посвященного будням и праздникам индийских иммигрантов, — своеобразные истории из жизни рассказчика, баллады в духе песен Галича или Высоцкого. О желании выразить свою индийскую «составляющую» устами героев своих стихотворений говорит и сам Далджит Награ в интервью, данном им корреспонденту газеты «Гардиан»: «Я работаю в школе, я преподаю английский язык, я живу английским языком, дышу им все время, (при этом) часть меня также хочет быть индийцем» [7]. Далджит Награ вкладывает истории в уста героев разно-

го пола, возраста, профессии. Вот, например, история, рассказанная девушкой-пенджабкой, посетившей родину предков. У стихотворения — эпиграф из «Тамерлана» Кристофера Мэрло: «Я планирую прорыть канал... По которому можно было бы быстро доплыть до Индии». Примечательно, что таким каналом для героини Далджита Награ стал «Аэрофлот» советского времени, дешево и скоро доставлявший индийцев из Лондона в Дели и обратно с остановкой в Москве. Итак, вот история индийской невесты:

За богатством Индии

«Аэрофлот» на родину предков

В момент нас доставил,

Как по туннелю,

Сократив расстоянья,

И вот мы — дома.

Штурмом взят Джалландхар

С его базарами,

Ценами, сбитыми еще

Тетушкой из Уолсала,

С бутиками.

Мы разоряем их

С Мамми. Она повела бровью

И кто-то с «фантой»

По кивку золотозубого босса

Крутится возле нас:

«Господи, благослови Вас, Мэм-сахиб»

Но пинками

Я отгоняю его как крысу

Шпильками туфель...

...Местные глазают на нас,

Но Мамми ослепляет их золотым блеском

Своего «Ролекса», усыпанного

Бриллиантами. Интересно, ее родня

Еще прозябает здесь, в этих отбросах,

В этой вони?! Мы же спешим упаковать

Наши покупки: баулы, мешки, чемоданы,

Отдаем их рикше со словами: «Джалди»,

«Джалди»! Быстрее в Британию!

Вон отсюда! По дороге бросаем пенни

Чему-то безногому, валяющемуся у дороги... [5, р. 8–9].

По стихам Далджита Награ можно было бы проследить географию индийского расселения в Англии. Уолсал — рабочее предместье Бирмингема. Саутхолл — «маленькая Индия» в графстве Мидлсекс, фактически — район Большого Лондона. Харроу — престижный лондонский район, где стараются селиться наиболее благополучные индийцы. Нисден из предыдущего стихотворения — также район концентрации индийцев, место расположения знаменитого индуcского храма Шри Лакшми Нараян. В этих районах женщины ходят в широких штанах — шальвар и рубахах —

камиз, а мусульманки нередко и в парандже. Мужчины-сикхи часто носят тюрбаны, не стригут бород. Но это все характерно для представителей старшего поколения. Молодежь же разрывается между семьей и школой, затем — университетом и офисом, где другие жизненные установки, одежда, запахи, стиль поведения. Порой молодые индийцы стесняются своих родителей. Чувства одного из таких пенджабских мальчиков, впоследствии переживавшего вынужденную двойственность поведения, выражает Далджит Награ в стихотворении «В городе белых». Заметим, что здесь — явное противопоставление «города белых» — «нашему городку со всей Индией в нем». В первом случае речь идет о преимущественно «белом» районе Лондона или другого британского города, например, Ивзли, где прошла юность поэта. В таком районе или городке женщина в шальвар-камиз, мать лирического героя, от лица которого идет рассказ, — явление необычное. Вот этот рассказ, исполненный глубоких переживаний героя за разлад, вызванный «чужестыю», «потусторонностью» его мира и мира его матери:

Со своим камизом и в широченных штанах
Как была она непохожа на остальных мамаш!
Видя такую маму, и мне говорили: «Не наш»!
Оглядываясь на нее, слыша странный запах
Карри, видя ее жирных волос пробор,
Розовые сандалии. Все это — приговор.
Я задергивал шторы, обливал холл
Английским спреем лаванды, дверь открывать не шел.
Если родителей звали, записки в ведро бросал.
Даже когда пытали — адрес не выдавал.
Я бы чувствовал себя здесь дома,
Но стеснялся знакомых,
Видевших ее на рынке, задевавшую там
Своим неуклюжим телом английских дам.
Даже в библиотеке, где я делал уроки,
От нее не спрятаться, как от мороки.
Она приходила за мной, выглядывала в окно,
Пока не найдет меня, но нас разделяло стекло.
А если мы были вдвоем, она смеялась
Над моим неуклюжим пенджаби: «Еще ведь малость
И ты станешь “белым” — истинным “гора”⁷,
Лишь невеста из Индии спасет тебя от позора».
Что же нынче я, когда ее навещаю,
Иное смущение ощущаю?!
Она хочет обнять меня — сердце дрогнет!
Я хотел бы броситься милой в ноги! [5, p. 18–19].

Здесь оба героя — и рассказчик, и его мать — жертвы. Они — жертвы временного и, быть может, сомнительного успеха, принесенного иммиграцией, жертвы раскола между миром представлений матери, впитанных ею в Индии, и миром образов, системой ценностей сына, родившегося или выросшего уже в Англии. Здесь

⁷ Гора (хинди, урду, пенджаби) — белый, белокожий.

в поэзии Далджита Награ возникает тема мультикультурализма. Пять процентов «цветного» населения внешне отличны от «белого большинства», сохраняют национальную одежду и обычаи, кухню, ярко выделяются на «белом, английском протестантском фоне».

Дети вынуждены приспособливаться к существованию в двух мирах, как это делает, например, сикхская девочка Рупиндер, от лица которой написано следующее стихотворение Далджита Награ:

Рассказ Рупиндер

Мы с отцом смотрели по видео
Нашу классику «Амар, Акбар, Антони»
О трех братьях, украденных гангстерами
(Есть кассеты с субтитрами, мисс).
И вот Антони, усыновленный католиками,
Молит Мадонну найти родителей,
И когда он начал молитву: «О дева Мария, О дева Мария? О...»,
Я не выдержала и тоже бросилась на пол:
«О дева Мария, О дева Мария? О...»,
Крестясь, как он, и совершая поклоны.
Отец взглянул на меня и постучал по тюрбану,
Так, что я подумала, что тюрбан размотается,
Как бывает, когда отец потирает виски,
И лицо его побагровело. Он погрозил мне:
«Ты решила, что жена Белого бога — твоя мать, идиотка!»
Папа бывает странным. Иногда он даже кричит
И грозитя отдать меня в сикхскую школу,
Настоящую школу, мисс.
Поэтому я сделала то, что делает в храме мой кузен Ашок,
Когда все, закончив молитву, повторяют в школе:
«О дева Мария, О дева Мария? О...»,
Он представляет вместо одного Вашего распятого Бога,
Золотой Храм и десять наших бородатых богов, и,
Как все мы в воскресенье, мычит:
«Вахе Гуру, Вахе Гуру!»
Вот так... [5, р. 30–31].

Данная ситуация — трагикомична. Другая история, рассказанная молодым сикхом, комедийна. Действия в ней почти нет. Это сатирическая зарисовка образа жизни молодого сикха, которому выпала самая типичная для индийца доля — доля владельца или управляющего небольшого магазинчика. Стихотворение называется «Sikh Song» — «Песня Сикха». Оригинал написан на смеси литературного английского, ирландского сленга и индийского английского. Скорее всего, магазинчик упомянутого сикха расположен в Саутхолле, где как раз немало индийцев и ирландцев.

Я торгую в одной из отцовских лавок
С девяти утра до девяти вечера,
Отец не разрешает мне закрывать магазин на обед,
Но когда посетителей нет,
Я закрываю лавку, и спешу наверх,

Где меня ждет моя молодая невеста,
И с которой я делюсь чапатти с чатни⁸,
С которой мы занимаемся любовью,
Как греблей в Патни.

Когда я возвращаюсь в лавку, застегиваясь на ходу,
Продавцы смеются и тычут в меня пальцами:
Эй Сингх! Где ты был?
Твои лимоны прокисли,
Бананы переспели,
А пол нуждается в мокрой щетке!
В этом худшем индийском магазине
На всей индийской улице! [5, p. 51].

В Великобритании в настоящее время проживают три поколения выходцев из Южной Азии. Второе поколение — самое многочисленное, однако первое поколение южноазиатов, т. е. собственно иммигранты, занимают положение глав больших семей, лидеров общин, активистов религиозных организаций при храмах и гурдварах, шейхов суфийских орденов (*тарики*) и сохраняют влияние, диктуют своим почитателям приверженность традициям.

Очевидно, что в 1950-е годы индийцы и пакистанцы прибывали в Соединенное Королевство как дешевая рабочая сила. Тогда подавляющее большинство иммигрантов составляли молодые трудоспособные мужчины. Самую крупную группу индийских иммигрантов в тот период составляли фабрично-заводские рабочие, кондукторы автобусов (13%), почтальоны или сортировщики почты (12%), продавцы (9%). В текстильной промышленности пакистанцы составляли большинство неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих. Но в 1980-х ситуация в Альбионе изменилась.

С одной стороны, наметился кризис ряда отраслей, где были заняты именно иммигранты, а в стране в целом — тенденция на модернизацию производства, сопровождавшаяся введением новых технологий, использованием техники и увольнением неквалифицированных рабочих, занятых физическим трудом, т. е. прежде всего — иммигрантов. С другой стороны, в начале 1980-х годов правительство М. Тэтчер ввело систему кредитования мелкого бизнеса. Выходцы из Индии, Пакистана и Бангладеш наряду с восточноафриканскими «азиатами» довольно успешно использовали эту систему. Многие из них стали самостоятельными предпринимателями. Упомянутые факты позволяют объяснить массовый переход южноазиатов к мелкому предпринимательству как вытеснением их из основной экономики, так и их предрасположенностью к предпринимательской деятельности или стремлением к поддержанию или повышению социального статуса в системе координат страны выхода. По различным данным в 1980-х годах около 10% выходцев из Южной Азии имели собственное дело и еще около 15% работали в семейных предприятиях. Пакистанский исследователь Т. Маудуд говорит об 1/3 «азиатов» как о занятых в семейном бизнесе. Кроме того, семьи южноазиатов, особенно пакистанцев, совместно предпринимая действия по покупке, переоборудованию и перепродаже своих домов, которые формально не являются предпринимательской деятельностью, но на деле оказываются

⁸ Чатни — маринад, пикули, острая приправа.

таковой при бесплатной работе членов семьи, всебританском удорожании жилья и разнице цен между домами в зависимости от состояния последних.

В настоящее время выходцы из Южной Азии представлены мелкими предпринимателями, клерками, рабочими на предприятиях текстильной промышленности, в горячих цехах и на стройках, представителями свободных профессий. Есть среди них и более 300 миллионеров, причем 8 «азиатов» названы в числе двухсот богатейших людей страны. Наблюдается значительная разница между социально-экономическими характеристиками индийцев (среди которых немало представителей свободных профессий и предпринимателей), пакистанцев и бангладешцев (среди которых половина мужчин трудоспособного возраста — безработные). Большинство их содержит небольшие лавочки. Из-за конкуренции сетей супермагазинов эти лавочки в настоящее время не только не приносят значительных доходов, но часто убыточны. Они, однако, важны для поддержания имиджа семьи. Статус предпринимателя для жителя южноазиатской деревни выше статуса наемного работника. Большинство индийцев и пакистанцев имеют в Британии собственное жилье, что отличает их, например, от вест-индцев, в массе своей квартиросъемщиков. В последние десять лет отмечается массовое вхождение бангладешцев в ресторанный бизнес, однако они по-прежнему отстают по уровню жизни от других групп южноазиатов, селятся в муниципальных квартирах (индийцы и пакистанцы чаще покупают дома и квартиры), живут на пособия по безработице, а также занимаются организацией нелегальной иммиграции из стран выхода, торговлей наркотиками и т. д.

Предметом спора остаются и брачные партнеры. В южноазиатских общинах Великобритании по-прежнему норма — брак по соглашению родителей. Хорошо известное в Индии, Пакистане, Бангладеш явление «arranged marriage» — брака по сговору родителей — сохраняется в южноазиатских этнических анклавах Лондона, Бирмингема, Манчестера, Ковентри, Лидса, Вулвергемптона. Об этом — рассказ Далджита Награ, переданный от лица жениха:

Брак поневоле (по воле родителей)

Вопреки моей воле
Моя глотка получила
изрядную порцию ладду
В сладком сиропе. Мама,
Накормив меня сладким,
В переполненном храме
Из крокодиловой сумки
Вынула кипу банкнот
И их дождем
Освятила церемонию,
Снимаемую на видео,
Затем и на невесту
Пролился денежный дождь,
А бабушка
Вогнала мне в рот
Новую партию ладду,
Так что крошки
Пролились подаяньем для мух,

А священник,
Начал читать молитву,
Так что всем пришлось встать,
Зомбируя меня и невесту,
Чьи движения повторялись
В замедленном ритме
В кадрах видео,
Где пони и обезьяны
Сменялись новобрачными.
Воздух пропах лавандой от моли,
И плыл, как сироп,
И в нем все двоилось.

Я молча сидел в ожерелье цветов,
Надев на тело необычных цветов
И фасона одежду, закопав в тюрбан
Голову и надежду, я слышал «Бам-бам»
Звуки гармонии. И тут мой дед,
Потерев ладони,

На своем «высокопарном» индийском
Вопросил: кто говорил
Что молодежь не ест нашу старую еду?
А вы видели, как мой внук уплетает ладду? [5, p. 20–21]

Ладду, как и джелеби — приторно сладкий пенджабский десерт, предмет гордости одних, неприязни других, здесь же шутливо символизирующий приторную слащавость церемонии, в которой только главных героев — жениха и невесту не спросили о их желании как вступать в этот брак, так и угощаться ладду. Южноазиатские брачные традиции во многом определяют специфику семейной стратегии международной миграции и хозяйственной адаптации в инокультурной среде. Формальное заключение брака у жителей Индийского субконтинента совершается часто до достижения невестой брачного возраста. Это связано с бытующим на субконтиненте представлением о неспособности женщин устоять перед соблазнами. Большинство южноазиатских женщин выходит замуж в возрасте 13–18 лет. Вступление девушек в брак в более позднем возрасте считается проблематичным. Родители стремятся устроить судьбу своих дочерей как можно раньше. Поэтому у пакистанцев, индийцев и бангладешцев широко распространено заключение между родителями договоренности о браке их детей по достижении мужчинами определенного достатка и положения в обществе, а девушками — половой зрелости. Неудивительно, что жены в индийских, пакистанских и бангладешских семьях в среднем на десять лет моложе супругов. Это обстоятельство также объясняет нежелание родителей дать дочерям высшее образование, с чем связаны многие конфликты между поколениями.

Для южноазиатской молодежи представители других этнорасовых групп, пользующиеся большей сексуальной свободой, являются предметом подражания, зависти. Так, например, пенджабской девушке, героине Далджита Награ, ее чернокожая преподавательница английского языка кажется образцом эмансипированности и успеха. Это мисс Виктория, предмет восхищения пенджабской девушки Джасвиндер из истории «Jaswinder wishes it was easy being black». Напоминаю, что «чер-

ный» — официальная категория этнорасовой номенклатуры в Британии, применяемой и в переписях населения.

Джасвиндер думает, как хорошо бы было быть «черной»

Мама выкормила меня на рынок невест,
Я стала большая, как та телка
С ожерельями на нашем календаре.
Теперь мать заставляет меня
Притворяться застенчивой, и грозит мне пальцем,
Когда я играю походкой, как Мисс Динамит,
Когда подаю чай и мамин особый «бомбейский микс»
Потенциальным женихам, строящим мне глазки,
Пожирающим меня взглядами.

Наша учительница английского мисс Виктория,
С голосом Майи Анжелу и Тони Мориссона,
Чьи песни она поет, задрав голову,
Она просила нас описать наши воображаемые дома —
Там, в Индии, наши глинобитные хижины на родине,
Где лишь единицы из женщин живут, как им вздумается...

Иногда я думаю, как хорошо быть «черной».

Черные — это смелые женщины, они могут за себя постоять, как и белые женщины.
Мисс Виктория болтает по-английски со всеми своими знакомыми,
Мисс Виктория после работы принадлежит себе самой.
Мисс Виктория, она не обязана беречь честь родителей.
Мисс Виктория по вечерам ходит в клубы. Мисс Виктория
Правит балом и сводит с ума парней, бредящих стихами на их разбитых как сердца телефонах. Мисс Виктория пронесит свое тело в обтягивающей форме и свои ярко накрашенные губы сквозь лондонские дома прямо на остров своего жилья. Мисс Виктория — флаг свободы!
Мисс Виктория выделяет номера на океане паркета своими ножками на тонких шпильках! Ее браслет на серебряной цепочке звенит как гимн свободе!
Она покоряет мир! Мисс Виктория — это Элла,

Это Бетси,

Это Нина!

Это Билли! [5, р. 40–41].

Чернокожая мисс Виктория уподобляется таким образом знаменитым афроамериканским кинодивам и певицам. Несмотря на определенный антагонизм между афро-британским и южноазиатским населением, как видим, для индианки образ чернокожей свободной девушки может быть даже притягателен. Но пока молодое поколение смотрит вперед, старшие оглядываются назад. Их рай, их лучшее время связаны с Индией, куда они мечтают вернуться. «Мечта о возвращении» — известный психологический феномен старшего поколения в диаспоре. Вот как «Мечта о возвращении» описана Далджитом Награ. Одно из стихотворений Далджита так и называется «Мечта моего отца о возвращении».

Жужжа на своем аппарате,
Подобно птице, мой отец плывет на своем автомобиле-самолете,
Кружит и спускается ниже, планирует между гор, окруженных облаками,

Спускается ниже над процессиями слонов и козами,
Пятнами ползущими по склонам,
Над облезлыми деревьями и мычащими коровами,
Над крестьянами, из которых одни
Смотрят на него, задрав головы,
Другие приветливо машут
Руками среди подсолнухов.
Мой отец снижаетея и сажает свою
Кондиционированную машину у канавы,
Где ждет свою аудиторию...
Затем мой отец представляет свою старую деревню с домами,
Запертыми на всякие замки, ожидающими своих хозяев
С заработков за морями.
Местные старожилы приходят взглянуть на него и поклониться ему,
Пораженные исходящим от него золотым сиянием.
Он открывает багажник своего летучего «Амбассадора»
И достает из него коробки конфет, пакеты с шербетом,
Раздает упаковки цветного порошка и красок для Холи.
Мой отец мечтает устроить фейерверк для всех и угостить каждого... [5, с. 46–47]

Новая родина, в данном случае — Англия, не стала для индийцев новым раем. Отношение к ней, как и к стране происхождения, — непростое. Многие оттенки этой любви-ненависти, притяжения-отторжения, принадлежности-чуждости нашли отражение и в поэзии Далджита Награ. Неслучайно следующая книга Далджита Награ получила название «Невероятная игрушка — тигр султана Типу, питающийся “белыми людьми”» («Tippoos Sultan’s Incredible White-Man-Eating Tiger Toy-Machine!!!»). То же престижное издательство «Фабер и Фабер» выпустило эту книгу в 2011 г. Этот сборник стихотворений Далджита Награ продолжает тему предыдущей книги — «Индийцы в Британии», расширяет и развивает ее темой «Британцы в Индии». Сам Далджит Награ называет это «лингвистической *бхаджи*». Бхаджи — острая индийская смесь орехов, гороха, соли и специй. Это очень удачное определение для того, что мы найдем в книге. А вот как характеризует книгу сам Далджит Награ в аннотации, помещенной на страничке автора в Интернете: «...там Шекспир встречается с [Индийским] субконтинентом в серии форм от английских сонетов до “болливерса” [стихи по образцу текстов песен индийского кинематографа] и нежных песен [о любви], которые исполняются в сезон муссона. Сюжеты для этих стихов находятся в [“азиатских”] магазинчиках на углу, в классных кабинетах, на странных улицах “Лондинистана” и в уголках, где север Англии встречается с Пенджабом; от поэзии Ларкина до [индийских сладостей] ладду... “расовые отношения”, семейные склоки, культурное наследие, религиозная ревность, ... Редъярд Киплинг ...» [8].

Примечательно, что столь важный для индийской диаспоры текст, как «Рама-яна», привлек внимание рассматриваемого англо-пенджабского поэта. Третья книга Далджита Награ — «Рама-яна» — новое прочтение и своеобразное переложение для британского читателя темы скитаний Рамы — культовой фигуры для индусов, важнейшей символической фигуры в диаспоре. Ведь, как заметил литературовед Виджай Мишра, «в тексте [“Рама-яны”] есть, конечно, все, что созвучно рабочему (иммигранту. — И. К.): 14 лет изгнания эпического героя Рамы, испытания в черном

лесу Дандак, кража его жены демоном Раваной. Наконец, возвращение в мифическую Айодхью» [9, p. 122].

Литература

1. *Котин И. Ю.* Побег баньяна: Миграция населения из Индии и формирование «узлов» южно-азиатской диаспоры. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 272 с.
2. *Котин И. Ю.* Тюрбан и «Юнион Джек». Выходцы из Южной Азии в Великобритании. СПб.: Наука, 2009. 228 с.
3. Office for National Statistics (UK), Ethnicity and National Identity in England and Wales in 2011. London: OFNS, 2012. 15 p.
4. *Котин И. Ю.* Голос индийской диаспоры // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 4. С. 62–71.
5. *Daljit Nagra.* Look We Have Coming to Dover! London: Faber & Faber, 2007. 55 p.
6. *Cooke R.* Hilda Ogden is my Muse. Daljit Nagra's vivid tales of immigrant life and love are electrifying the world of poetry // The Observer. 4.02.2007.
7. *Barkham P.* The bard of Dollis Hill // The Guardian. 18.01.2007.
8. Books: Tippoo Sulan's Incredible White-Man-Eating Tiger Toy-Machine!!! // Daljit Nagra. Poet-teacher. URL: <http://www.daljitnagra.com/books.php> (дата обращения: 18.04.2013).
9. *Misra V.* Voices from the Diaspora // The Encyclopedia of the Indian Diaspora. Singapore: Didier & Millet, 2006. P. 120–139.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2013 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

УДК 323.1

Е. В. Пугачева

ТАИЛАНД И БИРМА (МЬЯНМА): БУДУЩЕЕ ИММИГРАНТОВ ИЗ БИРМЫ В ТАИЛАНДЕ

Идея написания статьи, посвященной некоторым аспектам безопасности на границе между Таиландом и Бирмой (Мьянмой), пришла автору еще в 2009 г. после посещения тайского пограничного г. Мэсот во время учебной стажировки в университете имени короля Чулалонгкорна. Опыт общения с беженцами и рабочими иммигрантами из Бирмы, а также материалы, собранные за время работы в организации по правам человека «Алтсеан» (Alternative ASEAN Network on Burma — Altsean) в Бангкоке (2011–2012), подтвердили актуальность поиска ответов на следующие вопросы: 1) Какова причина исхода беженцев из Бирмы? 2) Как справляется с потоком беженцев Таиланд и есть ли у этих людей будущее в королевстве?

Мьянма — официальное название страны, расположенной к западу от Таиланда, было принято военной хунтой в 1989 г. Среди противников этого названия — жители семи национальных областей или штатов, большинство населения которых составляют такие народы, как качины, шаны, карены, кайя, чины, моны. Представителями этих групп сформирована активная оппозиция центральному правительству. Не признают новое название Бирмы и многие западные страны, в том числе ЕС и США, которые, поддерживая борьбу за демократизацию и права человека в полиэтнической Бирме, ищут возможности использовать ее богатые ресурсы в своих геополитических целях. Автором в статье используется название «Бирма» не из солидарности с прозападной оппозицией, а лишь потому что сами мигранты, проживающие в пограничных районах Таиланда, продолжают называть свою родину «พม่า» («пха-ма» — тайск.), что гораздо более созвучно слову «Бирма», нежели «เมียนมา» («мьен-ма» — тайск).

Ситуацию в Бирме сложно оценить из-за противоречивости информации, поступающей из официальных бирманских источников, призванных поддержи-

Пугачева Екатерина Владимировна — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет; ООО «Flash Asia», о. Самуй (Таиланд); e-mail: khatriya_me@hotmail.com

© Е. В. Пугачева, 2013

вать прогрессивный имидж нового правительства страны (пришедшего к власти в 2011 г.), прозападных СМИ и даже солидных исследовательских центров, обычно критически настроенных и спонсируемых западными донорами. Но даже самый осторожный наблюдатель не может отрицать, что с 1949 г. в Бирме продолжается, по сути, самая длительная война в мире. Причина этой войны — дискриминация по признаку этнической принадлежности. Представители национальных меньшинств (карены, шаны, качины, моны) создают этнические армии для борьбы за национальную автономию и федеративное устройство государства. Некоторые ратуют за полную независимость от центрального правительства.

Еще в 1960-х годах бирманские военные разработали стратегию отсечения четырех самых важных ресурсов («Four cuts policy»), необходимых для существования этнических армий в зонах конфликта, а именно отсечения их доступа к провианту, денежному финансированию, потенциальным новобранцам и информации. Эта стратегия — одна из основных причин серьезных нарушений прав человека в этнических районах. Выполнение стратегии сопровождается насильственным переселением гражданского населения. Сжигаются целые деревни, чьи жители переселяются в подконтрольные армии районы, чтобы лишить население возможности предоставлять повстанцам необходимые ресурсы. С 1996 по 2010 г. 3 500 деревень были уничтожены войсками военного режима или перемещены [1]. Таким образом, огромное количество внутренне перемещенных лиц (Internally Displaced Persons — IDPs) не имеет доступа к гуманитарной помощи в районах Восточной Бирмы, потому что центральное правительство ограничивает доступ агентств ООН и других организаций в конфликтные зоны. В начале 2011 г. в ответ на тенденцию формирования союзов между этническими армиями правительство Бирмы добавило к стратегии отсечения четырех самых важных ресурсов пятый элемент, а именно пресечение связи между союзными армиями, что обострило ситуацию в зонах конфликта [2].

Считается, что 30 марта 2011 г. стратегический «план достижения демократии» («roadmap to democracy»), введенный военной хунтой, подошел к концу. Этот план был разработан Государственным советом мира и развития (State Peace and Development Council — SPDC), сформированным в 1997 г. и сменившим военное правительство Государственного совета восстановления законности и порядка (State Law and Order Restoration Council — SLORC), который существовал с 1988 по 1997 г. План включал в себя семь шагов на пути к демократии, самыми важными из которых были принятие новой конституции (Конституции 2008 г.) и начало работы выборных законодательных органов — парламента (2010). В 2011 г. новый президент Тейн Сейн и 30 министров приняли присягу. Эта церемония ознаменовала роспуск Государственного совета мира и развития, т. е. символическое окончание целой эпохи военного правления в Бирме. Официально военная хунта была отстранена от государственных дел, однако факты и цифры говорят о том, что правительство лишь сменило военную форму на традиционный бирманский костюм.

В парламенте по результатам выборов 7 ноября 2010 г. 85% мест принадлежат Партии союза солидарности и развития (Union Solidarity and Development Party — USDP). Эта партия была создана бирманским режимом для участия в выборах на основе Ассоциации союза солидарности и развития (USDA) — главной организации, посредством которой Государственный совет мира и развития выполнял свои функции. Помимо этого, Конституция 2008 г. гласит, что ради «дисциплинирован-

ной процветающей демократии» за военными резервируется 25% мест в парламенте. Таким образом, подавляющее большинство в парламенте занимают бывшие сторонники хунты или сами военные.

Заседания парламента строго контролируются, а доступ гражданских лиц на эти заседания ограничен. Более того, существуют законы, запрещающие депутатам давать комментарии, которые могут стать угрозой национальной безопасности и единству страны, а также подразумевающие двухлетний срок заключения за распространение информации о темах, которые рассматривались на заседаниях парламента. Вопросы, выдвигаемые депутатами, «не должны влиять на международные отношения, приводить к разглашению государственной тайны или подрывать интересы граждан» [3, р. 7]. Парламенты на местах, которые считаются одним из наиглавнейших демократических достижений в Бирме, по факту имеют мало веса и недостаточно государственного финансирования. На заседаниях сессий местных парламента, которые порой длятся от 5 до 20 минут, как сообщает англоязычная правительственная газета «Новый свет Мьянмы» («New Light of Myanmar»), где печатаются отчеты о ходе каждого заседания, обсуждаются лишь многочисленные перестановки в государственных комитетах [4].

Почти 2 года, прошедших с момента прихода президента Тейн Сейна к власти, показали, что он склонен к демократическим реформам. Но каждый шаг вперед сопровождают 2 шага назад или контрмеры. Например, режим Тейн Сейна провел целый ряд политических амнистий, приуроченных к большим международным конференциям и мероприятиям, в которых Бирма хотела бы показать себя с наилучшей стороны. Так, больше 700 политических заключенных были освобождены из-под стражи. Однако с января 2012 г. как минимум 200 человек были снова арестованы по политическим мотивам, на 60 из которых заведены уголовные дела [5, р. 3].

Любимый лидер бирманской демократической оппозиции Аун Сан Су Джи, освобожденная из-под домашнего ареста в 2010 г., смогла совершить свои первые поездки за границу во время правления Тейн Сейна [6]. Помимо этого, она и еще 40 членов ее партии «Национальная лига за демократию» (National League for Democracy — NLD) были избраны в парламент дополнительными выборами в апреле 2012 г. Однако их влияние в ходе парламентских сессий ограничилось тремя предложениями и несколькими вопросами. Аун Сан Су Джи все же была избрана главой Комиссии по законности, миру и стабильности, которая должна рассматривать нынешнее законодательство и вносить рекомендации по его изменению [7].

Несмотря на все «позитивные изменения» в Бирме и «приверженность» правительства «делу продолжения политических реформ, демократизации и национального примирения», Совет по правам человека ООН в марте 2013 г. в очередной раз выразил озабоченность по поводу сохраняющихся нарушений прав человека, зафиксировав «произвольное заключение под стражу, насильственное перемещение, конфискацию земельных участков, изнасилования и другие формы сексуального насилия, пытки и жестокие, бесчеловечные и унижающие человеческое достоинство виды обращения», а также «нарушения международного гуманитарного права и вербовку детей-солдат» [8, р. 2]. Все вышеперечисленные нарушения прав человека, включая политическую, расовую, этническую, культурную и религиозную нетерпимость и преследование, продолжают оставаться причиной массового исхода беженцев в соседние страны.

Так, летом 2011 г. в штате Качин началась новая война. Бирманское правительство нарушило соглашение о прекращении огня, подписанное с Армией независимости качинов 13 лет назад. Новые военные действия в этнических районах направлены в основном против групп, отказавшихся преобразовать свою армию в так называемые Пограничные силы (border guard force), подконтрольные правительству. Вслед за войной в штате Качин большинство этнических районов оказались под ударом правительственных войск, начавших масштабное наступление. Только с июня 2011 г. 90 тыс. человек были вынуждены покинуть места своего обитания. Уже в 2012 г. президент Тейн Сейн приказал армии прекратить наступление, но случаи мародерства и стычек между армейскими подразделениями и повстанцами продолжаются [5, p. 17].

«Особую озабоченность» Совет по правам человека ООН выражает по поводу положения меньшинства рохингья в штате Ракхайн на юго-западе Бирмы, настоятельно призывая правительство «принять меры к улучшению положения этого меньшинства, а также защите всех прав человека его представителей, отменить и/или изменить законы, которые лишают рохингья, в частности, права на регистрацию рождения детей, возможности вступать в брак и свободы передвижения, в том числе равного доступа к гражданству» [8, p. 3]. В штате Ракхайн проживает около 800 000 представителей народности рохингья, некогда морских цыган, чье происхождение не установлено. По некоторым версиям рохингья, этнически и лингвистически родственные народам Индии и Бангладеш, — автохтонное население штата Ракхайн. Согласно другим версиям, они переселились в этот штат из соседних стран в период Британского господства в Бирме. Дискриминация мусульманской народности рохингья в Бирме усилилась после столкновения между буддийским и мусульманским населением из-за скандала, разразившегося в июне 2012 г. и связанного с изнасилованием буддийской девочки. В результате межобщинной напряженности и беспорядков в штате 100 тыс. рохингья считаются внутренне перемещенными лицами. Вместо принятия мер по решению этой проблемы президент Тейн Сейн предложил переселить представителей народности рохингья в третьи страны или разместить их в лагерях для беженцев ООН. Даже глава Комиссии по правам человека Бирмы Вин Мра (араканец по происхождению) неоднократно заявлял, что в «стране вообще нет такой народности, как рохингья» [9]. Рохингья, которым бирманский режим отказывает в гражданстве, на протяжении долгих лет испытывают гонения и совершают многократные попытки достигнуть берегов ближайших стран на простых лодках, которые правительства других стран отправляют обратно в море. Судна с беженцами рохингья неоднократно задерживались тайской полицией у берегов королевства. Но Таиланд редко предоставляет им убежище. Так, в 2009 г. произошла громкая история, когда Таиланд отказался принять почти 200 человек, которые были впоследствии найдены мертвыми в море [10].

Таиланд склонен рассматривать поток беженцев из Бирмы как прямую угрозу национальной безопасности и стабильности в связи с тем, что иммигранты приносят с собой не только нелегальные товары, но и мутирующие лекарственно устойчивые виды туберкулеза, малярии, ВИЧ инфекции и СПИДа (связанные с внутривенным использованием наркотиков переселенцами из страны) [11, p. 4].

Согласно статистике Международной организации по миграции, на 2010 г. в девяти лагерях для беженцев на территории Таиланда проживало более 140 тыс. бе-

женцев [12]. В большинстве своем это карены и кайя. Помимо этого, количество незарегистрированных переселенцев в поисках работы может достигать 1 млн. Официальные данные Агентства ООН по делам беженцев за 2012 г. называют цифру 84 тыс. зарегистрированных беженцев и почти 20 тыс. лиц, ищущих убежища [13]. Таиланд не ратифицировал Конвенцию по делам беженцев 1951 г. и Протокол 1967 г., таким образом оставляя за собой право давать достаточно узкое определение понятию «беженец» — «лицо, вынужденное покинуть страну происхождения в результате вооруженного конфликта». Так, многие из новоприбывших переселенцев, которые пересекли границу с Таиландом во избежание политического преследования, гонений по этнической и религиозной принадлежности, не имеют статуса беженцев в королевстве и подвергаются депортации.

Нелегальная миграция криминализуется и рассматривается Таиландом как угроза национальной безопасности, но граница между статусом беженца, легального и нелегального иммигранта настолько размыта, что часто все мигранты из Бирмы сталкиваются с пренебрежением со стороны власти, отсутствием возможности интеграции в тайское общество и видятся угрозой стабильности государства в глазах тайцев.

Исследование, проведенное автором во время учебы в Чуалонгкорнском университете в пограничном г. Мэсот, ярко подтверждает гипотезу о том, что будущее беженцев и экономических мигрантов в Таиланде мрачно. Возможность получения образования считается ключом к более светлому будущему, однако молодое поколение выходцев из Бирмы, которое прибыло в Таиланд вместе с родителями и поделило все их невзгоды, до совсем недавнего времени не имело права на образование в Таиланде. Власти Таиланда по соображениям безопасности (сложности с легальным статусом иммигрантов, возможность волнений на границе) были согласны предоставить право получения школьного образования только детям официально зарегистрированных беженцев, признанных Агентством ООН по делам беженцев. То есть только дети, проживающие на территории лагерей для беженцев (например лагерь Умпьен Май в районе г. Мэсот), могли посещать школу на территории лагеря. Как уже отмечалось, официальный статус беженца получают далеко не все иммигранты из Бирмы. Многие живут в Таиланде за пределами лагерей уже более 30 лет, но не имеют легального статуса и постоянно находятся под угрозой депортации. Таким образом, вплоть до 2005 г. жителям района г. Мэсот приходилось ежегодно удовлетворять потребность в образовании в среднем 30 тыс. детей школьного возраста самостоятельно, без помощи тайского правительства. Так, в районе появилось 70 учебных центров, осуществляющих свою деятельность при помощи международных доноров и местных некоммерческих организаций.

Таиланд ратифицировал Конвенцию ООН по правам ребенка, закрепляющую равное право всех детей на территории королевства на образование вне зависимости от легального статуса и национальности, еще в 1992 г. Но только в 2005 г. в Таиланде вышел закон об «Образовании для всех», закрепляющий право детей из Бирмы ходить в школу. Однако, как оказалось, плата за школьную форму, учебники — непосильное бремя для семьи мигрантов из Бирмы, которые получают в среднем 3000 батов (100 USD). На средства, необходимые для покрытия школьных расходов, они должны целый месяц содержать семью. Также дети чувствуют себя некомфортно, обучаясь на тайском языке, многие из них отстают от сверстников. Поэтому, не-

смотря на изменения в законодательстве, детям иммигрантов до сих пор приходится ходить в созданные учебные центры, где преподавание ведется на родном им языке. Министерство образования Таиланда столкнулось с проблемой аккредитации таких центров. Сертификат о среднем школьном образовании, выдаваемый ими, не может быть приравнен к тайскому школьному диплому из-за разницы в языке преподавания, разницы в учебном плане. Таким образом, выпускники этих центров лишь в редких случаях могут быть приняты в частные высшие учебные заведения. Государственные университеты не признают полученных бирманскими детьми сертификатов [14].

За время пребывания в г. Мэсот автор имела возможность провести фокус-группы и неструктурированные интервью с выпускниками 12-го класса учебного центра Са Ту Лей, где учатся дети нелегальных иммигрантов из Бирмы (в основном шаны и карены), а также с представителями местной администрации, директорами некоммерческих организаций и крупных предприятий в районе. Как оказалось, даже школьный сертификат не гарантирует более высокую зарплату и более выгодную позицию выпускнику школы на тайском предприятии, потому что статус нелегального иммигранта не позволяет ему получать больше установленной зарплаты.

Большинство детей, с которыми автору довелось беседовать, говорили о том, как важно для них получить образование, достичь чего-то в жизни. Выбор их планов на будущее ограничен лишь двумя возможностями — работать на благо своего маленького сообщества в г. Мэсот или вернуться на родину. В общем, они правы. Других возможностей у них просто нет, потому что Таиланд отвергает любые попытки интеграции беженцев и экономических иммигрантов из Бирмы в тайское общество.

В Бирме же к «предателям», вернувшимся на родину, долгое время относились с подозрением. Бирманский режим даже совершал нападения на пограничные лагеря для беженцев. Сейчас правительство Тейн Сейна ведет переговоры о возможном переселении беженцев в штат Карен. Однако, пожалуй, эти попытки преждевременны. На территории штата то и дело вспыхивают столкновения между местными этническими армиями и правительственными войсками, а безопасность возвращающихся беженцев подрывает наличие наземных мин в 47 районах Восточной Бирмы [5, p. 13].

В статье предложено видение автора ситуации на границе Таиланда и Бирмы. В ходе исследовательской работы в Бангкоке и на границе был сделан вывод о том, что к начавшимся демократическим переменам в Бирме следует относиться с большой осторожностью. Эта страна, как верный соратник Китая в Юго-Восточной Азии, долгое время удивляла мировое сообщество своим постоянством в невнимании к его мнению и попытками «разрешить» свои внутренние проблемы. Новое правительство Бирмы, кажется, прислушалось к мнению Запада и с 2011 г. стало совершать осознанные, но не всегда последовательные реформы. Причиной этих реформ может быть желание скорейшей отмены западных экономических санкций. Возможно, стремление правительства обеспечить себе позицию председателя саммита АСЕАН в 2014 г. и таким образом получить международное признание также стало причиной «игры в демократизацию».

В этом контексте также следует отметить, что одним из рычагов воздействия стран Запада на бирманский режим была кампания по созданию Комиссии Совета Безопасности ООН по расследованию преступлений против человечества и нару-

шений прав человека, совершенных военной верхушкой Бирмы. Если бы комиссия признала режим виновным, то дело могло быть передано в Международный криминальный суд. Интересно, что Россия и Китай, постоянные члены Совета безопасности ООН, неизменно налагают вето на все проекты резолюции ООН по Бирме. С отменой санкций или, наоборот, с созданием следственной комиссии мировое сообщество, а именно страны Запада, получит доступ к Бирме и ее ресурсам, что противоречит геополитическим и экономическим интересам Китая, доминирующе в регионе. Поэтому перед новым правительством Бирмы стоит сложная задача найти выгодный для себя баланс между геополитическими соперниками. Здесь немаловажную роль играет фактор возможного возвращения на родину тысяч беженцев. Масса беженцев может стать инструментом дестабилизации ситуации внутри Бирмы и в регионе. Этот инструмент может быть умело использован самой Бирмой при ведении переговоров с мировым сообществом, а может быть разыгран как Китаем, так и Западом, имеющим определенные рычаги влияния на беженцев, в собственных интересах.

Что касается Таиланда, то депортация беженцев из Бирмы, проживающих в лагерях и за их пределами вдоль западной границы страны, стала бы самым легким способом решения многих проблем безопасности для королевства. Однако последствия переселения обратно в Бирму 140 тыс. беженцев, многие из которых за неимением возможности получить традиционное тайское образование воспитывались различными некоммерческими организациями, впитывая прозападные идеи, непредсказуемы. Это может привести не только к новым внутренним конфликтам в Бирме и новым переселенцам в Таиланд, но также, возможно, будет способствовать смене геокультурной ориентации западного соседа королевства и региональной дестабилизации.

Литература

1. Universal Periodic Review (UPR) Submission on Burma. International Federation for Human Rights (FIDH) & Alternative ASEAN Network on Burma (Altsean-Burma) Publication. July 2010. URL: <http://www.altsean.org/Docs/PDF%20Format/Special%20Reports/UPR%20Submission%20on%20Burma.pdf> (дата обращения: 16.06.2013).
2. *Wai Moe*. Naypyidaw orders new "Four Cuts" campaign // Irrawaddy. May 4, 2011. URL: <http://www.burmanet.org/news/2011/03/04/irrawaddy-naypyidaw-orders-new-%E2%80%9Cfour-cuts%E2%80%9D-campaign-%E2%80%93-wai-moe/> (дата обращения: 16.06.2013).
3. Locked in, tied up: Burma's disciplined democracy. Burma Issues and Concerns. Vol. 7. Altsean-Burma Publication. April 2011. 52 p.
4. Fourth-day regular session of first Pyidaungsu Hluttaw held approval sought for union ministers nine members, chairperson for Constitutional Tribunal of the Union submitted to Pyidaungsu Hluttaw // New Light of Myanmar. February 12, 2011. URL: <http://www.burmalibrary.org/docs11/NLM2011-02-12-text.pdf> (дата обращения: 15.06.2013).
5. Not all that glitters is gold: Burma's façade of reform. Burma Issues and Concerns. Vol. 8. Altsean-Burma Publication. October 2012. 40 p.
6. Aung San Suu Kyi arrives in Oslo to give Nobel speech // BBC News Europe. June 15, 2012. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-18454243> (дата обращения: 16.06.2013).
7. *Soe Than Lynn*. NLD leader pledges to safeguard rights of society in committee role // Myanmar Times. Vol. 32, N 630. August 13–19, 2012. URL: <http://mmtimes.com/2012/news/639/news63922.html> (дата обращения: 16.06.2013).
8. Совет по правам человека ООН. 22 сессия. Ситуации в области прав человека, требующие внимания со стороны совета / Положение в области прав человека в Мьянме, 19 марта 2013. 5 с. // UN Human Rights Council. 22nd session. Human Rights Situations that Require Council's Attention / Situation

of human Rights in Myanmar, 19 March 2013. 5 p. UN Doc: HRC A/HRC/22/L.20/Rev.1. URL: <http://www.burmalibrary.org/docs15/HRC22-resL20-rev.1-ru.pdf> (дата обращения: 16.06.2013).

9. Office of the High Commissioner for Human Rights. Committee on the Rights of the Child. 36th session, Summary Record of the 960th Meeting: Myanmar, 06 June 2004. UN Doc: CRC/C/SR.960. URL: [http://www.unhcr.ch/tbs/doc.nsf/\(Symbol\)/da8d86bf0b0b1a21c1256faa0049b4f5?Opendocument](http://www.unhcr.ch/tbs/doc.nsf/(Symbol)/da8d86bf0b0b1a21c1256faa0049b4f5?Opendocument) (дата обращения: 16.06.2013).

10. Thailand: UNHCR seeks access to Rohingya boat people // IRIN Humanitarian News and Analysis. January 29, 2009. URL: <http://www.irinnews.org/report/82635/thailand-unhcr-seeks-access-to-rohingya-boat-people> (дата обращения: 16.06.2013).

11. The security dimension. Burma Issues and Concerns. Vol. 4. Altsean-Burma Publication. April 2007. 40 p.

12. Thailand Migration Report 2011 / ed. by A. Chamrathirong, J. Hugué. International organization for Migration. URL: <http://www.un.or.th/documents/TMR-2011.pdf> (дата обращения: 15.06.2013).

13. 2013 UNHCR country operations profile — Thailand. UNHCR The UN Refugee Agency. URL: <http://www.unhcr.org/cgi-bin/texis/vtx/page?page=49e489646&submit=GO> (дата обращения: 15.06.2013).

14. *Sawadee O.* Certifying refugee education. Problems faced by Burmese refugees in Thailand / ed. Su-Ann Oh. Issue Paper No 2. ZOA Refugee Care, Mae Sot. September 2008.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2013 г.

IN MEMORIAM

ПРОФЕССОР Е. А. СЕРЕБРЯКОВ (1928–2013).
ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

Накануне рождественских праздников, в январе 2012 г. пришло печальное известие: скончался выдающийся ученый, наставник многих поколений синологов — профессор Евгений Александрович Серебряков.

Для Восточного факультета СПбГУ Евгений Александрович был не просто живой легендой, в течение 37-ми лет возглавлявшей кафедру Китайской филологии, не просто крупным исследователем, удостоенным всех возможных университетских наград (в том числе и самой высокой — звания Почетного профессора), но одним из олицетворений востоковедного сообщества наших дней. Именно его стараниями, а также трудами коллег и учеников современное российское китаеведение вновь заставило говорить о себе как об одной из лидирующих научных школ в международном масштабе.

Евгений Александрович был особенным человеком и в моей жизни: я видел его еще до поступления в университет на мероприятиях Дома дружбы, на немногочисленных, тогда только-только зарождавшихся после долгого перерыва общегородских событиях, посвященных Китаю. На Восточном факультете я был студентом возглавляемой им кафедры и «личным» научным воспитанником: Евгений Александрович взял руководство над моими курсовыми сочинениями с самого первого года, и с тех пор неизменно оставался наставником и при написании кандидатской диссертации, и при обдумывании проблематики докторской. И все эти годы я не уставал поражаться тем удивительно светлым отношением к миру, которым в высшей мере обладал Евгений Александрович Серебряков, черпая его в избранной однажды любимой профессии.

Евгений Александрович закончил университет в 1950 г. Это был первый послевоенный выпуск, собравший вместе людей, пришедших к увлеченности Китаем разными путями. Для Евгения Александровича его интерес к будущему делу жизни зародился еще в школе; как сам он любил вспоминать, толчком к этому интересу послужили сводки новостей об освободительной войне Китая против Японии, но от политических и военных вопросов увлеченность вскоре перешла в область литературы и истории, и именно эта сфера оставалась неизменной на протяжении всех последующих лет.

По свидетельству Евгения Александровича, интерес к классической китайской поэзии был привит ему на лекциях одного из крупнейших синологов XX в. — академика Василия Михайловича Алексева, знатока традиционной литературы и культуры Китая, сумевшего передать эстафету научного китаистического литературоведения целой плеяде своих учеников и последователей: кроме самого Евгения Александровича, здесь нельзя не назвать и профессора Льва

Сторожук Александр Георгиевич — д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: alexandre.storozhuk@gmail.com

© А. Г. Сторожук, 2013

Николаевича Меньшикова, и академика Бориса Львовича Рифтина, и выдающегося исследователя и педагога — Виктора Васильевича Петрова. Василий Михайлович не только сам рассказывал студентам о сокровищах словесности Китая, но привлекал для этого и талантливых коллег из других научных центров и других городов: так, по его приглашению Лев Залманович Эйдлин специально приехал из Москвы и читал на кафедре лекции.

Обстановка творчества, поиска, сплоченности единомышленников — то, что Евгений Александрович впитывает с первых дней учебы на факультете и то, что сам он будет всесторонне поддерживать на протяжении всех 37 лет руководства кафедрой китайской филологии, которую он возглавил в 1960 г. Во многом именно благодаря его усилиям на кафедре складывается уникальный коллектив ученых и педагогов, прославивший ленинградскую синологическую школу: здесь преподают Николай Алексеевич Спешнев, впоследствии — профессор, доктор филологических наук, выдающийся специалист по китайскому языку и этнопсихологии; Пан Ин, впоследствии — кандидат филологических наук, доцент, исследователь романа «Сон в красном тереме», бессменный «сяньшэн» многих поколений ленинградских китаистов; Сергей Евгеньевич Яхонтов, однокурсник Евгения Александровича, крупный лингвист, впоследствии воспитавший плеяду известнейших экспертов в области языкознания, и целый ряд других ученых, прославившихся в разных областях синологии. Однако же на кафедре активно развивается не только китаистическое направление: одновременно ведется активное и успешное исследование языков и культур других стран региона, как традиционных для отечественной науки, так и ранее не изучавшихся. Корея, Лаос, Бирма, Таиланд, Вьетнам, Филиппины, Камбоджа — языки и литературы этих стран изучаются и преподаются на кафедре, преобразуя ее в не имеющий аналогов научно-педагогический центр, далеко перешагнувший рамки отдельной локальной традиции и охватывающий подавляющую часть дальневосточного и юговосточно-азиатского ареала.

Научные интересы Евгения Александровича неизменно остаются в области китайской литературы, и хотя сам он неоднократно любил подчеркивать, что древность и современность должны в равной степени определять кругозор синолога, изыскания профессора Серебрякова затрагивают сферу именно классической словесности Китая. Изучая поэтов минувших эпох, Евгений Александрович словно бы проживает с ними еще одну судьбу: «Я прожил несколько жизней с теми, чье творчество исследовал», — любил повторять он. Первой судьбой, которую Евгений Александрович «сопережил», была полная драматизма история жизни и творчества величайшего поэта Китая — Ду Фу (712–770). И кандидатская диссертация, и первая монография были посвящены ему. Мировоззрение Ду Фу, его идеалы и устремления настолько заполняют мысли ученого, что самого Евгения Александровича начинают в шутку называть «наш Ду Фу»; впоследствии появляется и домашний питомец — собачка с весьма красноречивым прозвищем Дуфик.

Умение анализировать классические произведения, способность воссоздавать стремления и чаяния людей, живших более тысячи лет назад на другом конце земли, — все это, приобретенное и отточенное во время работы над биографией Ду Фу, находит дальнейшее развитие в фундаментальном труде, посвященном жизни и творчеству одного из крупнейших поэтов Сун — Лу Ю (1125–1210). Докторская диссертация об этом поэте и государственном деятеле, а затем и монография, изданная в 1973 г., — это еще одна «сопережитая» судьба, еще одна биография, скрупулезно восстановленная и заново пройденная исследователем. И именно работа над ней зарождает у Евгения Александровича сразу несколько идей, которым впоследствии суждено было воплотиться в отдельные сочинения.

Во-первых, знакомство с наследием Лу Ю, а также и интерес к другим выдающимся литераторам эпохи Сун рождает намерение подробнее остановиться на художественных идеях важнейших реформаторов словесности этого времени. В 1970–1980-х годах Евгений Александрович публикует статьи, посвященные творчеству Оуян Сю, Ван Ань-ши, Фань Чэн-да. Изучение произведений Фань Чэн-да впоследствии перерастает в третью «сопережитую» биографию и найдет выражение в ряде научных работ, последние из которых появятся в середине 2000-х.

Во-вторых, разнообразие поэтических форм, характерных для эпох Тан и Сун, рождает идею о необходимости описать важнейшие жанры и сделать достоянием научной общественности анализ их структуры. Эта идея блестяще воплощается в монографии 1979 г., ставшей классикой отечественного китаеведения.

Евгений Александрович активно занимается переводческой деятельностью: он переводит и классические пьесы (например «Осень в ханьском дворце» Ма Цзи-юаня, перевод выполнен в соавторстве с Е. Витковским), и современную прозу (произведения Мао Дуня, Чжан Тянь-и), минские романы (в соавторстве с Б. Лисицей в 1968 г. выходит его переложение для детей романа «Речные заводи» Ши Най-аня) и сунские бицзи. Последние также становятся темой отдельных научных изысканий, осуществившихся на протяжении ряда лет и представленных в обширных публикациях, в том числе и в монографии, написанной в сотрудничестве с И. Алимовым.

Отдельной сферой научных интересов Евгения Александровича было взаимное влияние русской и китайской литературных традиций. Этот интерес воплощался в исследованиях о влиянии работ крупнейших русских писателей на культурную жизнь Китая (например, «Гоголь в Китае» (1988), «Чехов в Китае» (2005)) и в изучении жизни и деятельности переводчиков и пропагандистов русской литературы — отдельное изыскание Евгения Александровича было посвящено выдающемуся деятелю в этой области, почетному доктору СПбГУ Цао Цзинхуа.

Однако многообразие проявлений таланта и творческой энергии Евгения Александровича не исчерпывалось исследованиями, переводами, руководством кафедрой. Им были разработаны и в течение многих лет читались уникальные курсы лекций (например, «Поэтика китайского классического стиха», «Теория и практика перевода китайской классической поэзии на русский язык»), он возглавлял оргкомитеты крупных международных конференций, руководил правлением ленинградского Общества советско-китайской дружбы...

Казалось, что поток этой энергии не иссякнет, что Евгений Александрович и дальше будет исследовать, переводить, руководить, обучать, давать советы, хлопотать за сотрудников своей кафедры... (Кстати сказать, этот талант Евгения Александровича тоже трудно переоценить; когда-то он мудрым советом в буквальном смысле спас автора этих строк от катастрофы, разывшейся по недоразумению во время заграничной стажировки.) Но все переменялось после внезапной кончины супруги Евгения Александровича. Не будучи в силах смириться с потерей, спустя недолгое время после трагедии Евгений Александрович принимает решение оставить должность заведующего кафедрой. Однако, оставаясь профессором Восточного факультета, Евгений Александрович продолжает быть главным арбитром во всех вопросах, связанных с китаистикой; он не отходит от дел кафедры до самых последних дней, даже когда тяжелая болезнь не позволяла уже вставать с постели.

Сегодня Евгения Александровича больше нет с нами. Но есть его ученики, есть написанные им книги, есть разработанные им курсы... И есть память. И люди, учившиеся у него, работавшие всю жизнь вместе с ним, под его руководством. И когда эти выросшие его ученики — та кафедра, которой он столько лет руководил, — собираются вместе, кажется, что вот откроется дверь, и Евгений Александрович — большой, высокий — войдет и сядет вместе со всеми, как обычно, улыбаясь из-под очков и повторяя свое незабвенное: «Ну... И чудненько!».

А. Г. Сторожук

Избранные научные публикации Е. А. Серебрякова

Монографии

1. Вслед за кистью: Материалы к истории сунских авторских сборников бицзи: Исследования, переводы. Ч. II. СПб., 2004. (В соавторстве с И. А. Алимовым).
2. Ду Фу: Критико-биографический очерк. М., 1958.
3. Китайская поэзия X–XI веков (жанры ши и цы). Л., 1979.

4. Лу Ю. Жизнь и творчество. Л., 1973.
5. Лу Ю. Поездка в Шу (Перевод, комментарии и исследование). Л., 1968.
6. Справочник по истории литературы Китая (XII в. до н.э. — начало XXI в.). Имена литераторов, названия произведений, литературоведческие и культурологические термины в иероглифическом написании, в русской транскрипции и переводе. М., 2005 (В соавторстве с А. А. Родионовым и О. П. Родионовой).

Статьи

7. О художественном своеобразии творчества танской поэтессы Сюэ Тао (786?–831?) (На основании данных частотного словаря иероглифов) // Востокведение. № 8. Л., 1981.
8. О Цюй Юане и чуских строфах // Литература Древнего Китая. М., 1969. С. 172–204.
9. Роль личных имен в китайском классическом стихе // Востокведение. Л., 1987. С. 110–121.
10. Гоголь в Китае // Гоголь в мировой литературе. М., 1988. С. 225–274.
11. Чехов в Китае // Литературное наследие. Т. 100. М., 2005. С. 5–51.
12. Жизненный и творческий путь профессора Цао Цзинхуа (1897–1987), видного литературного деятеля Китая, крупнейшего знатока и переводчика русской литературы, почетного доктора Санкт-Петербургского университета // Взаимовлияние литератур Европы и Азии и проблемы перевода. СПб., 1999. С. 3–109.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2013 г.

АННОТАЦИИ

УДК 94

Дьяков Н.Н. **Россия и Марокко: основные этапы и черты эволюции двусторонних связей в XX веке** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 4. С. 3–11.

Статья посвящена 115-летию установления официальных межгосударственных отношений между Россией и Марокко — одной из стран арабского Магриба. Автор освещает и анализирует основные этапы и особенности развития политических, экономических и культурных связей России с Королевством Марокко от доколониальной эпохи, периода протектората — до обретения страной национального суверенитета и становления независимой внешней политики в конце XX в. Библиогр. 19 назв.

Ключевые слова: Россия, Марокко, двусторонние политические, культурные связи.

УДК 811.512.161

Аврутина А.С. **О специфике морфонологии как особой подсистемы языка (на материале современного турецкого языка)** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 4. С. 12–17.

Настоящая статья посвящена (1) проблеме статуса языковых подсистем восточных языков на примере современного турецкого языка, (2) определению структурной единицы данной подсистемы на материале тюркских языков, а также (3) сделана попытка определения принципа выбора основного варианта морфемы либо морфемы на указанном материале. В результате того, что в восточной лингвистике долгое время главенствовали индоевропейские представления, литература нередко демонстрировала попытки навязать восточным и, в частности, тюркским языкам, если не индоевропейскую структуру подсистем, то, по крайней мере, индоевропейские представления об этих подсистемах и об их инвентарных и структурных единицах. В данной статье предпринимается попытка показать структурные различия между тюркской морфонологической подсистемой языка и морфонологической подсистемой любого индоевропейского языка. Библиогр. 23 назв.

Ключевые слова: тюркские языки, урало-алтайские языки, турецкий язык, морфонология, морфонология, фонема, морфонема, чередование фонем, формоизменение, гармония гласных.

УДК 94

Гизбулаев М.А. **Источниковедческий анализ сочинения «И лам ат-тилмиз би ахкам ан-набиз»** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 4. С. 18–24.

Статья посвящена изучению правовых положений фикха, где основное место отведено вопросам набиза (*буза*), помещенных в произведении докапиталистического Дагестана «*И лам ат-тилмиз би ахкам ан-набиз*» (Уведомление ученика по вопросам набиза) Абу Бакра ал-Муавийи (ум. 1791). В ней приводится характеристика дагестанской арабской рукописи, вводится в научный оборот ранее неизвестное российской арабистике правовое сочинение аварского правоведа, предлагается его содержательный и лексический анализ. Библиогр. 9 назв.

Ключевые слова: рукопись, фикх, набиз, алкоголь, мазхаб, мусульманское право, мнения.

УДК 94

Зеленев Е.И. **«Жемчужное дерево» и «Повелитель луны»: возникновение государства мамлюков** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 4. С. 25–31.

На основе арабских источников, среди которых важное место занимает хроника выходца из мамлюкской среды Бейбарса аль-Мунсури (ум. 1325), а также классических работ в области востоковедения, исследований современных российских и зарубежных ученых в статье рассмотрены основные события, связанные с падением династии Аййубидов, приходом к власти мамлюков и деятельностью вдовы предпоследнего аййубидского султана, Шаджарат ад-Дурр, которая стала правительницей Египта. Библиогр. 14 назв.

Ключевые слова: мамлюки, Аййубиды, Шаджарат ад-Дурр, Египет, Сирия.

УДК 94

Илюшина М. Ю. **Борьба за власть в Мамлюкском султанате в первый период правления Баркука (1382–1389)** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 4. С. 32–45.

На основе опубликованных и рукописных арабских источников, а также классических работ в области востоковедения, исследований современных российских и зарубежных ученых в статье рассмотрены основные события политической истории Египта и Сирии в период правления султана Баркука (1382–1389; 1389/1390–1399). Библиогр. 27 назв.

Ключевые слова: мамлюки, султан Баркук, Египет, Сирия, черкесы.

УДК 94

Яфарова З. Г. **Место журнала «Хаят» (1926–1929) в истории турецкой периодической печати** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 4. С. 46–51.

Журнал «Хаят» (1926–1929) представляет собой печатное периодическое издание, в котором получили освещение различные культурно-просветительские, историко-социологические, литературно-художественные, а также научно-технические темы. В первые два года издания журнала все материалы печатались арабской графикой, а начиная с 29 ноября 1928 года, после перехода к использованию латинского алфавита, тексты стали печататься с использованием латиницы. Издание журнала «Хаят» осуществлялось при активной поддержке Министерства народного просвещения Республики Турция. Основная цель издания заключалась в том, чтобы информировать граждан нового государства о культурных и политических изменениях, происходящих в Турции после провозглашения республики. Вопросы, касающиеся турецкого языка, истории Турции, турецкой литературы, рассматривались в журнале с точки зрения современности и национальной самобытности турецкого народа. Важное место на страницах журнала «Хаят» занимает проблема развития новой системы народного просвещения. Первый издатель журнала Мехмет Эмин Эриширгиль излагал на страницах «Хаята» идеи философии прагматизма, а также прагматической «инструментальной» педагогики, которой суждено было стать фундаментом новой системы образования республиканской Турции. Библиогр. 5 назв.

Ключевые слова: печать в Турции, республиканская Турция, журнал «Хаят», Мехмет Эмин Эриширгиль, Авни Башман, прагматизм, прагматическая педагогика.

УДК 821.411.16

Маяцкая Е. Л. **Мифологические мотивы как средство постмодернистской иронии в романе Меира Шалева «Фонтанелла»** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 4. С. 52–60.

Данная статья посвящена роману известного израильского писателя Меира Шалева «Фонтанелла». Основное внимание исследователя сосредоточено на том, как автор использует мифологические мотивы для создания образов, пронизанных постмодернистской иронией. Художественному пародированию подвергаются как ветхозаветные сюжеты, так и образы современной израильской мифологии. Библиогр. 10 назв.

Ключевые слова: литература, Израиль, проза, иврит, литературоведение, постмодернизм.

УДК 821.581

Никитина А. А. **Особенности изображения героев в китайской романистике 50-х годов XX века** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 4. С. 61–67.

В статье кратко проанализированы особенности изображения персонажей в китайских произведениях крупного жанра, созданных после образования КНР — таких как роман Юань Цзин и Кун Цзюэ «Повесть о новых героях» (1949), Ян Мо «Песнь молодости» (1958), Фэн Дэина «Цветы осота» (1958), Чжоу Эрфу «Утро Шанхая» (1958). Герои романов традиционно для литературы Китая того времени делаются на положительных и отрицательных. В портретах положительных героев подчеркивается физическая сила, в женских образах приветствуются мужские черты внешности и поведения. Стремясь показать эволюцию в характерах персонажей, авторы романов, тем не менее, оказываются не слишком убедительными в раскрытии глубинных психологических мотивов тех или иных поступков. Героям несвойственны типичные человеческие инстинкты: чувство страха и самосохранения, материнский инстинкт защиты собственного ребенка. Дружба заменяется товариществом между людьми, разделяющими одни интересы, прежде всего идеологические. Любовные переживания героев показаны очень поверхностно: мономания героев — навязчивая одержимость одной единственной идеей служения партии — не оставляет в их сердцах места чувствам любви и привязанности,

страданию и горечи. Между тем, представители буржуазии в романе «Утро Шанхая» не так однозначны. Они выглядят более уникальными в проявлении своих страстей — к женщинам, деньгам, власти — страстей, может быть, порочных с точки зрения пропагандируемой в то время морали, но вечных, тревожащих сердца людей во все времена. Библиогр. 10 назв.

Ключевые слова: китайская литература, персонификация, КПК, идеология.

УДК 821.411.21

Суворов М. Н. **Новые романы из Йемена: между откровением и эпатажем** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 4. С. 68–78.

Примечательной чертой арабских литературных бестселлеров последнего десятилетия стала смелость в рассмотрении сюжетов, которые ранее в арабской литературе считались своего рода табу. Это интимные отношения между полами, критика архаичной культурной традиции, коррупции и политических репрессий в постколониальном арабском мире и т. п. Многие арабские авторы стремятся к нарушению табу любыми средствами — иногда даже за счет качества своих произведений. С этой точки зрения в статье анализируются три йеменских романа: «Красавчик-иудей» (2009) Али аль-Мукри, «Покорные жены» (2009) Надии аль-Каукабани и «Красный манускрипт» (2010) Мухаммеда аль-Гарби Амрана. Сюжет первого из этих романов представляет собой любовную историю юных мусульманки и иудея, случившуюся в Йемене в XVII в. Крайне маловероятная, история эта явно призвана шокировать читателя недопустимыми с точки зрения религии любовными отношениями. Второй роман представляет собой мозаику судеб йеменских женщин, страдающих в семейной жизни. Здесь много диких, «скандальных» эпизодов, которые можно объяснить лишь мужскими психическими расстройствами, случающимися не только в мусульманском обществе, и поэтому явное намерение автора показать негативные стороны мусульманской культурной традиции не получило убедительного воплощения. В третьем романе, своего рода эпопее, рассказывается история борьбы оппозиционного НДФ против правительства Северного Йемена в 1970–80-х годах. Автор, однако, в обилии «сдобрил» роман сценами сексуального характера, почти не имеющими прямого отношения к основной линии сюжета. Библиогр. 6 назв.

Ключевые слова: Йемен, арабская литература, арабская проза.

УДК 821.411.21

Тептюк П. С. **Некоторые особенности классической макамы** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 4. С. 79–84.

Большинство исследователей, давая определение классической макамы, приводят ее самые явные особенности (изящность стиля изложения, рифмованная ритмизованная проза, стихи, два постоянных героя), однако, по сути, они характерны и для некоторых других арабских жанров, а значит, не могут считаться различительными в полной мере. Данная статья посвящена изучению особенностей классической макамы, не нашедших должного отражения в специализированных востоковедных исследованиях. Из них можно назвать: условную историко-литературную классификацию внутри жанра; определение генезиса и функции традиционной вводной фразы в макамах; особое сочетание садж'а, прозы и стихов при свободе вымысла в повествовании; возможность изложения сюжета в стихах, дублирующих уже написанный ранее садж'ем текст; функции свободной прозы в повествовании классической макамы; виды и особенности садж'а, используемого в классических и постклассических макамах.

В статье определяются первостепенные отличия макамы от других жанров арабской литературы, называются условия, определившие популярность классической макамы, и указываются возможные причины столь сильной дифференциации макамы классических авторов и их постклассических последователей. Библиогр. 11 назв.

Ключевые слова: Арабская литература, макамы, ал-Жарйрй, рифмованная проза.

УДК 94(5)

Карташян А. З. **Некоторые аспекты формирования системы миллетов в Османской империи** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 4. С. 85–93.

Данная статья посвящена анализу роли миллетной системы в истории Османской империи. Система миллетов была религиозно-политической организацией, которая давала возможность немусульманским подданным регулировать проблемы внутри сообщества при условии признания

верховой власти султана и уплаты подушной подати. На первый взгляд, систему миллетов можно считать безупречной для управления немусульманской частью населения империи, так как, во-первых, система обеспечивала некое внутреннее самоуправление для членов миллета, а во-вторых, она подстраивалась под интересы Порты. Анализируя различные аспекты формирования и исполнения функции системы миллетов, автор приходит к выводу, что система миллетов исполняла бы свои функции должным образом, если бы этому содействовали центральное правительство и военные силы империи. Библиогр. 36 назв.

Ключевые слова: Османская империя, Система миллетов, армянский миллет, Армянское Патриаршество Константинополя, танзиматские реформы.

УДК 394.014

Котин И. Ю. Быть британцем / быть «азиатом» — дилемма британских «азиатов» в поэзии Далджита Награ // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 4. С. 94–107.

В статье анализируются поэтические произведения британского поэта пенджабского (индийского) происхождения Далджита Награ, посвященные судьбе индийской диаспоры, и даны переводы с пенглиша (пенджабского английского) фрагментов некоторых из них. Стихи Далджита Награ посвящены истории индийской миграции в Британию, проблеме социальной и культурно-бытовой адаптации иммигрантов, теме расизма, бракам по договоренности родителей, «мифу о возвращении» иммигрантов. Эти стихотворения — богатейший источник по этнографии индийцев в Великобритании. Библиогр. 9 назв.

Ключевые слова: индийцы, иммигранты, Великобритания, этнорасовые меньшинства, поэзия.

УДК 323.1

Пугачева Е. В. Таиланд и Бирма (Мьянма): будущее иммигрантов из Бирмы в Таиланде // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 4. С. 108–115.

Статья посвящена изучению причин исхода беженцев из Бирмы в более благополучный Таиланд и связанных с этим проблем безопасности на границе между двумя странами. Ситуация в пограничном регионе рассматривается в контексте стратегии национальной безопасности королевства Таиланд. Особое внимание в статье также уделяется вопросу будущего молодых иммигрантов в Таиланде и подходу королевства к проблеме их образования и будущей жизни. Анализ внутренней политики Бирмы, ставшей на путь демократических преобразований, основанный на личной работе автора с беженцами и полевых исследованиях в тайской части пограничного региона, определили актуальность и научную новизну данной статьи. Библиогр. 14 назв.

Ключевые слова: Бирма/Мьянма, Таиланд, беженец, этнические группы, политические преобразования, образование для всех.

ABSTRACTS

UDC 94

Dyakov N. N. **Russia and Morocco: Main Stages and Features of Evolution of the Bilateral Contacts in the 20th C.** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2013. Issue 4. P. 3–11.

Dyakov Nikolay N. — Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University, Russian Federation; e-mail: nick-d@mail.ru

The history of bilateral links between Russia and Morocco goes back to the late 18th C., when the first contacts were founded by a correspondence between Catherine the Great and the Moroccan Sultan Muhammad b. Abdallah. The present article is dedicated to the 115th anniversary of the official diplomatic relations between Russia and Morocco established in 1898. The author describes main stages and evolutions in the history of political and cultural interaction between the two countries during the 20th C., also giving an analysis of the present — day situation in the bilateral cooperation. Refs 19.

Keywords: Russia, Morocco, bilateral political, cultural relations.

UDC 811.512.161

Avrutina A. S. **The specifics of morphonology as an independent sub-system of a language (on the material of the modern Turkish)** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2013. Issue 4. P. 12–17.

Avrutina Apollinaria S. — Ph.D. in Linguistics, Associate Professor, St. Petersburg State University, Russian Federation; e-mail: apollinaria1@yandex.ru

The presented article discusses (1) the status for language sub-systems on the material of the modern Turkish language; (2) attempts to define the main structural unit of this sub-system, basing on the material of modern Turkic languages; (3) attempts to define the principle variant of morphoneme or morpheme on the mentioned material. Since Indo-European conceptions have been domineering in the Turkic linguistics for a long time, the scientific literature demonstrated some attempts to use these conceptions to study the Eastern, particularly the Turkic, languages, assuming Indo-European ideas about the language structure and its units. The terminology used in this article is based on the concepts developed within the framework of the Prague School and the ideas of Jan Baudouin de Courtenay. The research uses the statistical methods and diachronically based data. This article is an attempt to show the structural differences between the Turkic morphonological language sub-system and a morphonological sub-system of any Indo-European language. Refs 23.

Keywords: Turkic languages, Ural-Altai languages, Turkish language, morphonology, morphophonology, phoneme, morphoneme, alternation, morpheme forming, vocalic harmony.

UDC 94

Gizbulaev M. A. **Textological analyses of the “*ʿIlam at-tilmidh bi ahkam an-nabidh*”** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2013. Issue 4. P. 18–24.

Gizbulaev Magomed A. — Junior Research Fellow in the Department of Ancient and Medieval History of Dagestan of the Institute of History, Archaeology and Ethnography Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of the Sciences, Makhachkala, Dagestan, Russian Federation; e-mail: awariyav@gmail.com

The article examines the Muslim legal provisions which treat an issue of nabiz (millet beer) in the pre-Russian Dagestani work “*ʿIlam at-tilmidh bi ahkam an-nabidh*” (Notification to a student with regard to the statements on millet beer) by Abu Bakr al-Muawiya (d. 1791). He was a poet, lawyer and enlightener of the 18th century. The article is based on the content analysis of the most popular written work in the Arabic literary genre in Dagestan, known as “*al-Fiqh*”. The author highlights the underlying principles of Abu Bakr’s legal discourse as a key to discuss the issues of ethics, reason, values, and law teachings treated by the scholar in his work.

The article provides a thorough description of the Dagestan Arabic manuscript, introduces a so far unstudied legal work of the Avar lawyer in the Russian Oriental studies, analyses its linguistic and thematic content. Refs 9.

Keywords: manuscript, fiqh, nabidh, alcohol, mathhab, Islamic law, opinions.

UDC 94

Zelenev E. I. "Pearl tree" and "Lord of the moon": an origin of Mamluk state // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2013. Issue 4. P. 25–31.

Zelenev Evgeniy I. — Doctor of History, Professor, National Research University Higher School of Economics (NSE), Russian Federation; e-mail: evzelenev@gmail.com

The article is based on Arabic sources, classic and contemporary works of Russian and foreign scientists. One of the most important Arabic sources discussed in this article is a chronic "*Zubdat al-Fikra fi Ta'rikh al-Hijra*" of Beibars al-Mansuri (d. in 1325), who himself was of mamluk origin. The article is concerned with the main events of the period from 1249 — the death of the Ayyubid sultan Al-Salih Najm al-Din Ayyub — to 1257, when his widow Shadjarat ad-Durr was killed. The Ayyubid dynasty came to the end, and the Mamluks come to power. One of the figures of the political life of that period in Egypt was a widow of the penultimate Ayyubid sultan, Shadjarat ad-Durr, who became the ruler of Egypt. Refs 14.

Keywords: Mamluks, Ayyubid dynasty, Shajarat al-Durr, Egypt, Syria.

UDC 94

Iliushina M. Yu. Sultan Barquq and his time (1382–1399) // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2013. Issue 4. P. 32–45.

Iliushina Milana Yu. — Ph.D. in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, Russian Federation; e-mail: aspirant_vf@mail.ru

The article is based on published Arabic sources, an Arabic manuscript and classic and contemporary works of Russian and foreign scientists. The article is concerned with the period of Barquq's rule (1382–1389). In 1382 the last *Bahri* sultan Hadji was disposed. Within the next seven years all political life in the Mamluk Sultanat was concentrated round an opposition between Barkuk's supporters and an opposition between those who attempted to return the power to a family Kalaun and those who supported Barquq. In 1389 there was a revolt. Haji was declared a sultan again. In some months Barquq regained the throne, having finally acquired the right to rule the sultanate for the Circassian mamluks. Refs 27.

Keywords: mamluks, sultan Barquq, Egypt, Syria, Circassians.

UDC 94

Yafarova Z. G. The place of the "Hayat" journal (1926–1929) in the history of the Turkish periodicals // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2013. Issue 4. P. 46–51.

Yafarova Zaura G. — Post-graduated student, St. Petersburg State University, Russian Federation; e-mail: caramelami@gmail.com

The "Hayat" journal (1926–1929) is a periodical covering a range of various cultural, educational, historic, sociological, literary and art, as well as scientific and technical publications. For the first two years all articles were printed in Arabic graphics but starting from November 29, 1928, after changing Arabic graphic for Latin alphabet, all articles were printed in Latin alphabet. The edition of the "Hayat" was supported by the Ministry of National Education of Turkey. The main aim of the journal was to keep people informed with diverse information on significant cultural and political changes carrying out in Turkey after the proclamation of the Republic. Interests concerning the Turkish language, the history of Turkey, Turkish literature were regarded in the journal from the point of view of modern and national identity of the Turkish people. The problem of the development of a new system of national education was considered to be of utmost importance on the journal pages. The first publisher of the journal Mehmet Emin Erisirgil regarded the ideas of pragmatism philosophy, as well as pragmatic "instrumental" pedagogics, which afterwords turned out to be the foundation of a new educational system of Turkey. Refs 5.

Keywords: Turkish periodicals, the Republic of Turkey, the "Hayat" journal, Mehmet Emin Erisirgil, Avni Basman, pragmatism, pragmatic "instrumental" pedagogics.

UDC 821.411.16

Mayatskaya E. L. Mythological motives and postmodern irony in the novel "Fontanelle" by Meir Shalev // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2013. Issue 4. P. 52–60.

Mayatskaya Elena L. — Master of Philology, St. Petersburg State University, Russian Federation; e-mail: elenamay11@mail.ru

The article deals with the novel “Fontanelle” by the famous Israeli writer Meir Shalev. The novel was published in 2002 and has been translated into several languages. Together with other works by the author it is considered to fall into a category of postmodernism — a trend that has influenced in the recent decades not only the Israeli fiction, but also other literatures of the Middle East region. Another common feature of Meir Shalev’s works is his keen interest in mythological images and themes of ancient times (especially, that of the Bible) and in patterns of mythological nature found in the collective conscience of modern Israeli people. These two main patterns that include attitudes toward Holy Scriptures and representations of Founding Fathers of the state of Israel have turned into national metanarratives. The researcher of this article focuses on how the writer uses various mythological motives to create subjects and plots imbued with elements of postmodernistic irony. The author of the research has also made an attempt to trace postmodern response reflected in the novel to the forementioned metanarratives and to give examples of how fictional parody affects heroes from the Old Testament and images from modern Israeli myths. Refs 10.

Keywords: literature, Israel, fiction, prose, Hebrew, literary studies, postmodernism.

UDC 821.581

Nikitina A. A. Character portrayal in Chinese novels of the 1950s: the Party Loyalist vs. the Bourgeois Anti-Hero // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2013. Issue 4. P. 61–67.

Nikitina Alexandra A. — Master of Asian and African Studies, St. Petersburg State University, Russian Federation; e-mail: sashurochka@gmail.com

The article examines several novels from the early Communist period in China (“The Story of New Heroic Sons And Daughters” (1949), “The Song of Youth” (1958), “Bitter Herb” (1958) and “Morning in Shanghai” (1958)) and the potential of their protagonists to form healthy emotional attachments. The novels focus on depicting peasants and workers who try to overcome feudal way of thinking and be proactive in building their own happy lives. The novel “The Song of Youth” celebrates the revolutionary spirits of young intellectuals in big cities. The novel “Morning in Shanghai” depicts workers of the cotton mill in contrast to its owners — businessmen and bankers.

While the authors of these novels do their best to make the Communist ideal of “comradeship” look attractive, they succeed only in creating one character after another with the same psychopathology. These “ideal” citizens are incapable of either erotic or parental love, and are not afraid of private loss or even death. Love between party loyalists is always and everywhere a function of the social body and of the wider responsibilities of the individual to that body — in short, of the Communist project to “unite” China — and never of individual idiosyncrasies; love between individual human beings is never allowed to trump the primacy of sacrifice in the name of the revolution or even to become a microcosm of the revolutionary spirit. While the abstract monomania of the model Communists leaves them incapable of the kinds of local attachment on which true humanity depends, the bourgeois villains depicted in these novels are all unique in their passions — for women, money, power and so on — and in their all-too-human, complex, contradictory ways seem more like real people to the modern reader. Refs 10.

Keywords: Chinese literature, literary character, CPC, ideology.

UDC 821.411.21

Suvorov M. N. Some new novels from Yemen: between revelation and épatage // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2013. Issue 4. P. 68–78.

Suvorov Mikhail N. — Doctor of Philology, Associate Professor, St. Petersburg State University, Russian Federation; e-mail: soumike@mail.ru

What characterises Arabic literary bestsellers of the recent decade is candor in dealing with subjects, that previously used to be a kind of taboo in Arabic literature: sexual relations, sharp criticism of archaic cultural tradition, corruption and political oppression in the post-colonial Arab world, etc. Many Arab writers aim now at violating taboos by any means, sometimes at the expense of the quality of their writings. From this point of view three Yemeni novels: “The beautiful Jew” (2009) by ‘Ali al-Muqri, “Submissive wives” (2009) by Nadiya al-Kawkabani and “The red manuscript” (2010) by Muhammad al-Gharbi ‘Amran are analyzed in the article. The first one of these novels is an adventure love-story of a young Jew and a Moslem girl, which took place in Yemen in the 17th century. The unrealistic story is obviously intended to shock the reader by religiously inadmissible love-relations between a Jew and a female Moslem. The second novel presents a mosaic of fates of Yemeni women, who suffer in their family lives. Here we find a lot of savage “scandalous” cases that may be attributed exclusively to men’s mental disorders, not restricted to Moslem society, and therefore the author’s vivid intention to reveal negative sides of Moslem cultural tradition seems feigned in

a way. The third novel is of epic kind, concentrating mainly on the oppositionist NDF's struggle against the North Yemeni government in the 1970–80s. The author, though, saturated his work with sexual scenes, which have little relation, if any, to the main course of events. Refs 6.

Keywords: Yemen, Arabic literature, Arabic prose.

UDC 94(5)

Teptyuk P.S. **Some characteristics of the classical maqāma** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2013. Issue 4. P.79–84.

Teptyuk Pavel S. — Post graduate, The Institute of Oriental Manuscripts of The Russian Academy of Sciences, Russian Federation; e-mail: sunhealth@yandex.ru

Most of the researches, by giving definition of the classical maqama, mention its most obvious features (eloquent manner of narration, rhymed rhythmical prose, verses, two permanent characters), which in fact also belong to other Arabic genres, thus that features cannot be fully considered as a distinctive. This article is devoted to the research of particularities of classical maqama, which were not represented well in the fundamental works, related to the study of the history of genre. Among them are conditional historical-literary subdivision of the genre; designation of genesis and functions of traditional introductory phrase in maqāmas; special conjunction of saj', prose and verses in combination with fiction latitude in narration; possible description of plot in verses, which duplicates the text written earlier in saj'; functions of la prose libre in narration of the classical maqama; kinds and features of saj' used in classical and postclassical maqamas.

The author determines essential features of maqama, which distinguish it from other Arabic genres, designates conditions, which provided popularity and prevalence of the classical maqama, and lists possible reasons of such a high difference between maqāmas of classical authors and their postclassical followers. Refs 6.

Keywords: Arabic literature, maqāmāt, al-Ḥarīrī, rhymed prose.

UDC 94(5)

Kartashyan A.Z. **The Millet system's formation in the Ottoman Empire** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2013. Issue 4. P.85–93.

Kartashyan Anahit Z. — Post-graduated student, St. Petersburg State University, Russian Federation; e-mail: anahitkartashyan@yahoo.com

This paper focuses on the analysis of the Millet system's political role in the Ottoman Empire. The research on non-Muslim subject's history is an important link in the chain of the Ottoman Empire history. The millets had a cultural, social and political function, as well as obvious spiritual role. It may be defined as a political organization within the Ottoman administration, accepting sultan's absolute power, granted to the non-Muslims a right of self-management in their community affairs. However, there was a frequent state intrusion into the millets' affairs.

The head or millet bashi was elected by the millet but had to receive the confirmation of the Sultans. So, it became easy for the state to intervene in the elections of the more important millets.

The Millet system could have been a proper and good solution of non-Muslims' problems in the Ottoman Empire, but it didn't work very well. It became a very important instrument of the foreign powers to gain the advantages from the Sublime Porte. Refs 36.

Keywords: the Ottoman Empire, the Millet system, the Armenian millet, Armenian Patriarchate of Constantinople, Tanzimat.

UDC 394.014

Kotin I. Yu. **To be British, to be Asian? The dilemma of the British Asians as seen by Daljit Nagra** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2013. Issue 4. P.94–107.

Kotin Igor Yu. — Doctor of History, Professor, St. Petersburg State University, Russian Federation; e-mail: igorkotin@mail.ru

British poet of Punjabi (Indian) origin Daljit Nagra (b. 1966) represents the second generation of Indians in the United Kingdom. He teaches English in London school and writes poetry. His poetic works deserved several national and international prizes. His first book of poetry "Look We Have Coming to Dover!" published by prestigious Faber & Faber reveals his literary tastes and interests. It also contains a dozen of poems in Punglish (Punjabi English) of interest for ethnographer. These are stories of an Indian boy in "White Town" and description of Asian enclave of London, a story of arranged marriage and a "myth of

return” tale. He also covers the theme of death of Asian in the British environment, the race and racism theme and the “myth of return” among elder generation of immigrants. Daljit Nagra shows the picture of “Indian town” within the bigger white English city. He also explores life of the isolated Indian family in the dominant White suburb. The masterpiece of Daljit Nagra, his story of the visit of English Indians to the historical homeland shows the rising gap between the diasporic Indians and the sending society. Recent publication of his new book of poetry “Tippoo Sulan’s Incredible White-Man-Eating Tiger Toy-Machine!!!” shows that the Indian diaspora theme is not yet exhausted. An attempt by Nagra to turn to the Indian epic and his modern rendering of the famous ancient Indian epic poem marks the poets appreciation of Indian culture and “coming back” to his cultural roots. Refs 9.

Keywords: Indians, immigrants, South Asians, Great Britain, poetry.

UDC 323.1

Pugacheva E. V. Thailand and Burma (Myanmar): future of Burmese refugees in Thailand // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2013. Issue 4. P. 108–115.

Pugacheva Ekaterina V. — Post-graduated student, St. Petersburg State University, Russian Federation; e-mail: khatriya_me@hotmail.com

The article discovers reasons for the continuous exodus of Burmese refugees into neighboring Thailand and related security concerns on the border. The situation in the border region is analyzed in the context of the national security strategy of Thailand. The article offers a critical analysis of current political reform in Burma and reasons for its inconsistency. Moreover, the article discovers a link between the state policy and human rights violations that Burmese government is accused of, including forced displacement, land confiscation, forced labor, child labor, rape as a weapon of war and racial/ethnic/religious discrimination. The shortcomings of the Thai approach in dealing with refugee influx on the border with Burma are described in this article. Special attention is devoted to the future of young Burmese refugees in Thailand and to their education opportunities in the kingdom. The article ends with conclusions on how refugee community can be used as an instrument of political influence and potential destabilization of the region. The author’s first-hand work with the refugee community and field-research on the Thai border contributes to the deeper analysis of recent democratic reforms in Burma and define topicality and scientific innovation of the article. Refs 14.

Keywords: Burma/Myanmar, Thailand, refugee, ethnic groups, political changes, education for all.

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»
в 2013 году

СЕРИЯ 13: ВОСТОКОВЕДЕНИЕ, АФРИКАНИСТИКА

	Вып.	Стр.
Россия и Восток		
<i>Дьяков Н. Н.</i> Россия и Марокко: основные этапы и черты эволюции двусторонних связей в XX веке	4	3–11
<i>Старовойтова Е. О.</i> Российская политика в Китае после Русско-японской войны 1904–1905 годов: дискуссии в современной историографии.....	1	3–9
Языкознание		
<i>Guzev V. G., Özlem Deniz Yilmaz.</i> Subjunctive Mood (Thought-Mood) in Turkish.....	3	3–12
<i>Аврutiна А. С.</i> О специфике морфонологии как особой подсистемы языка (на материале современного турецкого языка).....	4	12–17
<i>Аврutiна А. С.</i> Некоторые спорные вопросы в учении о диссимилации в тюркских языках	2	3–11
<i>Дубровина М. Э.</i> Эволюция тюркской категории склонения в контексте системной лингвистики (на материале языка древнетюркских рунических памятников)	1	10–17
<i>Касевич В. Б.</i> Буддийские схоласты и современные теории речевых актов.....	3	13–18
<i>Кутафьева Н. В.</i> Числительные в устойчивых выражениях японского языка.....	1	18–27
<i>Мызникова В. В.</i> Речевое оформление и использование обращений в японском и корейском языках	1	28–34
<i>Смирнова М. О.</i> Комментарии к первым тибетским грамматическим трактатам «Сумчупа» и «Тагкичжугпа»	2	12–18
История и источниковедение		
<i>Алексеев А. К.</i> Некоторые объекты мусульманского паломничества на северо-востоке Ирана	3	19–30
<i>Битнер К. А.</i> «Изведавший болезни»: к интерпретации фрагмента книги пророка Исаяи в свете кумранских данных.....	3	31–40
<i>Гизбулаев М. А.</i> Источниковедческий анализ сочинения « <i>Илам ат-тилмиз би ахкам ан-набиз</i> »	4	18–24
<i>Гурьян Н. В.</i> Словарь «Сяо Эръя»: предварительное исследование	1	35–46
<i>Ерёмина (Мини) М. В.</i> Русские женщины середины XIX века в «Описании России» ат-Тантави.....	2	27–33
<i>Зеленев Е. И.</i> «Жемчужное дерево» и «Повелитель луны»: возникновение государства мамлюков.....	4	25–31
<i>Зеленев Е. И., Илюшина М. Ю.</i> Мамлюкский султанат в Египте: Бейбарс и его эпоха (1260–1277)	3	41–53
<i>Илюшина М. Ю.</i> Борьба за власть в Мамлюкском султанате в первый период правления Баркука (1382–1389)	4	32–45
<i>Кудояров В. Н.</i> Японо-голландские отношения в эпоху Эдо (1603–1867).....	3	54–61
<i>Овчинникова С. Э.</i> «Общество изучения Сёва» и его роль в создании проекта «Великой Восточно-Азиатской Сферы Сопроцветания», 1933–1940 годы	2	34–42
<i>Османов Е. М.</i> Народные воинские формирования периода бакумацу (1854–1867) и разработка доктрины японских вооруженных сил	1	47–57
<i>Погудина Ю. Ю.</i> Трудовая миграция рабочей силы в процессе урбанизации Китая после 1978 года.....	2	43–48

Солощева М. А. О роли школы Ньингма в политической и религиозной жизни Тибета (1642–1735)	3	62–72
Солощева М. А. Кукунорский мятеж 1723–1724 годов и его значение для истории Тибета	1	58–67
Янковская А. А. Топоним Қақула в «Путешествии» Ибн Баттуты и других арабских источниках	2	49–54
Яфарова З. Г. Место журнала «Хаят» (1926–1929) в истории турецкой периодической печати.....	4	46–51
Яфиа Юсиф Джамиль. Списки «Комментария ат-Тафтазани на грамматику аз-Занджани» из фонда Восточного отдела научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета	2	19–26

Литературоведение

Воробьёва С. Н. Мелодический компонент в средневековой турецкой ашыкской поэзии.....	2	55–59
Ляхович А. В. «Эта наша жизнь...»: творческий поиск Шу'аibu Макарфи.....	1	68–73
Ляхович А. В. Особенности художественного языка «Гандоки» Мухаммаду Белло Кагара.....	2	60–65
Маяцкая Е. Л. Мифологические мотивы как средство постмодернистской иронии в романе Меира Шалева «Фонтанелла»	4	52–60
Митькина Е. И. Поэтический сборник цинского поэта Хуан Цзинжэня «Ляндансюань»: история создания.....	1	74–80
Мокрушина А. А. Философско-аскетическая поэзия Абу-ль-Атахии	2	66–72
Никитина А. А. «Средний герой» или «идеальная личность»? Литературная политика в КНР в 1961–1976 годах	3	73–80
Никитина А. А. Особенности изображения героев в китайской романистике 50-х годов XX века.....	4	61–67
Никитина А. А. О влиянии политики Коммунистической партии Китая (КПК) на изображение персонажей в китайской литературе 1949 — начала 1960-х годов	2	73–81
Самсонова И. В. Современный турецкий детектив: этапы становления и развития.....	3	81–90
Стрельцова Л. А. Непальская поэзия «Третьего измерения»	1	81–87
Суворов М. Н. Новые романы из Йемена: между откровением и эпатажем	4	68–78
Тептюк П. С. Некоторые особенности классической макамы.....	4	79–84
Туранская А. А. Бурятское издание избранных песнопений Миларэпы (1040–1123).....	1	88–90
Туранская А. А. Монгольский перевод сборника «Сто тысяч песнопений» Миларэпы.....	2	82–88

Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки

Завьялова О. Ю. Отражение некоторых мировоззренческих особенностей в пословицах манден.....	3	91–98
Карташян А. З. Некоторые аспекты формирования системы миллетов в Османской империи	4	85–93
Котин И. Ю. Быть британцем / быть «азиатом» — дилемма британских «азиатов» в поэзии Далджита Награ	4	94–107
Мокрушина А. А. Лингвокультурологический аспект жанра заруды в сирийском фольклоре.....	1	91–102
Москалёва А. О. «Охранительная формула» в ассирийских царских надписях II тыс. до н. э. ...	2	89–99
Семёнова В. Н. Эфиопская сакральная живопись: проблемы периодизации	2	100–110

Международные отношения, политика и экономика стран Азии и Африки

Пугачева Е. В. Таиланд и Бирма (Мьянма): будущее иммигрантов из Бирмы в Таиланде.....	4	108–115
Пылева А. И. Колониальная политика Франции и деятельность католической церкви в Сиаме в XIX веке	3	99–109

Обзоры и рецензии

<i>Колотов В. Н.</i> Рецензия на монографию Д. В. Мосякова «Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему». М.: Институт Востоковедения РАН, 2012. 220 с.	2	111–113
<i>Османов Е. М.</i> Рецензия на учебное пособие: Ширяев Б. А., Федоров Н. В. История международных отношений в Тихоокеанском регионе. СПб.: СПбГУ, 2010. 248 с.	1	103–105
<i>Рыбаков В. М., Маяцкий Д. И.</i> Новейшее уникальное исследование по загробной жизни в традиционных китайских верованиях. (Рецензия на научно-справочное издание «Духи и божества китайской преисподней»).....	1	106–107
<i>Самойлов Н. А.</i> Рецензия на книгу: Бочаров В. В. Неписанный закон: Антропология права. СПб.: Издательство РХГА, 2012. 386 с.	1	108–111

Хроника научной жизни

<i>Самойлов Н. А., Мыльникова Ю. С.</i> XIX конференция Европейской ассоциации китаеведения	1	112–117
---	---	---------

In memoriam

<i>Сторожук А. Г.</i> Профессор Е. А. Серебряков (1928–2013). Памяти Учителя	4	116–119
<i>Янь Годун.</i> Академик Рифтин (1932–2012) навсегда останется в наших сердцах.....	3	110–115

CONTENTS

Russia and the East

- Dyakov N. N.* Russia and Morocco: main stages and features of evolution of the bilateral contacts in the 20th century..... 3

Linguistics

- Avrutina A. S.* The specifics of morphonology as an independent sub-system of a language (on the material of the modern Turkish) 12

History and source studies

- Gizbulaev M. A.* Textological analyses of the “*ʿIlam at-tilmidh bi ahkam an-nabidh*” 18
Zelenev E. I. “Pearl tree” and “Lord of the moon”: an origin of Mamluk state 25
Iliushina M. Yu. Sultan Barquq and his time (1382–1399)..... 32
Yafarova Z. G. The place of the “Hayat” journal (1926–1929) in the history of the Turkish periodicals... 46

Literary studies

- Mayatskaya E. L.* Mythological motives and postmodern irony in the novel “Fontanelle” by Meir Shalev..... 52
Nikitina A. A. Character portrayal in Chinese novels of the 1950s: the Party Loyalist vs. the Bourgeois Anti-Hero..... 61
Suvorov M. N. Some new novels from Yemen: between revelation and épatage..... 68
Teptyuk P. S. Some characteristics of the classical maqāma 79

Geocultural spaces and codes of the cultures of Asia and Africa

- Kartashyan A. Z.* The Millet system’s formation in the Ottoman Empire 85
Kotin I. Yu. To be British, to be Asian? The dilemma of the British Asians as seen by Daljit Nagra 94

Foreign policy and international relations of Asia and Africa

- Pugacheva E. V.* Thailand and Burma (Myanmar): future of Burmese refugees in Thailand..... 108

In memoriam

- Storozhuk A. G.* Professor E. A. Serebryakov (1928–2013). In Memoriam of our Teacher 116

- Abstracts**..... 124

- List of the articles**..... 129

ИНФОРМАЦИОННО-КНИГОТОРГОВЫЙ ЦЕНТР
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

“МЕНДЕЛЕЕВСКАЯ ЛИНИЯ, 5”

- НОВЫЙ СОВРЕМЕННЫЙ МАГАЗИН
- БОЛЕЕ 50 000 НАИМЕНОВАНИЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
- УНИКАЛЬНЫЕ СЕРВИС И ДИСКОНТНАЯ СИСТЕМА
- КОМПЛЕКТОВАНИЕ БИБЛИОТЕК ПО СПЕЦИАЛЬНЫМ ЦЕНАМ
- ПРЕЗЕНТАЦИИ ИЗДАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТОВ
- ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГАЛЕРЕЯ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОГРАММЫ
- СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ПОСТАВКИ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ОПТОВЫМ ЦЕНАМ
- ОРГАНИЗАЦИЯ ПОСТОЯННОЙ И ВРЕМЕННОЙ ВЫЕЗДНОЙ ТОРГОВЛИ В ВУЗАХ И НА НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ

Справки об организации студенческих продаж и выездной торговли
+7(812) 328 96 91, student@academlit.ru, torg@academlit.ru

ПРЕЗЕНТАЦИИ ИЗДАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТОВ ВЕДУЩИХ МИРОВЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ

В мае-августе 2013 года запланированы следующие выставки:

- МЕТОДЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОСТРЕБОВАННОСТИ И ДОСТУПНОСТИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНОЙ СРЕДЕ. СОТРУДНИЧЕСТВО СПбГУ И EBSCO
- РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА ВЕДУЩИХ АМЕРИКАНСКИХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ИЗДАТЕЛЬСТВ
- РОССИЙСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК В КОНТЕКСТЕ ВЕДУЩИХ МИРОВЫХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ ПО АРХЕОЛОГИИ

Санкт-Петербург, В.О., Менделеевская линия, д. 5
(Здание исторического и философского факультетов СПбГУ, вход с Биржевого проезда)
9.00–21.00 • пн–вс • +7(812) 329 24 71 • +7(812) 328 96 91 • sale@academlit.ru • www.academlit.ru

ОТДЕЛ ИЗДАТЕЛЬСКОГО И ПОЛИГРАФИЧЕСКОГО ЗАКАЗА
ИЗДАТЕЛЬСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Обеспечивая издание журнальной и книжной продукции, отвечающей самым высоким мировым научным, издательским и полиграфическим стандартам, Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета приглашает к сотрудничеству российские и зарубежные научные и учебные центры, авторов, издательства и редакции периодических изданий, заинтересованные в высококачественной редакционно-издательской обработке, полиграфическом исполнении и эффективном распространении научной и учебной литературы.

ПРЕДОСТАВЛЯЮТСЯ УНИКАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСНЫЕ РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ:

- РАЗРАБОТКА РЕДАКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ И КОНЦЕПЦИИ ИЗДАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТОВ
- ИНТЕГРИРОВАНИЕ ПРОЕКТОВ В ПОРТФЕЛЬ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА СПБГУ
- ВЫСОКОПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕДАКТУРА И КОРРЕКТУРА
- ПОЛИГРАФИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН И ПОДГОТОВКА ОРИГИНАЛ-МАКЕТОВ
- ПОДГОТОВКА ЭЛЕКТРОННЫХ ИЗДАНИЙ И ПОЛИГРАФИЧЕСКИЕ УСЛУГИ
- РЕКЛАМНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА ИЗДАНИЙ И КНИГОРАСПРОСТРАНЕНИЕ

Оформить заказ и/или получить дополнительную информацию Вы можете по электронной почте (zakaz@unipress.ru) или по телефону (+7 (812) 328 44 22). Квалифицированный менеджер оперативно выполнит все необходимые действия по расчету, оформлению заказа и избранию наиболее выгодного способа его исполнения.

Ваши предложения и замечания о порядке, сроках и условиях выполнения заказов просим направлять директору Издательства Новикову Евгению Юрьевичу по эл. почте (novikov@unipress.ru) или по факсу (+7 (812) 334 21 93).

Санкт-Петербург, В.О., 6 линия, д.11 (за Андреевским собором)
9.00 – 19.00 • пн–пт • www.unipress.ru • zakaz@unipress.ru
+7 (812) 328 44 22 • +7 (812) 334 21 93

